

Русская литература 8

С. Н. Захарова, Т. А. Морозова, Г. М. Чепелева

Русская литература

Учебное пособие для **8** класса
учреждений общего среднего образования
с белорусским и русским языками обучения

Под редакцией С. Н. Захаровой

*Допущено
Министерством образования
Республики Беларусь*

МИНСК
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАНИЯ
2018

Правообладатель Национальный институт образования

УДК 821.161.1.09(075.3=161.3=161.1)

ББК 83.3(2Рос=Рос)я721

З-38

Р е ц е н з е н т ы:

кафедра литературы и межкультурных коммуникаций учреждения образования «Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова» (кандидат филологических наук, доцент кафедры *А. В. Иванов*);

учитель русского языка и литературы высшей квалификационной категории государственного учреждения образования «Гимназия № 24 г. Минска» *Т. Ю. Пантелеева*;

кафедра русской литературы и журналистики филологического факультета учреждения образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина» (кандидат филологических наук, доцент кафедры *Т. В. Сенькевич*);

учитель русского языка и литературы квалификационной категории «учитель-методист» государственного учреждения образования «Гимназия № 1 имени Ф. Скорины г. Минска» *Л. А. Кушнерёва*

Условные обозначения:

— повторение изученного (информация, изученная в предыдущих классах, повторение которой необходимо при освоении нового материала);

— определение новых терминов и понятий;

— вопросы и задания для индивидуальной и/или групповой работы, направленные на осмысление изученного материала или прочитанного произведения;

— задания для самостоятельной работы по выбору учащихся, как правило, требуется обращение к интернет-ресурсам;

— справочные материалы историко-культурологического характера;

— задания из электронного образовательного ресурса «Русская литература. 8 класс», размещённого на Национальном образовательном портале <http://e-vedy.edu.by>.

ISBN 978-985-594-041-9

© Захарова С. Н., Морозова Т. А.,
Чепелева Г. М., 2018

© Оформление. НМУ «Национальный
институт образования», 2018

Введение

Слово «литература» произошло от латинского *litera*, т. е. «буква», от которого было образовано *literature* — «рукопись», «всё написанное». Литература выделилась из устного народного творчества. Сегодня литературой называют:

○ вид искусства, отражающий действительность в художественных образах, создающий новую художественную реальность посредством слова;

○ совокупность письменных произведений конкретного народа (русская, английская, белорусская и др.) или всего человечества (мировая) либо определённой эпохи (античная, средневековая, современная и т. п.).

Впервые о назначении литературы задумались античные философы и учёные. С того времени её функции практически не изменились. Наиболее важные из них отражены в таблице 1.

Таблица 1

Функции художественной литературы

Название функции	Сущность функции
Познавательная	Даёт возможность познать мир и человека
Воспитательная	Воспитывает моральные качества и эстетический вкус
Эстетическая	В произведениях мир строится по законам красоты, созданы яркие художественные образы, в которых воплощено представление о прекрасном и безобразном
Коммуникативная	Обеспечивает связь между людьми, поколениями, культурами, народами

Однако литература не сразу получила популярность среди других видов искусства, хотя талантливые писатели существовали во все эпохи и у каждого народа. В Античности наиболее востребованным видом искусства был театр, в эпоху Возрождения — живопись. Приблизительно с XVIII века литература стала завоёвывать всё больше поклонников. Вероятно, это объясняется тем, что к этому времени у литературы появилась своя аудитория — подготовленные читатели.

В литературных произведениях отражаются разные стороны человеческой жизни: реальной, современной писателю, или выдуманной, даже фантастической. Автор выступает не просто как создатель, творец. Он в произведении может занимать позицию стороннего наблюдателя (к примеру, в комедии «Ревизор» Н. В. Гоголя). Иногда автор сам является активным участником всего, что происходит в его книге, как, например, А. де Сент-Экзюпери в «Маленьком принце».

Писатель XX века Х. Л. Борхес утверждал, что «хороший читатель встречается реже, чем хороший писатель». Труд читателя состоит в том, чтобы осмыслить авторский замысел, оценить поступки героев, пережить вместе с ними события, описанные в произведении. И этот труд не менее важен и сложен, чем творчество писателя — автора художественного произведения. Прочитать произведение — значит вступить с автором и его героями, эпохой, в которую они жили, в своеобразный диалог.

Чтение обогащает внутренний мир читателя, формирует систему ценностей, расширяет кругозор, учит, отражает идеал, к которому нужно стремиться.

Для выполнения некоторых заданий желательно обратиться к дополнительной литературе:

1. Энциклопедия для детей / глав. ред. М. Д. Аксёнова. — Т. 15. Всемирная литература. Ч. 1. От зарождения словесности до Гёте и Шиллера. — М. : Аванта+, 2001.

2. Энциклопедия для детей / глав. ред. М. Д. Аксёнова. — Т. 9. Русская литература. Ч. 1. От былин и летописей до классики XIX века. — М. : Аванта+, 2001.

3. Энциклопедия для детей / глав. ред. М. Д. Аксёнова. — Т. 9. Русская литература. Ч. 2. XX век. — М. : Аванта+, 2001.

1. Какие два значения имеет термин «литература»? Докажите, что литература является видом искусства.

2. Назовите функции художественной литературы. Какая из них является наиболее важной? Появились ли у литературы новые функции в XXI веке?

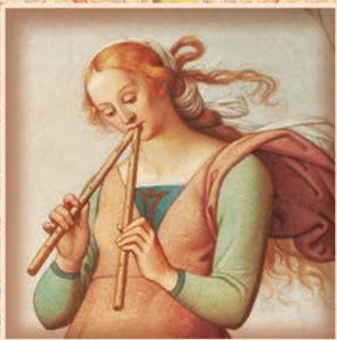

3. Докажите, что в литературе нашли отражение разные культурно-исторические эпохи. Вспомните произведения, которые изучали раньше или читали самостоятельно, и заполните таблицу «Отражение в литературе жизни человечества с древних времён и до наших дней»:

Автор	Название произведения	Время действия	Место действия

4. «Для многих, многих книги так же нужны, как хлеб и соль. И так будет, сколько бы ни изобретали замысловатых кассет, и телевизоров, и других заменителей. В человеческом мозгу хранятся книжные сокровища, которые не умрут», — писала о значении книг А. Линдгрэн. Согласитесь или опровергните мнение шведской детской писательницы. Для этого определите две группы для дискуссии и подберите аргументы за (группа 1) и против (группа 2). Какая группа нашла больше аргументов?

5. Известно, что И. С. Тургенев приобрёл библиотеку В. Г. Белинского после смерти великого критика. Так писатель хотел сберечь заветных друзей Белинского — его книги. Сейчас они хранятся в музее Тургенева в Спасском-Лутовинове. Есть ли у вас личная библиотека? Как она создавалась? Напишите небольшое сочинение на тему «Моя личная библиотека: разделы, книги, авторы».

От древних времён до начала XIX века

АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

(около IX века до нашей эры — V век нашей эры)

На протяжении почти 15 столетий на территории современной Греции и Италии, а также в Северной Африке и Передней Азии существовала античная культура.

Название «античный» происходит от латинского *antiquus* — древний. Его придумали итальянцы в эпоху Возрождения. Тогда в Риме впервые начались раскопки и была обнаружена греко-римская культура — самая ранняя из известных в то время.

Античная культура была тесно связана с развитием городов-государств. Человек рассматривался в ней как полноправный гражданин полиса. Богам отводилось немалое место, но они воспринимались как часть природы. Человек в античном искусстве — свободная личность. Его добродетелями были справедливость, рассудительность, благочестие. Произведения искусства воспевали его физическую красоту и благородные поступки. Образы античной литературы отличались гармоничностью и пластичностью, понятным и глубоким смыслом. Сюжеты античных произведений были, как правило, связаны с мифологией, а сами тексты написаны в поэтической форме.

У древних греков не было сказок, но имелась богатая мифология. Мифы рассказывали о богах и героях, на которых греки перенесли все черты собственной земной жизни. Через столетия прошли и воплотились в многочисленных литературных, живописных,

скульптурных, музыкальных произведениях Геракл и Орфей, Пигмалион и Галатея, Дедал и Икар, Антей и Тантал. Позже римляне заимствовали греческую мифологию. Они дали богам свои имена. Так возникли параллели: Зевс — Юпитер, Афродита — Венера, Арес — Марс и т. д.

Большинство литературоведческих понятий появилось в Античности. Об этом говорят их названия: роман, повесть, комедия, поэма, ода, сатира, басня, эпиграмма и др. В античной литературе выделились три литературных рода (эпос, лирика и драма), сформировалась система жанров внутри каждого из них. Всему миру известны басни Эзопа, эпические поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея», трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида, комедии Аристофана. Открытие в области прозы — это творчество историков Геродота, Фукидида, Ксенофонта. В ораторском искусстве наиболее известно красноречие Демосфена и Цицерона. Огромное влияние на развитие литературы и литературоведения оказали философы Платон и Аристотель.

Главным материалом для письма с VII века до нашей эры был *папирус* (пергамент появился позже и был довольно дорогим). Античная книга представляла собой папирусный свиток, который при чтении разворачивался. Объём такой книги равен 40 страницам современной книги, поэтому произведение могло состоять из нескольких десятков свитков. Лишь в III веке нашей эры распространяется *кодекс* — книга привычного для нас вида, изготовленная из пергамента.

Многие античные произведения не сохранились. Например, из 90 пьес Эсхила сохранилось полностью 7, из 120 драм Софокла — тоже 7, а из 92 произведений Еврипида — 19. Античный текст мог сохраняться лишь в том случае, если он пользовался популярностью у читателей, тогда его время от времени переписывали.

Развитие точных и гуманитарных наук привело к накоплению знаний, развитию книгоиздания и созданию библиотек. Библиотека в Александрии (Египет) во времена Юлия Цезаря (I век до нашей эры) насчитывала 700 тысяч книг. Эти бесценные сокровища были уничтожены пожарами.

Театр Диониса в Афинах

Самым важным видом искусства в Античности считался театр. Трагедии ставились в Афинах с 534 года до нашей эры. Театр был похож на современный открытый стадион, где свободно размещалось до 50 тысяч человек. Ряды скамей для зрителей располагались по склону горы. Они разделялись горизонтальными проходами на ярусы, а вертикальными — на клинья. В центре находи-

лась круглая площадка — *орхестра*, которая могла отделяться от зрителей ровом с водой. На орхестре размещались хор и актёры. За ними находилась *скена* («палатка»). Сначала она действительно была палаткой, где переодевались актёры и хранился реквизит. Позже на её месте была сделана каменная стена, на которой изображали декорации. Театр не имел занавеса и крыши.

Актёры носили маски. Это было связано с тем, что зрители, сидевшие в дальних рядах, не могли различать мимику актёра. Женские роли исполнялись мужчинами. Актёры не только декламировали, они и пели, танцевали. По ходу действия использовались подъёмные машины для появления богов и специальная техника для создания шумовых эффектов (ударов грома, шума дождя и т. п.).

Авторитет знания был настолько велик, что в Александрии в III веке до нашей эры возникло подобие академии наук, получившее название Мусейон. Это был и исследовательский центр, и музей с ботаническим садом, зверинцем и обсерваторией. В Мусейоне зародилась филологическая наука, занимавшаяся в то время анализом текстов, отбором тех из них, которые считались достоверными, «каноническими».

Схема Мусейона в Александрии

1. На основе статьи сформулируйте письменно особенности античной культуры (вариант 1) и античной литературы (вариант 2). Пользуясь записями, объясните соседу по парте изученный вами материал.

2. В чём состоит значение Античности для последующего развития европейской культуры?

3. Пользуясь материалами учебного пособия и дополнительной литературой, составьте список литературных жанров, которые появились в Античности. Установите, кто из изображённых на форзаце 1 деятелей был родоначальником этих жанров.

ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ (середина XIV — конец XVI века)

На смену Античности пришло Средневековье (IV—XV века). В этот период литература была тесно связана с религией: появлялись жития, религиозные гимны и песни. Литература создавалась на латинском языке. Однако народ, не владея латынью, складывал произведения на родных языках: сказки, предания, песни (песни и баллады о Робин Гуде в Англии). Появился героический эпос — повествование о подвигах героев: «Песнь о Роланде» — во Франции, «Песнь о моём Сиде» — в Испании. Особое место в средневековой литературе занимают рыцарская (роман, песни) и городская (басни, рассказы о находчивых крестьянах и глупых феодалах) литература. После средних веков наступило Возрождение.

Родиной Возрождения (Ренессанса) считается Италия, где раньше других европейских стран стали формироваться капиталистические отношения.

Термин «возрождение» впервые использовал итальянский живописец, художник, архитектор и историк Джорджо Вазари (1511—1574), понимая под ним «возрождение Античности». Широко стал употребляться в науке только с XIX века.

Ренессанс сделал вновь актуальными и воплотил в произведениях искусства идеи, сформулированные в Античности: «Человек — венец природы!», «Человек есть мера всех вещей!», «Знания делают человека Богом!». Все вместе они составляют основу новой философии — гуманизма.

Гуманизм (от лат. *humanus* — человеческий) — мировоззрение, основу которого составляет идея человека как высшей ценности, защита достоинства личности, её свободы и права на счастье.

В эпоху Возрождения влияние церкви на общество и культуру ослабело, поэтому быстро развивается светское искусство, из науки и литературы вытесняется латинский язык. По всей Европе создаются литературы на национальных языках.

Главным *содержанием* искусства становится человек, его земная жизнь и борьба за счастье. Ренессансный человек — всесторонне и гармонично развитая личность, физически красивая и духовно богатая. В этом художники и писатели Возрождения стремились приблизиться к лучшим произведениям античной культуры, считая её образцом для своего творчества.

Важнейшей *темой* в искусстве становится любовь. Кроме этого, создаётся много сатирических произведений, которые высмеивают средневековые идеалы, человеческую глупость, критикуют недостатки средневекового общества.

Эпоха Возрождения дала миру много новых имён: поэт и драматург Уильям Шекспир — в Англии; писатель и философ Мишель Монтень — во Франции; писатель, автор «Дон Кихота», Мигель де Сервантес — в Испании; скульптор Микеланджело Буаноротти, художник Рафаэль Санти, художник и изобретатель Леонардо да Винчи, поэты Данте Алигьери, Франческо Петрарка, писатель Джованни Боккаччо — в Италии. Всех их объединял универсализм — почти каждый проявил свой талант в нескольких областях. Каждый из них может быть назван титаном эпохи Возрождения, потому что смог сделать столько, сколько не под силу обычному человеку.

1. Выпишите из статьи не менее двух объяснений, почему культурно-историческая эпоха середины XIV — конца XVI века в Европе называется Возрождением. Запишите их в тетрадь.

2. Почему деятелей науки и искусства эпохи Возрождения называют: 1) гуманистами; 2) универсалами; 3) титанами?

3. Рассмотрите на форзаце 2 иллюстрации и портреты. Кого из деятелей искусства и науки эпохи Возрождения вы узнали? В чём состоял их вклад в развитие мировой культуры?

4. Французский писатель Анатоль Франс назвал Ренессанс «весной человеческого разума». Установите по дополнительным источникам, какие основные открытия свершились в науке и искусстве (литературе) в эпоху Возрождения. Какие из этих открытий, по-вашему, не потеряли актуальности сегодня?

Уильям ШЕКСПИР

1564—1616

...Одно из самых лучезарных, самых великих человеческих имён...

И. С. Тургенев

Шекспира можно смело назвать едва ли не самой загадочной фигурой европейского Возрождения. Возникшая вокруг имени драматурга таинственность ничуть не уменьшилась, хотя с начала изучения шекспировского вопроса прошло уже около 300 лет.

Шекспировский вопрос — в литературоведении: споры о том, кто на самом деле скрывается под фамилией Шекспир и является автором приписываемых ему пьес и сонетов.

Первая биография Шекспира была написана, когда никого из его современников уже не было в живых. Достоверные биографические сведения о нём очень скудные. Известно, что Шекспир родился в Страдфорде-на-Эйвоне, его отец торговал кожами, избирался мэром городка, впоследствии разорился. Образование Шекспира составили четыре класса грамматической школы. Достоверно известно, что он женился в 18 лет и имел троих детей. С 1585 по 1592 год сведений о жизни и творчестве Шекспира нет. В 1592 году, живя в Лондоне, он примкнул к одной из театральных трупп. С этого времени начинают ставить его пьесы. В 1599 году Шекспир открывает свой

SHAKE-SPEARES

SONNETS.

Newly Indore Imprinted.

AT LONDON

By G. Eld for T. T. and are
 sold also at a shop called
 at Child Church, in
 1599.

110

THE

Существует легенда о смерти Шекспира: он умер, не выдержав волнений в день своего 52-летия, когда к нему наведались друзья из театра. Через 7 лет друзья выпустили первый сборник пьес У. Шекспира, включив в него 36 произведений (при жизни было опубликовано только 18). Общее наследие Шекспира составляет 37 пьес (исторические хроники, комедии, трагедии) и 154 сонета.

- Сонет создан в XIII веке, вероятно, в Провансе (Франция) бродячими поэтами — трубадурами. Название жанра произошло от провансальского слова «песенка». Затем сонеты появились в Италии и стали известны благодаря Данте, который посвящал их своей возлюбленной Беатриче, и Петрарке, воспевавшему красавицу Лауру. Позже, в XVI веке, сонеты появились во Франции, Испании и Англии.

Сонет — это стихотворение из 14 строк, написанных, как правило, пятистопным ямбом.

Ямб — стихотворная стопа, в которой ударение падает на второй слог.

Стопа — несколько слогов, объединённых одним ударением; единица ритмической организации стиха.

Сонет имеет особую композицию. В литературоведении различают классический («итальянский» и «французский») и «английский» сонеты. В классическом сонете выделяются два четверостишия (в первом содержится экспозиция, во втором — развитие идеи) и два трёхстишия (развязка и вывод — суть всего произведения). «Английский» сонет имеет другое построение: три четверостишия и завершающее двустишие.

Шекспир написал свои сонеты в последнее десятилетие XVI века. Их публикация — один из самых загадочных эпизодов в истории прижизненных изданий Шекспира. Известно, что уже до 1598 года сонеты были написаны и распространялись в рукописи среди друзей Шекспира. По неизвестной причине он не хотел их публиковать. Однако два сонета были напечатаны издателем У. Джаггардом в 1599 году. Затем в течение десяти лет ни один сонет Шекспира не появлялся в печати. Но в 1609 году «Сонеты» вышли в свет отдельной книгой.

Из 154 сонетов с 1-го по 126-й посвящены другу, остальные — возлюбленной, так называемой Смуглой даме. По одной из версий, это Мери Фиттон, фрейлина королевы Елизаветы. Образ друга связывают с одним из высоких покровителей Шекспира — Генри Ризли, графом Саутгемптоном (образованный аристократ, любитель театра). Именно его видят скрытым в инициалах посвящения на титульном листе первого издания 1609 года: «...to Mister W. H.».

Сонеты Шекспира считаются вершиной английской лирики эпохи Возрождения. В них наиболее полно отразилось мироощущение человека, жившего в эпоху Ренессанса.

1. Составьте схему (алгоритм) для «узнавания» сонета среди других жанров лирики.

2. Подберите несколько стихотворений и предложите своим одноклассникам, пользуясь схемой (алгоритмом), доказать, являются ли выбранные вами стихотворения сонетами.

3. Вспомните (установите по дополнительной литературе), кто из русских и белорусских поэтов писал сонеты.

4. В чём, по-вашему, причина популярности сонета как лирического жанра до настоящего времени?

СОНЕТЫ

(В переводе С. Я. Маршака)

Переводы сонетов Шекспира, выполненные Маршаком, в литературоведении характеризуются как «явление в русской литературе исключительное. Кажется, со времён Жуковского не было или почти не было другого стихотворного перевода, который в сознании читателей встал бы так прочно рядом с произведениями оригинальной русской поэзии» (М. Л. Гаспаров, Н. С. Автономова).

Поэтический перевод не может быть точной копией оригинала. Сонеты Шекспира в переводах Маршака — это перевод не только с языка на язык, но и со стиля на стиль. Стиль Маршака более спокойный, уравновешенный. В этом его отличие от неистовой и страстной поэзии Шекспира. Однако Маршак сумел передать дух шекспировской поэзии.

23

Как тот актёр, который, оробев,
Теряет нить давно знакомой роли,
Как тот безумец, что, впадая в гнев,
В избытке сил теряет силу воли, —

Так я молчу, не зная, что сказать,
Не оттого, что сердце охладело.
Нет, на мои уста кладёт печать
Моя любовь, которой нет предела.

Так пусть же книга говорит с тобой.
Пускай она, безмолвный мой ходатай,
Идёт к тебе с признаньем и мольбой
И справедливой требует расплаты.

Прочтёшь ли ты слова любви немой?
Услышишь ли глазами голос мой?

1. Определите тему произведения. Установите, как развивается авторская мысль в 23-м сонете. Для этого обозначьте, какое состояние передано в каждой строфе, что изменяется в чувствах героя сонета.
2. Литературовед А. А. Аникст писал: «Теория поэзии эпохи Возрождения считала, что нельзя просто назвать предмет <...>. Всякая мысль, событие, переживание должны быть выражены посредством сравнения, уподобления одного предмета другому». Найдите сравнения, определите, какова их роль в тексте.
3. Отметьте в стихотворении слова с антонимичным значением. Какое состояние человека передаёт автор, употребляя рядом такие слова?
4. Подумайте, почему сонет заканчивается вопросами. Существует ли ответ на них? Как бы вы ответили на эти вопросы?

5. Определите, что в 23-м сонете Шекспира является традиционным, а что — новаторским, т. е. не соответствует правилам написания сонета.

30

Когда на суд безмолвных, тайных дум
Я вызываю голоса бывшего, —
Утраты все приходят мне на ум,
И старой болью я болею снова.

Из глаз, не знавших слёз, я слёзы лью
О тех, кого во тьме таит могила,
Ищу любовь погибшую мою
И всё, что в жизни мне казалось мило.

Веду я счёт потерянному мной
И ужасаюсь вновь потере каждой,
И вновь плачу я дорогой ценой
За то, за что платил уже однажды!

Но прошлое я нахожу в тебе
И всё готов простить своей судьбе.

1. Первая строфа сонета определяет тему всего стихотворения. Какова она в 30-м сонете? Какие слова-образы помогли это определить?

2. Шекспир часто использует прозаизмы — «образы, взятые из повседневной жизни, сравнения и уподобления с фактами, которые сами по себе ничуть не поэтичны» (А. А. Аникст). Найдите их в 30-м сонете.

3. Исследователи считают жизнеутверждающий, оптимистический пафос отличительной чертой литературы Возрождения. Каково настроение 30-го сонета? Подумайте, соответствует ли оно общему поэтическому правилу.

60

Как движется к земле морской прибой,
Так и ряды бессчётные минут,
Сменяя предыдущие собой,
Поочерёдно к вечности бегут.

Младенчества новорождённый серп
Стремится к зрелости и наконец,
Кривых затмений испытав ущерб,
Сдаёт в борьбе свой золотой венец.

Резец годов у жизни на челе
За полосой проводит полосу.
Всё лучшее, что дышит на земле,
Ложится под разящую косу.

Но время не сметёт моей строки,
Где ты пребудешь смерти вопреки!

1. Определите тему 60-го сонета.

2. Выпишите слова, которые раскрывают смысл понятия «время». С помощью каких метафор передана неотвратимость хода времени?

3. В каких строках выражено отношение автора к власти времени над всеми земными явлениями?

4. Согласны ли вы с тем, что «для Шекспира Время не абстрактное понятие, а живое существо, обладающее страшной, нечеловеческой силой» (А. А. Аникст)? Аргументируйте свой ответ.

5. Что, по мнению Шекспира, может остановить ход времени или бросить ему вызов? Узнайте из дополнительной литературы, какие два способа для преодоления времени видел Шекспир. Дайте свою оценку мнению поэта.

Литература первой половины XIX века

В первой половине XIX века русская литература переживает своё рождение, которое связано в первую очередь с творчеством А. С. Пушкина. Именно он создал русский литературный язык, написал шедевры во многих жанрах, благодаря чему русская литература вышла на один уровень с европейской. Традиции Пушкина продолжили М. Ю. Лермонтов (в поэзии и прозе), Н. В. Гоголь (в прозе и драматургии) (табл. 2).

Таблица 2

Писатели первой половины XIX века и их произведения

Годы жизни	Автор	Наиболее значимые произведения
1799—1837	Александр Сергеевич Пушкин	«Дубровский», «Капитанская дочка», «Повести Белкина», «Евгений Онегин»
1814—1841	Михаил Юрьевич Лермонтов	«Мцыри», «Демон», «Герой нашего времени», «Бородино»
1809—1852	Николай Васильевич Гоголь	«Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», «Ревизор», «Петербургские повести», «Мёртвые души»

В начале XIX века в русской литературе сменяется несколько направлений, но наиболее важными среди них были романтизм и утвердившийся в конце 1820-х годов реализм. Возникновение романтизма связано с общественно-политической ситуацией, сложившейся в Европе, и особенностями исторического развития России (табл. 3).

Таблица 3

Причины возникновения романтизма

В Западной Европе	В России
○ Крах идей Великой Французской революции; ○ кризис рационализма — философского учения о возможности познания мира с помощью разума	○ Ожидание реформ после победы в войне 1812 года; ○ движение декабристов; ○ влияние западноевропейского романтизма

Романтизм и реализм существенно отличаются по многим позициям (табл. 4).

Таблица 4

Сравнительная характеристика романтизма и реализма

Критерий для сравнения	Романтизм	Реализм
Время возникновения	Конец XVIII — первая половина XIX века	Середина XIX века
Герой	○ Исключительная личность; ○ сильная, одинокая натура; ○ находится в конфликте с обществом; ○ как правило, не меняется в произведении	○ Типичный герой; ○ носитель обычных качеств, положительных и отрицательных; ○ его личность изменяется по ходу повествования; ○ вступает в сложное взаимодействие с обществом
Место действия	○ Мир мечты; ○ экзотические страны; ○ историческое прошлое	○ Реалистический мир; ○ обычные условия для той эпохи, в которую происходит действие
Особенность отражения мира	Субъективное начало преобладает над объективным	Правдивое, достоверное изображение эпохи, стремление отразить её полностью
Приёмы создания образа	○ Контраст — резкое противопоставление;	○ Типизация — отражение самых характерных черт, особенностей;

Критерий для сравнения	Романтизм	Реализм
	○ символы — художественные образы, которые выражают смысл явления в предметной форме; ○ романтический пафос произведения — приподнятый, оптимистический настрой	○ социальный детерминизм (от лат. <i>determinare</i> — ограничение, определение) — общественное положение определяет особенности личности героя; ○ психологизм — отражение внутренней жизни героев
Жанры	Размыwanie жанровых границ; появились новые жанры: лиро-эпическая поэма («Мцыри» М. Ю. Лермонтова), баллада («Светлана» В. А. Жуковского) и т. д.	Чёткое следование законам жанра; наиболее развиты жанры: роман, повесть («Ася» И. С. Тургенева), рассказ («После бала» Л. Н. Толстого)

Первая половина XIX века — это период становления литературной критики, связанный с деятельностью В. Г. Белинского.

1. Из таблицы 2 выпишите названия изученных ранее произведений первой половины XIX века. Определите, к романтизму или реализму они относятся. Какова тема каждого из них? Сделайте вывод о тематике русской литературы в данный период. Результаты оформите в виде таблицы:

Автор	Название произведения	Художественное направление	Тема

2. Пользуясь материалами таблицы 3, создайте конспект-шпаргалку для развёрнутого ответа на вопрос: «Романтизм как направление в литературе: отличительные черты, темы, образы, представители».
3. Рассмотрите портреты А. С. Пушкина, выполненные В. А. Тропининым (с. 20) и О. А. Кипренским (форзац 3). Определите, какой из портретов романтический, а какой — реалистический. Докажите свою точку зрения, пользуясь таблицей 3.

4. Пользуясь страницей «Особенности исторического развития России в первой половине XIX века», запишите, какие исторические события определили особенности социально-культурного развития России в этот период.

Александр Сергеевич ПУШКИН

1799—1837

...это русский человек в его развитии... В нём русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой... чистоте, в такой очищенной красоте...

Н. В. Гоголь

Южная ссылка (май 1820 — август 1824). К началу 1820-х годов в жизни Петербурга Пушкин стал знаковой фигурой. Его стихи и эпиграммы, ода «Вольность» и только что сочинённая поэма «Руслан и Людмила», даже не напечатанные, были у всех на устах. «...он наводнил Россию возмутительными стихами», — говорил царь Александр I. Такие произведения были несовместимы со статусом государственного чиновника (поэт служил коллежским асессором в Коллегии иностранных дел). Пушкину грозила ссылка в Сибирь или заточение в Соловецкий монастырь. Только заступничество Н. М. Карамзина, П. Я. Чаадаева и Ф. Н. Глинки, которым пришлось добиться аудиенции¹ у царя, помогли смягчить монарший гнев и избежать более тяжёлой участи.

Путешествие с Раевскими. Первым из лицеистов был сослан А. С. Пушкин. Формально это был служебный перевод в Бессарабию (современная Молдова) под начало генерал-лейтенанта И. Н. Инзова. Он по-отечески отнёсся к юному поэту: о службе не напоминал, велел отдыхать и осваиваться, а затем и вовсе отпустил заболевшего горячкой Пушкина вместе с семьёй Раевских в длительное путешествие по Крыму и Кавказу (с мая по сентябрь 1820 года). Об этой поездке Пушкин писал брату: «...свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался, — счастливое, полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение, — горы, сады, море...»

¹ Аудиенция — официальный личный приём.

1. По дополнительным источникам установите, в каких местах Крыма и Кавказа Пушкин побывал вместе с Раевскими. Соберите коллекцию из иллюстраций, картин, фотографий с видами природы и памятниками архитектуры времён Пушкина и наших дней. Совместно создайте из них презентацию.
2. Какие мысли и эмоции вызывают у вас те места, которые поэт посетил, путешествуя с Раевскими? Кратко запишите их. Найдите отзывы Пушкина о природе Крыма и Кавказа, сравните впечатления поэта с вашими.

Служба в Кишинёве. «Узник». По возвращении из путешествия с Раевскими Пушкин оказывается в Кишинёве. Здесь поэт подружился с будущими декабристами: В. Ф. Раевским, П. И. Пестелем, М. Ф. Орловым. Но Пушкина тяготит спокойная, размеренная жизнь в глухой провинции, он чувствует себя пленником: из-за вспыльчивого характера его часто сажали под домашний арест (в Кишинёве произошло большинство дуэлей поэта). Возможно, поводом к написанию стихотворения «Узник» стало посещение Кишинёвского острога, один из арестантов которого рассказал Пушкину о предстоящем побеге.

Ил. Г. Е. Никольского

УЗНИК

Сижу за решёткой в темнице сырой,
Вскормлённый в неволе орёл молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюёт под окном.
Клюёт и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовёт меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!
Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!»

1822

1. Проследите за тем, как изменяется место действия и настроение в каждом четверостишии.
2. Почему исследователи отмечают, что в стихотворении нет противопоставления отдельных частей друг другу? В чём тогда выражается контраст, если не в композиции стихотворения?
3. Какие средства художественной выразительности помогают поэту передать страстное стремление к свободе? Найдите повторы в последней строфе. Какую роль они играют в произведении? Достиг ли узник такой желанной свободы?
4. Кто является героями стихотворения? Что их объединяет? Какую символическую нагрузку несёт в себе каждый из этих образов — узник и орёл?
5. Почему это стихотворение стало народной песней?
6. Выучите стихотворение А. С. Пушкина «Узник» наизусть.

Лирический герой

Лирика — это род литературы, в котором предметом изображения становятся эмоции и чувства автора.

Ставить знак равенства между поэтом, создателем произведения, и его героем, чьи переживания переданы в стихотворении, является не совсем правильным. Описанный в стихотворении герой — это художественный образ, а значит, при его создании поэт прибегал к использованию вымысла, символов, метафор и других средств художественной выразительности.

Лирический герой — это «художественный двойник поэта», способ выражения в произведении авторской позиции. Иначе говоря, лирический герой — вымышленное лицо, наделённое определёнными чертами, которые повторяются в цикле (сборнике) стихотворений, и даже биографией.

Сам термин появился только в XX веке, но «первооткрывателем» лирического героя в русской литературе принято считать М. Ю. Лермонтова.

1. Каким предстаёт лирический герой в стихотворении «Узник»?
2. На основании изученных ранее стихотворений А. С. Пушкина определите, какими ещё чертами личности обладает лирический герой его поэзии.
3. Вспомните, что такое романтический герой. Как соотносятся понятия «лирический герой» и «романтический герой»? Какими специфическими чертами обладает лирический герой романтических произведений?

В Одессе. «Сожжённое письмо». С самого начала ссылки Пушкин надеялся на прощение: «Бог простит мои грехи, как Государь мои стихи». Однако за три года так его и не получил. Друзья поэта П. А. Вяземский и А. И. Тургенев стали хлопотать о нём, но добились только перевода в Одессу в начале июля 1823 года.

В Одессе Пушкин прожил 13 месяцев и написал две с половиной главы «Евгения Онегина», значительную часть поэмы «Цыганы», около сотни стихотворений, закончил поэму «Бахчисарайский фонтан». Поэт возвращается к привычной жизни: попадает в светское общество, его принимают во дворце губернатора Воронцова и в салоне его супруги Елизаветы Ксавьерьевны — необыкновенно красивой, прекрасно образованной женщины. Считается, что именно ей посвящены «Сожжённое письмо», «Талисман», «Храни меня, мой талисман...».

И. Ф. Соколов.
Е. К. Воронцова

Сначала Воронцов готов был покровительствовать поэту, открыл для него личный архив и огромную библиотеку, привезённую из Европы. Но он относился к поэту с любезностью начальника, демонстративно не замечал индивидуальности Пушкина, что стало причиной конфликта между поэтом и губернатором. Мучимый ещё и ревностью, Воронцов неоднократно обращался в Петербург с просьбой «убрать» Пушкина из Одессы. Всё решило перехваченное полицией письмо поэта, где он признавался, что берёт «уроки чистого афеизма» (атеизма). 29 июля Пушкина вызвали в канцелярию наместника, где объявили ему о высылке, а 30 июля отставной

коллежский секретарь Пушкин выехал из Одессы в Михайловское под родительский надзор. Уже там, в родном доме, было написано стихотворение «Сожжённое письмо».

СОЖЖЁННОЕ ПИСЬМО

Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...
Как долго медлил я, как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал: гори письмо любви.
Готов я, ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет...
Минуту!.. Вспыхнули... пылают... лёгкий дым,
Биясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утрата впечатление,
Растопленный сургуч¹ кипит... О провиденье!
Свершилось! Тёмные свернулись листы;
На лёгком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...

1825

1. Узнайте, какие обстоятельства жизни Пушкина повлияли на создание стихотворения «Сожжённое письмо».
2. Каким представляется лирический герой этого стихотворения? Какие ключевые слова передают его чувства?
3. Как лирический герой стихотворения относится к «письму любви»? Выпишите средства художественной выразительности, показывающие одушевлённость письма. Что значит письмо для лирического героя?
4. Определите стихотворный размер этого произведения. Какой темп он задаёт развитию ситуации?
5. Почему лирический герой не может сохранить письмо, просто спрятав или утаив его? Как поэт показывает, что письмо обречено на сожжение? Почему сожжение письма показано столь подробно?

¹ *Сургуч* — специальная масса, которую нагревали, чтобы запечатать письмо.

6. Каким чувством проникнуты последние три строки стихотворения? Какие эпитеты передают его? Раскройте смысл последней строки. Почему она не зарифмована?

7. Выполните задание «Сожжённое письмо»: «прощай» или «останься»».

Элегия как жанр лирики

Элегия (от греч. *elegeia* — жалобный, плачевный) — лирическое стихотворение, в котором передаются философские размышления поэта, окрашенные глубокой грустью, печалью.

Как особый жанр элегия возникла в Древней Греции, тогда писалась двустихиями определённого размера. В русской литературе в этом жанре работали Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. А. Некрасов и др. Наибольшую популярность элегии получили в романтизме.

Чертами элегии принято считать исповедальные интонации, печальное настроение, мотивы разочарования, одиночества, несчастливой любви и бренности (трудности, непродолжительности) земной жизни.

1. Опираясь на определение и характерные черты элегии, объясните, почему этот жанр был распространён в романтической поэзии.

«*К морю*». Стихотворение «К морю» было написано в трудные для поэта дни — во второй половине августа 1824 года. Тогда в Москве и Петербурге распространились слухи о самоубийстве поэта, взаимоотношения с графом Воронцовым и его супругой предельно осложнились, царское правительство готовило доклад Александру I об увольнении со службы Пушкина, а сам он обдумывал план бегства за границу. Этой элегией поэт откликнулся на смерть Дж. Г. Байрона — английского поэта-романтика, личность которого была весьма популярна в начале XIX века.

Дж. Г. Байрон (1788—1824) последние годы своей жизни посвящает борьбе греческого народа за независимость от турок. Поэт продаёт практически всё своё имущество,

снаряжает на свои средства корабль и едет в Грецию, где помогает повстанцам объединиться. Он умер от лихорадки 19 апреля 1824 года. «Мы потеряли брата..., человечество — своего бойца, литература — своего Гомера мыслей... ..какое-то отчаянное эхо его падения отозвалось в сердцах у всех людей благомыслящих...» (декабрист А. А. Бестужев).

«К морю» подводит итог юности Пушкина, итог увлечению Байроном и Наполеоном, означает переход от романтизма к реализму в творчестве поэта.

Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — военачальник, император Франции. Имел исключительную память и работоспособность, тонкий ум, полководческий и дипломатический талант, обладал артистизмом и удивительным обаянием. Наполеон был одной из самых популярных личностей в Европе конца XVIII — начала XIX века. Последние годы жизни (1815—1821) он находился в изгнании на острове Святой Елены, расположенном в Атлантическом океане.

К МОРЮ

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по берегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас,
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей,
Но ты выиграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег!

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я...

О чём жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нём означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем не укротим.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба людей повсюду та же:
Где благо, там уже на страже
Иль просвещение, иль тиран.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красоты
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

1824

1. Какой образ моря создаётся в стихотворении? Выпишите слова и выражения, характеризующие эту стихию. Какие средства художественной выразительности использовал поэт, чтобы создать образ свободной стихии? Найдите примеры звукописи, повторы, эпитеты, сравнения.
2. Что сближает лирического героя стихотворения и море? Какова тема произведения?
3. Составьте план стихотворения, объединив строфы в смысловые части и озаглавив их.
4. Почему 7-я строфа стихотворения начинается словами «Ты ждал, ты звал...»? К кому обращены эти строки? Как образы Байрона и Наполеона связаны с морем?

5. Поэт XX века М. И. Цветаева писала: «Прощай, свободная стихия...» — стихотворение романтическое, наиромантичнее из всех мне известных — сама Романтика: Море, Любовь, Неволя, Наполеон, Байрон, Обожание...». Определите черты романтизма в стихотворении «К морю». Запишите план ответа на вопрос «Почему “К морю” А. С. Пушкина — романтическая элегия?».

6. Рассмотрите картину И. К. Айвазовского и И. Е. Репина «Прощание Пушкина с морем» (см. форзац 3). Сопоставьте её со стихотворением Пушкина «К морю». Какие поэтические мотивы отразились на полотне Айвазовского и Репина? Какие слова стихотворения созвучны картине?

«**Цыганы**¹». Пушкин начал писать «Цыганы» на юге в конце 1823 года, а закончил в 1824 году в Михайловском. Пребывание поэта в Бессарабии, знакомство с бытом цыган, кочевавших там, дало ему материал для поэмы. Как утверждал поэт, какое-то время он сам бродил вместе с цыганами и даже был влюблён в цыганку, о чём пишет в «Эпilogue» к поэме.

ЦЫГАНЫ

Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют.
Как вольность, весел их ночлег
И мирный сон под небесами;
Между колёсами телег,
Полузавешанных коврами,
Горит огонь; семья кругом
Готовит ужин; в чистом поле
Пасутся кони; за шатром
Ручной медведь лежит на воле.
Всё живо посреди степей:
Заботы мирные семей,
Готовых с утром в путь недалний,

Ил. К. А. Клементьевой

¹ Цыгáны (устар.) — цыгане.

И песни жён, и крик детей,
И звон походной наковальни.
Но вот на табор кочевой
Нисходит сонное молчанье,
И слышно в тишине степной
Лишь лай собак да коней ржанье.
Огни везде погашены,
Спокойно всё, луна сияет
Одна с небесной вышины
И тихий табор озаряет.
В шатре одном старик не спит;
Он перед углями сидит,
Согретый их последним жаром,
И в поле дальнее глядит,
Ночным подёрнутое паром.
Его молоденькая дочь
Пошла гулять в пустынном поле.
Она привыкла к резвой воле,
Она придёт; но вот уж ночь,
И скоро месяц уж покинет
Небес далёких облака, —
Земфиры нет как нет; и стынет
Убогий ужин старика.

Но вот она; за нею следом
По степи юноша спешит;
Цыгану вовсе он неведом.
«Отец мой, — дева говорит, —
Веду я гостя; за курганом
Его в пустыне я нашла
И в табор на ночь зазвала.
Он хочет быть, как мы, цыганом;
Его преследует закон,
Но я ему подругой буду.
Его зовут Алеко — он
Готов идти за мною всюду».

Какие изобразительно-выразительные средства использует Пушкин для того, чтобы показать необычность, яркость жизни цыган?

Какие слова являются ключевыми в характеристике этого народа?

Так ли на самом деле привлекателен образ жизни, который ведут цыгане?

Перечитайте строки о том, как Алеко появился в таборе.

Что можно сказать о Земфире? Каким вы представляете внутренний мир девушки?

С т а р и к

Я рад. Останься до утра
Под сенью нашего шатра
Или пробудь у нас и доле¹,
Как ты захочешь. Я готов
С тобой делить и хлеб и кров.
Будь наш — привыкни к нашей доле,
Бродящей бедности и воле —
А завтра с утренней зарёй
В одной телеге мы поедem;
Примись за промысел любой:
Железо куй иль песни пой
И сёлы обходи с медведем.

А л е к о

Я остаюсь.

З е м ф и р а

Он будет мой:
Кто ж от меня его отгонит?
Но поздно... Месяц молодой
Зашёл; поля покрыты мглой,
И сон меня невольно клонит...

Светло. Старик тихонько бродит
Вокруг безмолвного шатра.
«Вставай, Земфира: солнце всходит,
Проснись, мой гость! пора, пора!..
Оставьте, дети, ложе неги!..»
И с шумом высыпал народ;
Шатры разобраны; телеги
Готовы двинуться в поход.
Всё вместе тронулось — и вот
Толпа валит в пустых равнинах.

¹ Дóле (устар.) — дольше.

Перечитайте слова отца Земфиры.

Как он реагирует на появление Алеко — чужого человека — в таборе?

Чем можно объяснить такое отношение к герою?

Ослы в перекидных корзинах
Детей играющих несут;
Мужья и братья, жёны, девы,
И стар и млад вослед идут;
Крик, шум, цыганские припевы,
Медведя рёв, его цепей
Нетерпеливое бряцанье,
Лохмотьев ярких пестрота,
Детей и старцев нагота,
Собак и лай и завыванье,
Волюнки говор, скрип телег,
Всё скудно, дико, всё нестройно,
Но всё так живо-неспокойно,
Так чуждо мёртвых наших нег,
Так чуждо этой жизни праздной,
Как песнь рабов однообразной!

Уныло юноша глядел
На опустелую равнину
И грусти тайную причину
Истолковать себе не смел.
С ним черноокая Земфира,
Теперь он вольный житель мира,
И солнце весело над ним
Полуденной красою блещет;
Что ж сердце юноши трепещет?
Какой заботой он томим?

Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда;
В долгу ночь на ветке дремлет;
Солнце красное взойдёт,
Птичка гласу Бога внемлет,
Встрепенётся и поёт.

Каково значение песни «Птичка божия не знает...» для понимания характера Алеко и его конфликта с обществом?

За весной, красой природы,
Лето знойное пройдёт —
И туман и непогоды
Осень поздняя несёт:
Людям скучно, людям горе;
Птичка в дальние страны,
В тёплый край, за сине море
Улетает до весны.

Подобно птичке беззаботной,
И он, изгнанник перелётный,
Гнезда надёжного не знал
И ни к чему не привыкал.
Ему везде была дорога,
Везде была ночлега сень;
Проснувшись поутру, свой день
Он отдавал на волю Бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лень.
Его порой волшебной славы
Манила дельная звезда;
Нежданно роскошь и забавы
К нему являлись иногда;
Над одинокой головою
И гром нередко грохотал;
Но он беспечно под грозою
И в ведро¹ ясное дремал.
И жил, не признавая власти
Судьбы коварной и слепой;
Но, Боже! как играли страсти
Его послушною душой!
С каким волнением кипели
В его измученной груди!
Давно ль, надолго ль усмирили?
Они проснутся: погоди!

Что заставляет Алеко присоединиться к табору? Что Алеко находит у цыган? Найдите в тексте соответствующие факты.

Какая черта романтического героя проявляется в этом?

¹ *Ведро* — тёплая, солнечная, сухая погода.

З е м ф и р а

Скажи, мой друг: ты не жалеешь
О том, что бросил навсегда?

А л е к о

Что ж бросил я?

З е м ф и р а

Ты разумеешь:
Людей отчизны, города.

А л е к о

О чём жалеть? Когда б ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душных городов!
Там люди, в кучах за оградой,
Не дышат утренней прохладой,
Ни вешним запахом лугов;
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.
Что бросил я? Измен волнение,
Предрассуждений приговор,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позор.

З е м ф и р а

Но там огромные палаты,
Там разноцветные ковры,
Там игры, шумные пиры,
Уборы дев там так богаты!..

А л е к о

Что шум веселий городских?
Где нет любви, там нет веселий.

А девы... Как ты лучше их
И без нарядов дорогих,
Без жемчугов, без ожерелий!
Не изменись, мой нежный друг!
А я... одно моё желанье
С тобой делить любовь, досуг
И добровольное изгнанье!

С т а р и к

Ты любишь нас, хоть и рождён
Среди богатого народа.
Но не всегда мила свобода
Тому, кто к неге приучён.
Меж нами есть одно преданье:
Царём когда-то сослан был
Полудня житель к нам в изгнанье.
(Я прежде знал, но позабыл
Его мудрёное прозвание¹.)
Он был уже летами стар,
Но млад и жив душой незлобной —
Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный, —
И полюбили все его,
И жил он на берегах Дуная,
Не обижая никого,
Людей рассказами пленяя;
Не разумел он ничего,
И слаб и робок был, как дети;
Чужие люди за него
Зверей и рыб ловили в сети;
Как мёрзла быстрая река
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика;
Но он к заботам жизни бедной
Привыкнуть никогда не мог;

¹ *Прозв́анье* — здесь: имя.

Скитался он иссохший, бледный,
Он говорил, что гневный Бог
Его карал за преступленье...
Он ждал: придёт ли избавленье.
И всё, несчастный, тосковал,
Бродя по берегам Дуная,
Да горьки слёзы проливал,
Свой дальный град вспоминая,
И завещал он, умирая,
Чтобы на юг перенесли
Его тоскующие кости,
И смертью — чуждой сей земли
Неуспокоенные гости!

А л е к о

Так вот судьба твоих сынов,
О Рим, о громкая держава!..
Певец любви, певец богов.
Скажи мне, что такое слава?
Могильный гул, хвалебный глас,
Из рода в роды звук бегущий?
Или под сенью дымной кущи
Цыгана дикого рассказ?

Прошло два лета. Так же бродят
Цыганы мирною толпой;
Везде по-прежнему находят
Гостеприимство и покой.
Презрев оковы просвещения,
Алеко волен, как они;
Он без забот и сожаленья
Ведёт кочующие дни.
Всё тот же он; семья всё та же;
Он, прежних лет не помня даже,
К бытию цыганскому привык.
Он любит их ночлегов сени,
И упоенье вечной лени,

Как долго Алеко находился у цыган? Стал ли он таким же, как они?

Действительно ли он свободен?

Счастлив ли Алеко, доволен жизнью? Почему? Найдите подтверждение в тексте.

И бедный, звучный их язык.
Медведь, беглец родной берлоги,
Косматый гость его шатра,
В селеньях, вдоль степной дороги,
Близ молдаванского двора
Перед толпою осторожной
И тяжко пляшет, и ревёт,
И цепь докучную грызёт;
На посох опершись дорожный,
Старик лениво в бубны бьёт,
Алеко с пеньем зверя водит,
Земфира поселян обходит
И дань их вольную берёт.
Настанет ночь; они все трое
Варят нежатое пшено;
Старик уснул — и всё в покое...
В шатре и тихо и темно.

Старик на вешнем солнце греет
Уж остывающую кровь;
У люльки дочь поёт любовь,
Алеко внемлет и бледнеет.

З е м ф и р а

Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня:
Я тверда; не боюсь
Ни ножа, ни огня,

Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю любя.

А л е к о

Молчи. Мне пенье надоело,
Я диких песен не люблю.

Подготовьтесь к чтению диалога Земфиры и Алеко по ролям. Каково общее настроение Алеко? Какая интонация должна быть у Земфиры?

Земфира

Не любишь? мне какое дело!
Я песню для себя пою.

Режь меня, жги меня;
Не скажу ничего;
Старый муж, грозный муж,
Не узнаешь его.

Он свежее весны,
Жарче летнего дня;
Как он молод и смел!
Как он любит меня!

Как ласкала его
Я в ночной тишине!
Как смеялись тогда
Мы твоей седине!

Алеко

Молчи, Земфира! я доволен...

Земфира

Так понял песню ты мою?

Алеко

Земфира!..

Земфира

Ты сердиться волен,
Я песню про тебя пою.
Уходит и поёт: Старый муж и проч.

Старик

Так, помню, помню — песня эта
Во время наше сложена,
Уже давно в забаву света
Поётся меж людей она.

О чём поёт Земфира?

Какие чувства испытывает каждый из героев, слушая песню?

Кочуя на степях Кагула,
Её, бывало, в зимнюю ночь
Моя певала Мариула,
Перед огнём качая дочь.
В уме моём минувши лета
Час от часу темней, темней;
Но заронила песня эта
Глубоко в памяти моей.

Всё тихо; ночь. Луной украшен
Лазурный юга небосклон,
Старик Земфирой пробуждён:
«О мой отец! Алеко страшен.
Послушай: сквозь тяжёлый сон
И стонет, и рыдает он».

С т а р и к

Не тронь его. Храни молчанье.
Слышал я русское преданье:
Теперь, полунощной порой,
У спящего теснит дыханье
Домашний дух; перед зарёй
Уходит он. Сиди со мной.

З е м ф и р а

Отец мой! шепчет он: Земфира!

С т а р и к

Тебя он ищет и во сне:
Ты для него дороже мира.

З е м ф и р а

Его любовь постыла мне,
Мне скучно: сердце воли просит.
Уж я... Но тише! слышишь? он
Другое имя произносит...

С т а р и к

Чьё имя?

З е м ф и р а

Слышишь? хриплый стон
И скрежет ярый!.. Как ужасно!..
Я разбужу его...

С т а р и к

Напрасно,
Ночного духа не гони —
Уйдёт и сам...

З е м ф и р а

Он повернулся,
Привстал, зовёт меня... проснулся —
Иду к нему — прощай, усни.

А л е к о

Где ты была?

З е м ф и р а

С отцом сидела.
Какой-то дух тебя томил;
Во сне душа твоя терпела
Мученья; ты меня страшил:
Ты, сонный, скрежетал зубами
И звал меня.

А л е к о

Мне снилась ты.
Я видел, будто между нами...
Я видел страшные мечты!

З е м ф и р а

Не верь лукавым сновиденьям.

А л е к о

Ах, я не верю ничему:
Ни снам, ни сладким увереньям,
Ни даже сердцу твоему.

С т а р и к

О чём, безумец молодой,
О чём вздыхаешь ты всечасно?
Здесь люди вольны, небо ясно,
И жёны славятся красой,
Не плачь: тоска тебя погубит.

А л е к о

Отец, она меня не любит.

С т а р и к

Утешься, друг: она дитя.
Твоё унынье безрассудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское — шутя.
Взгляни: под отдалённым сводом
Гуляет вольная луна;
На всю природу мимоходом
Равно сиянье льёт она.
Заглянет в облако любое,
Его так пышно озарит —
И вот — уж перешла в другое;
И то недолго посетит.
Кто место в небе ей укажет,
Примолвя: там остановись!
Кто сердцу юной девы скажет:
Люби одно, не изменись?
Утешься.

А л е к о

Как она любила!

Как, нежно преклонясь ко мне,
Она в пустынной тишине
Часы ночные проводила!
Веселья детского полна,
Как часто милым лепетаньем
Иль упоительным лобзаньем
Мою задумчивость она
В минуту разогнать умела!..
И что ж? Земфира неверна!
Моя Земфира охладела!..

С т а р и к

Послушай: расскажу тебе
Я повесть о самом себе.
Давно, давно, когда Дунаю
Не угрожал ещё москаль
(Вот видишь, я припоминаю,
Алеко, старую печаль.) —
Тогда боялись мы султана;
А правил Буджаком паша
С высоких башен Аккермана. —
Я молод был; моя душа
В то время радостно кипела;
И ни одна в кудрях моих
Ещё сединка не белела. —
Между красавиц молодых
Одна была... и долго ею,
Как солнцем, любовался я,
И наконец назвал моею...

Ах, быстро молодость моя
Звездой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Ещё быстрее: только год
Меня любила Мариула.

Однажды близ Кагульских вод
Мы чуждый табор повстречали;
Цыганы те, свои шатры
Разбив близ наших у горы,
Две ночи вместе ночевали.
Они ушли на третью ночь, —
И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Мариула.
Я мирно спал; заря блеснула,
Проснулся я, подруги нет!
Ищу, зову — пропал и след...
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакал — с этих пор
Постыли мне все девы мира;
Меж ими никогда мой взор
Не выбирал себе подруги,
И одинокие досуги
Уже ни с кем я не делил.

А л е к о

Да как же ты не поспешил
Тотчас вослед неблагодарной
И хищникам и ей, коварной,
Кинжала в сердце не вонзил?

С т а р и к

К чему? вольнее птицы младость;
Кто в силах удержать любовь?
Чредою всем даётся радость;
Что было, то не будет вновь.

А л е к о

Я не таков. Нет, я не споря
От прав моих не откажусь!
Или хоть мщеньем наслажусь.
О нет! когда б над бездной моря
Нашёл я спящего врага,

С какой целью старик рассказывает историю из своей жизни?

Достиг ли цели рассказ отца Земфиры?

Как Алеко реагирует на историю старого цыгана?

Клянусь, и тут моя нога
Не пощадила бы злодея;
Я в волны моря, не бледнея,
И беззащитного б толкнул;
Внезапный ужас пробужденья
Свирепым смехом упрекнул,
И долго мне его паденья
Смешон и сладок был бы гул.

М о л о д о й ц ы г а н
Ещё одно... одно лобзанье...

З е м ф и р а
Пора: мой муж ревнив и зол.

Ц ы г а н
Одно... но доле!.. на прощанье.

З е м ф и р а
Прощай, покамест не пришёл.

Ц ы г а н
Скажи — когда ж опять свиданье?

З е м ф и р а
Сегодня, как зайдёт луна,
Там, за курганом над могилой...

Ц ы г а н
Обманет! не придёт она!

З е м ф и р а
Вот он! беги!.. Приду, мой милый.

Алеко спит. В его уме
Виденье смутное играет;
Он, с криком пробудясь во тьме,
Ревниво руку простирает;
Но обробелая рука
Покровы хладные хватает —
Его подруга далека...
Он с трепетом привстал и внемлет...
Всё тихо — страх его объемлет,
По нём текут и жар и хлад;
Встаёт он, из шатра выходит,
Вокруг телег, ужасен, бродит;
Спокойно всё; поля молчат;
Темно; луна зашла в туманы,
Чуть брезжит звёзд неверный свет,
Чуть по росе приметный след
Ведёт за дальние курганы:
Нетерпеливо он идёт,
Куда зловещий след ведёт.

Могила на краю дороги
Вдали белеет перед ним...
Туда слабеющие ноги
Влачит, предчувствием томим,
Дрожат уста, дрожат колени,
Идёт... и вдруг... иль это сон?
Вдруг видит близкие две тени
И близкий шёпот слышит он
Над обесславленной могилой.

1-й г о л о с

Пора...

2-й г о л о с

Постой...

Как изменился пейзаж в этом эпизоде поэмы?

Есть ли в природе какие-то зловещие предзнаменования, предупреждающие о грядущей трагедии?

1-й г о л о с

Пора, мой милый.

2-й г о л о с

Нет, нет, постой, дождёмся дня.

1-й г о л о с

Уж поздно.

2-й г о л о с

Как ты робко любишь.

Минуту!

1-й г о л о с

Ты меня погубишь.

2-й г о л о с

Минуту!

1-й г о л о с

Если без меня

Проснётся муж?..

А л е к о

Проснулся я.

Куда вы! не спешите оба;

Вам хорошо и здесь, у гроба.

З е м ф и р а

Мой друг, беги, беги...

А л е к о

Постой!

Куда, красавец молодой?

Лежи!

Вонзает в него нож.

Земфира

Алеко!

Цыган

Умираю...

Земфира

Алеко, ты убьёшь его!

Взгляни: ты весь обрызган кровью!

О, что ты сделал?

Алеко

Ничего.

Теперь дыши его любовью.

Земфира

Нет, полно, не боюсь тебя!

Твои угрозы презираю,

Твоё убийство проклиная...

Алеко

Умри ж и ты!

Поражает её.

Земфира

Умру любя...

Ил. К. А. Клементьевой

Восток, денницей¹ озарённый,
Сиял. Алеко за холмом,
С ножом в руках, окровавленный,
Сидел на камне гробовом.
Два трупа перед ним лежали;
Убийца страшен был лицом.

¹ Денница (устар.) — утренняя заря.

Имел ли Алеко право убивать человека? Имеет ли вообще право человек убивать другого?

Мог ли Алеко поступить иначе в этой трудной ситуации?

Цыганы робко окружали
 Его встревоженной толпой.
 Могилу в стороне копали.
 Шли жёны скорбной чередой
 И в очи мёртвых целовали.
 Старик отец один сидел
 И на погибшую глядел
 В немом бездействии печали;
 Подняли трупы, понесли
 И в лоно холодное земли
 Чету младую положили.
 Алеко издали смотрел
 На всё... когда же их закрыли
 Последней горстью земной,
 Он молча, медленно склонился
 И с камня на траву свалился.

Ил. К. А. Клементьевой

Тогда старик, приближась, рек:
 «Оставь нас, гордый человек!
 Мы дики; нет у нас законов,
 Мы не терзаем, не казим —
 Не нужно крови нам и стонов —
 Но жить с убийцей не хотим...
 Ты не рождён для дикой доли,
 Ты для себя лишь хочешь воли;
 Ужасен нам твой будет глас:
 Мы робки и добры душою,
 Ты зол и смел — оставь же нас,
 Прости, да будет мир с тобою».

Сказал — и шумною толпою
 Поднялся табор кочевой
 С долины страшного ночлега.
 И скоро всё в дали степной
 Сокрылось; лишь одна телега,
 Убогим крытая ковром,
 Стояла в поле роковом.

Найдите строки для подписи к иллюстрации К. А. Клементьевой.

Почему старик изгоняет Алеко из табора, а не выбирает какую-то иную форму наказания?

Каким образом Пушкину удалось передать, что наказание вынесено не одним цыганом, а всем табором?

Так иногда перед зимою,
Туманной утренней порою,
Когда подьёмлется с полей
Станица поздних журавлей
И с криком вдаль на юг несётся,
Пронзённый гибельным свинцом.
Один печально остаётся,
Повиснув раненым крылом.
Настала ночь; в телеге тёмной
Огня никто не разложил,
Никто под крышею подьёмной
До утра сном не опочил.

ЭПИЛОГ

Волшебной силой песнопенья
В туманной памяти моей
Так оживляются виденья
То светлых, то печальных дней.

В стране, где долго, долго брани
Ужасный гул не умолкал,
Где повелительные грани
Стамбулу русский указал,
Где старый наш орёл двуглавый
Ещё шумит минувшей славой,
Встречал я посреди степей
Над рубежами древних станов
Телеги мирные цыганов,
Смиренной вольности детей.
За их ленивыми толпами
В пустынях часто я бродил,
Простую пищу их делил
И засыпал пред их огнями.
В походах медленных любил
Их песен радостные гулы —
И долго милой Мариулы
Я имя нежное твердил.

Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!..
И под издранными шатрами
Живут мучительные сны.
И ваши сени кочевые
В пустынях не спаслись от бед,
И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.

1824

Почему поэма, посвящённая теме свободы, воли, заканчивается словами «...И всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет»?

1. Назовите героев поэмы. Объясните, кого из них и почему можно считать романтическим героем.
2. Чем привлекателен для Алеко образ жизни цыган? Подтвердите свою мысль цитатами из текста.
3. Опишите Алеко. Совпадает ли его отношение к обществу, цивилизации и власти с позицией Пушкина?
4. Почему старый цыган рассказывает Алеко историю из своей жизни? Перечитайте слова Алеко после этого рассказа. Что понял из него Алеко? Что помогает понять рассказ об изгнаннике — древнеримском поэте Овидии? Как относятся к изгнаннику и его судьбе цыган и Алеко?

5. Перечитайте последний монолог старого цыгана «Оставь нас, гордый человек!». Уточните значение слов «эгоист», «индивидуалист», определите, как они соотносятся с выражением цыгана «гордый человек».
6. Перечитайте эпилог поэмы. Почему она заканчивается именно так? Как понимают свободу разные герои произведения? Составьте схему (таблицу), отражающую отношение к свободе Алеко, старого цыгана, Земфиры, цыган как народа.

7. Выполните тест на знание текста поэмы А. С. Пушкина «Цыганы».
8. Изучите страницу «Опера С. В. Рахманинова “Алеко”». Выполните задание «Муслим Магомаев. Каватина Алеко из оперы “Алеко” (С. В. Рахманинов)».

Лирико-эпическая поэма

Для большинства современников Пушкин стал известен благодаря «южным поэмам»: «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник», «Цыганы». Этот жанр поэт осваивает под влиянием не-

роятно популярного тогда во всей Европе Байрона. Герои его произведений отправляются в добровольное изгнание, бегут от светского общества, воспевают свободу.

Лирико-эпическая поэма — это значительное по объёму стихотворное произведение, в котором сочетаются событийность (есть сюжет) и исповедальность (лирическое начало, связанное с позицией автора, выраженной, например, в лирических отступлениях).

Романтическая поэма у Пушкина — это короткое, динамичное, остросюжетное произведение. Его герой — свободолюбивый, разочарованный индивидуалист, для которого единственным и последним спасением становится любовь, обычно трагическая, не способная вернуть героя к жизни. Таков поначалу Алеко, отрицающий городскую культуру, цивилизацию. Но Пушкин впервые в романтическом произведении показал, что на человека оказывает влияние социальная среда, в которой он сформировался: Алеко не может полностью принять ценности и образ жизни цыган и следовать им до конца. Он легко превращается в ревнивца, отказывающего в свободе другим, поскольку сам принадлежит к другому сословию. В этом состоит проявление реализма в поэме «Цыганы».

1. Найдите элементы романтизма и реализма в поэме «Цыганы». Составьте таблицу «Черты романтизма и реализма в поэме “Цыганы” А. С. Пушкина».
2. Определите, как в поэме выражена авторская позиция, какие собственные взгляды и идеи изложил в ней Пушкин.
3. Рассмотрите иллюстрации к поэме «Цыганы» К. А. Клементьевой. Соответствуют ли они пониманию поэмы А. С. Пушкина как романтического произведения?

4. Сформулируйте ведущие темы в творчестве А. С. Пушкина в период южной ссылки. Составьте таблицу, отразив в ней год создания, название произведения, тему и идею произведения. Подготовьте на её основе устное сообщение на тему «Понимание Пушкиным любви и свободы в годы южной ссылки».

5. Выполните задание «А. С. Пушкин. Южная ссылка».
6. Выполните задание «Лента времени. Стихотворения А. С. Пушкина».

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ

1814—1841

Этой жизни суждено было проблеснуть блестящим метеоритом, оставить после себя длинную струю света и благоухания и исчезнуть во всей красе своей...

В. Г. Белинский

«Юный могучий талант...» Ранняя смерть матери и ссора отца с бабушкой Е. А. Арсеньевой тяжело сказались на формировании личности поэта. Лермонтов воспитывался у бабушки в имении Тарханы Пензенской губернии; получил превосходное домашнее образование. Будущий поэт занимался живописью и музыкой, свободно владел немецким и французским языками. Значимы для формирования Лермонтова и предания о легендарном основателе его рода — шотландском поэте Томасе Лермонте. К сильным впечатлениям детства относятся поездки на Кавказ (1820, 1825). Писать стихи он начинает под влиянием творчества Дж. Г. Байрона и А. С. Пушкина. Вовсе не собираясь стать поэтом, Лермонтов ведёт тайный личный дневник, где даже среди ранних стихов встречались шедевры. Таково стихотворение «Ангел», написанное 17-летним юношей, которое, однако, было опубликовано только в 1839 году.

АНГЕЛ

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звёзды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нёс
Для мира печали и слёз;
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

1831

1. Что описывает Лермонтов в этом стихотворении? Какова его общая тональность? Определите, как меняется настроение в каждом четверостишии.
2. Каким изображён в стихотворении ангел? Какие средства художественной выразительности (эпитеты, метафоры, повтор союзов) использованы автором для создания этого образа?
3. М. Ю. Лермонтов вспоминал о создании стихотворения «Ангел»: «Когда я был трёх лет, то была песня, от которой я плакал: её не могу теперь вспомнить, но уверен, что, если бы услышал её, она бы произвела прежнее действие. Её певала мне моя покойная мать». Какие черты сближают стихотворение Лермонтова с лирической песней?

4. Это стихотворение положено на музыку. Найдите и прослушайте романс «Ангел» А. Г. Рубинштейна и С. В. Рахманинова. Сравните их, определите, как эмоции стихотворения переданы в музыкальном исполнении.

5. Изучите страницу «Михаил Юрьевич Лермонтов». Какие ещё факты из биографии поэта вы узнали (или вспомнили)?

«Да, такова была моя участь с самого детства». В начале 1841 года М. Ю. Лермонтов в последний раз приехал в Петербург. Он собирался уйти в отставку и посвятить себя литературе. Но через несколько месяцев был во второй раз сослан на Кавказ, в действующую армию. На прощание писатель В. Ф. Одоевский подарил Лермонтову записную книжку с надписью: «Поэту Лермонтову даётся сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне её сам, и всю исписанную». Уже в дороге она была заполнена наполовину: поэт «овладел демон поэзии». На последних её страницах записаны стихи «Листок», «Пророк», «Утёс», «Выхожу один я на дорогу...», созданные всего за несколько дней до гибели Лермонтова на дуэли.

1

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

2

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?

3

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

4

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

5

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Тёмный дуб склонялся и шумел.

1841

1. Какое слово является ключевым для понимания стихотворения? Какими ещё средствами выразительности передано состояние лирического героя?
2. Какую природу рисует в стихотворении Лермонтов? Найдите слова (существительные и прилагательные), которые описывают ночной пейзаж. Почему называют его космическим? Можно ли говорить об одушевлении природы?

3. Почему лирический герой оказался один ночью на дороге?
4. Как состояние «светлой печали» усиливается с помощью размера и рифмы?
5. Сопоставьте своё представление о лирическом герое стихотворения с тем, как его увидел художник Н. А. Устинов (форзац 3). Какой пейзаж вы бы выбрали сами для иллюстрации к стихотворению?
- 6. Установите, с какими более ранними стихотворениями Лермонтова перекликается «Выхожу один я на дорогу...». Что изменилось в мировосприятии поэта по сравнению с ранним творчеством?
7. Стихотворение «Выхожу один я на дорогу...» стало основой для романа, музыку к которому написала Е. С. Шашина, актриса и композитор XIX века. Послушайте романс в исполнении Анны Герман. Удалось ли певице передать чувства и эмоции лирического героя стихотворения?
- 8. Выполните задание «Анна Герман. “Выхожу один я на дорогу...”».

«Слова, сказанные о влюблённости, не имеют себе равных...» Родственник и друг М. Ю. Лермонтова А. П. Шан-Гирей вспоминал: «Будучи студентом он был страстно влюблён в молоденькую, милую, умную, как день, и в полном смысле восхитительную В. А. Лопухину; это была натура пылкая, восторженная, поэтичная и в высшей степени симпатичная»; «Чувство к ней Лермонтова было безотчётно, но истинно и сильно, и едва ли не сохранил он его до самой смерти своей...».

Оказывается, любовь зародилась, когда обоим было по 15 лет. Известно, что их чувства были взаимными. Но в 1835 году появились слухи, что Лермонтов женился на Екатерине Сушковой, и Варвара Лопухина выходит замуж, но вскоре раскаивается в этом, так как продолжает любить поэта. Тем не менее молодые люди вели обширную переписку, и Варвара Лопухина была самой первой читательницей всех произведений поэта вплоть до его гибели. Лишь с одним стихотворением она смогла ознакомиться после смерти поэта. Лермонтов хранил его в отдельной тетради и не публиковал, боясь скомпрометировать свою избранницу. Стихотворение «Она не гордой красотой...», написанное в 1832 году, стало достоянием общественности спустя 15 лет.

Э. Мартен.
В. А. Лопухина

* * *

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан её — не стан богини,
И грудь волною не встаёт,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признаёт.
Однако все её движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.

1832

1. Как создаётся образ возлюбленной в этом стихотворении? Почему поэт не называет её по имени, а использует местоимение «она»?
2. Докажите, что поэт, рисуя свою возлюбленную, идёт от общего впечатления к частному — отдельным деталям её внешности.
3. Найдите устаревшие слова и грамматические формы. Как они влияют на создание образа возлюбленной? Можно ли говорить о её обожествлении?
4. Что можно сказать о лирическом герое стихотворения? Как его характеризует подобное отношение к женщине?

«...Это вечное, сильное искание истины...» Стихотворений с названием «Молитва» в творчестве поэта всего три, и только последнее посвящено светской красавице княгине Марии Алексеевне Щербатовой. О. А. Смирнова, биограф поэта, писала так о создании стихотворения: «Машенька велела ему молиться, когда у него тоска. Он ей обещал и написал эти стихи». Известно, что именно из-за М. А. Щербатовой возник конфликт Лермонтова с сыном французского посла Э. Барантом. После чего поэт был предан военно-полевому суду и переведён в действующую армию на Кавказ. Эта ссылка стала для Лермонтова последней, закончившись дуэлью с Мартыновым и смертью поэта.

МОЛИТВА

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть;
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

1839

1. Какое состояние лирического героя описано в стихотворении? Понятно ли, какую молитву он читает? Почему поэт не дал прямого ответа на этот вопрос?
2. Каково значение слова «благодать»? Перечитайте третью строфу стихотворения. Определите, в чём заключается «благодатная сила» молитвы, как она выражается.
3. Сравните, какие звуки повторяются в первой и третьей строфе, какие синтаксические конструкции в них использованы. Как вы объясните, почему поэт использовал такой звуковой строй и синтаксическую структуру стихотворения?

Строфика стихотворения

Стихотворный текст редко бывает сплошным. Он разбит на отдельные, относительно завершённые фрагменты — строфы. Это важная особенность построения стихотворных произведений.

Строфа — это группа стихов (строк), объединённых по какому-либо периодически повторяющемуся в стихотворении признаку.

Обычно строфу формируют рифма и ритм. Важно, какие строки рифмуются — выделяются парные, перекрёстные, кольцевые рифмы.

Строфы отличаются по количеству рифмующихся строк в них: двустихия, трёхстихия, самые распространённые — четверостихия. Это так называемые простые строфы. Они могут объединяться в более крупные по размеру строфы, которые получили название «твёрдые» формы (например, сонет — это 14 строк, состоящих из двух четверостихий и двух трёхстихий). Иногда встречаются стихотворения без деления на строфы. Как правило, это лирические монологи, в которых сложно выделить отдельные части.

Строфы имеют обычно смысловую и интонационную завершенность и отделяются друг от друга большой паузой. Каждая строфа может рассматриваться как звено в развитии сюжета лирического произведения. Например, в «Узнике» А. С. Пушкина первое четверостишие обозначает ситуацию, в которой развивается сюжет стихотворения; во втором — зарождается мотив бегства, освобождения; в третьем — звучит страстный призыв к свободе.

1. Перечислите известные вам признаки строфы. Объясните, с какой целью стихотворные произведения делятся на строфы.
2. По изученным произведениям определите, какие виды строф использовали А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов. Сделайте вывод о строфах, наиболее распространенных в творчестве каждого из этих поэтов.

Понятие о лирическом мотиве

Лирический мотив — повторяющийся у конкретного автора комплекс чувств и идей, мыслей о чём-либо (неразделённая любовь, трагическое одиночество, светлая грусть и др.).

Для осмысления творчества любого писателя важно определить мотивы в его произведениях. В поэзии мотивами называют характерный для автора комплекс чувств, часто повторяющуюся идею. Лирический мотив тесно связан с темой произведения. Например, для Пушкина ключевыми темами были любовь, дружба, свобода, природа, а для Лермонтова — одиночество, разочарование, жажда деятельности и невозможность её осуществления, Родина, природа. Ведущими мотивами в поэзии Лермонтова считают свободу, память, изгнанничество и т. д.

1. Сравните лирические мотивы произведений М. Ю. Лермонтова и А. С. Пушкина. Что объединяет творчество поэтов? В чём состоят главные различия между их мироощущением?

Литература второй половины XIX века

Вторая половина XIX века начинается «мрачным семилетием» — так называют последние годы царствования Николая I. Россия ведёт трудную Крымскую войну (1853—1856). Новый царь, Александр II, начинает реформы в стране. Однако ситуация в России осложняется. Отмена крепостного права в 1861 году вызвала новый взрыв народных волнений, самое крупное из них — Польское восстание под руководством К. Калиновского (1863—1864).

Во второй половине XIX века в русской литературе наблюдается расцвет реализма.

Реализм — художественное направление в искусстве, сформировавшееся в середине XIX века, отражавшее типичного героя в типичных обстоятельствах.

В России появился *особый тип писателя* — не только художника, но и проповедника, пророка. К идеям Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова прислушивались и деятели искусства, и правители, и политики.

Литература приобрела выраженную социальную направленность. В произведениях Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого, Максима Горького, А. П. Чехова поднимались общественно-политические проблемы и критиковались недостатки общества того времени. Поэтому их творчество обычно относят к *критическому реализму*.

Главное место в литературе занимает *тема страданий народа*, его бедственного положения. Помещика и дворянина в роли главного героя сменил *разночинец* — выходец из народа, интеллигент. Благодаря Н. А. Некрасову и его последователям существенно изменился *литературный язык*: он приблизился к народной разговорной речи. Всё это позволяет утверждать, что во второй половине XIX века русская литература приобрела ярко выраженный *демократизм и народность*.

В этот период появились шедевры во всех *жанрах*: лирических (поэма, стихотворение), эпических (роман, повесть, рассказ) и драматических (комедия, драма).

1. Какие исторические события второй половины XIX века повлияли на развитие русской литературы?

2. Запишите особенности русской литературы второй половины XIX века.
3. Вспомните русских писателей второй половины XIX века, чьи произведения изучались ранее (были прочитаны самостоятельно). О чём были эти произведения? В каких жанрах они были написаны? Сделайте вывод о жанровом (тематическом) разнообразии русской литературы во второй половине XIX века.

Николай Алексеевич НЕКРАСОВ

1821—1877

Любимейший русский поэт, представитель добрых начал в нашей поэзии.

Н. А. Добролюбов

«На мне года гнетущих впечатлений оставили неизгладимый след». Некрасов вырос в живописных местах на берегу Волги, но детские годы омрачали жестокость отца и угнетение народа,

которое очень рано заметил будущий поэт и которое не давало ему покоя всю жизнь. В 16 лет приехал в Петербург и был поражён бедствиями и страданиями городских низов. Некрасов сам несколько лет непрерывно голодал, зарабатывая на хлеб написанием прошений и писем по просьбе неграмотных. Поэт испытал и творческие разочарования: первый сборник стихов был настолько неудачным, что Некрасов сам выкупил и уничтожил весь тираж. Но уже через пять лет он получил высокую оценку критика В. Г. Белинского: «Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный!» Поэт не раз слышал: «Брось воспевать любовь ямщиков, огородников и всю деревенщину. Это фальшь, которая режет ухо», но до конца дней остался верным избранному пути в творчестве. Успешный редактор и издатель авторитетнейших в то время журналов «Современник» и «Отечественные записки», Некрасов помог найти путь в литературу Л. Н. Толстому и Ф. М. Достоевскому.

1. Приведите биографические сведения, доказывающие справедливость слов Ф. М. Достоевского о Некрасове: «Это было раненное в самом начале жизни сердце...»

2. Вспомните произведения Некрасова, которые изучались ранее (были прочитаны самостоятельно). Определите их темы. Сделайте вывод, почему Некрасова считают поэтом «бедствий народных», а сам он, оценивая своё творчество, написал: «Я лиру посвятил народу своему...»

«Вы зачем тут, несчастные дети?» Во многих произведениях у Н. А. Некрасова слышится боль не только за русского человека вообще, но и за ребёнка.

Трудную жизнь крестьянских детей поэт хорошо знал с детства. Уехав в Петербург, он познал трагический мир городских детей. В городе с его шумом и суетой, смрадом и копотью фабрик и заводов поэту слышится «детей раздирающий плач». В стихотворении «Плач детей» Н. А. Некрасов показывает тяжкую долю маленьких фабричных рабочих.

1. Вспомните, какие стороны жизни детей отразил Н. А. Некрасов в поэме «Крестьянские дети». Какие чувства испытывает автор по отношению к детям?

ПЛАЧ ДЕТЕЙ

Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих людей,
Из-за них вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей?

«В золотую пору малолетства
Всё живое — счастливо живёт,
Не трудясь, с ликующего детства
Дань забав и радости берёт.
Только нам гулять не довелось
По полям, по нивам золотым:
Целый день на фабриках колёса
Мы вертим — вертим — вертим!

Колесо чугунное вертится,
И гудит, и ветром обдаёт,
Голова пылает и кружится,
Сердце бьётся, всё кругом идёт:
Красный нос безжалостной старухи,
Что за нами смотрит сквозь очки,
По стенам гуляющие мухи,
Стены, окна, двери, потолки, —
Всё и все! Впадая в иступленье,
Начинаем громко мы кричать:
— Погоди, ужасное круженье!
Дай нам память слабую собрать! —
Бесполезно плакать и молиться,
Колесо не слышит, не щадит:
Хоть умри — проклятое вертится,
Хоть умри — гудит — гудит — гудит!

Где уж нам, измученным в неволе,
Ликовать, резвиться и скакать!
Если б нас теперь пустили в поле,
Мы в траву попадали бы — спать.

Нам домой скорей бы воротиться, —
 Но зачем идём мы и туда?..
 Сладко нам и дома не забыться:
 Встретит нас забота и нужда!
 Там, припав усталой головою
 К груди бледной матери своей,
 Зарыдав над ней и над собою,
 Разорвём на части сердце ей...»

1860

1. От чьего имени ведётся повествование о работе детей? Какое впечатление это производит на читателя?
2. Запишите в тетради выражения, создающие образ «проклятого» колеса. Укажите, какое средство художественной выразительности использовано в каждом примере. Можно ли говорить, что колесо является символом? Раскройте его смысл.
3. Как Некрасов описывает состояние детей? Удалось ли О. М. Шухвостову передать его на иллюстрации (см. форзац 3)?
4. Найдите строки, в которых сказано, каким должно быть детство. Какой приём здесь использован автором?
5. Почему стихотворение насыщено восклицательными предложениями, а заканчивается многоточием?

6. Сопоставьте стихотворение Н. А. Некрасова «Плач детей» с картинами В. Г. Перова «Тройка» и В. Е. Маковского «Свидание». Обобщите: каким было положение детей из социальных низов во второй половине XIX века.

«Всю жизнь за женщину страдаю...» Воспитанный жестоким отцом, через всю свою жизнь Некрасов пронёс светлый образ женщины, сформировавшийся под влиянием матери. «...Всё, что есть у меня хорошего, — от неё!» — говорил поэт. Чуткая, образованная женщина, Елена Андреевна всегда поддерживала сына, даже когда он, послушавшись отца, не поступил в военную академию, а решил стать поэтом. Судьба собственной матери тесно переплетена в творчестве Некрасова с образом русской женщины — крестьянки, труженицы.

В Крымской войне (1853—1856) русские солдаты проявляли чудеса героизма, но Россия проиграла войну и понесла огромные по тем временам потери. Об этом Л. Н. Толстой, сам участник обороны

Севастополя, поведал всему миру в «Севастопольских рассказах». Некрасов опубликовал рассказы Толстого, а сам в стихотворении «Внимая ужасам войны...» обратил внимание на войну с необычной точки зрения, описывая горе матерей, которые потеряли сыновей.

* * *

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены.
Мне жаль не самого героя...
Увы! Утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слёзы —
То слёзы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

1855

1. Перечитайте первую строку: почему используется устаревшая форма деепричастия?
2. Кому несёт горе гибель солдата? Одинаково ли горе жены и горе матери? С помощью каких приёмов показана разница чувств жены и матери? Каково отношение лирического героя к ним?
3. Найдите образный параллелизм¹ в стихотворении. Что нового он придаёт образу матери?
4. Почему в стихотворении нет деления на строфы?
5. Выучите стихотворение наизусть.
6. У стихотворения «Внимая ужасам войны...» нет заглавия. Придумайте свой заголовок, отразив в нём тему и/или основную мысль произведения.

¹ См. Литературоведческий словарь.

«Их имена забыться не должны». «Они бросили всё: знатность, богатство, связи и родных, всем пожертвовали для высочайшего нравственного долга... Ни в чём не повинные, они... перенесли всё, что перенесли их осуждённые мужья», — писал Ф. М. Достоевский о жёнах декабристов.

14 декабря 1825 года в Петербурге на Сенатскую площадь во главе нескольких тысяч солдат вышли 30 офицеров-дворян, требуя уничтожения в России самодержавия и отмены крепостного права. По приказу Николая I восставших окружили и обстреляли из пушек. Погибло около трети восставших солдат. Последовали аресты. После суда пять руководителей восстания были казнены, а 120 человек, лишённые состояния, чинов и наград, отправлены на пожизненную каторгу в Сибирь. В 1856 году Александр II, взойдя на трон, подписал указ о помиловании участников восстания на Сенатской площади. На родину смогли вернуться только 19 осуждённых декабристов.

Презрев царские указания бросить детей, отказаться от прошлого, многие из них поехали в Сибирь. Мария Волконская, жена одного из руководителей восстания, писала дневник о своей «сибирской» жизни. Узнав, что у Михаила Сергеевича Волконского, сына декабриста, хранятся записки матери, Некрасов выпросил разрешение прочесть их. «Читали три вечера, — вспоминал М. С. Волконский, — ...при этом Николай Алексеевич по несколько раз в вечер вскакивал со словами “Довольно, не могу”, бежал к камину, садился и, схватясь руками за голову, плакал, как ребёнок».

Здесь же, у Волконского, поэт набросал для себя краткое изложение записок. В 1871 году была окончена «Княгиня Трубецкая», в 1872 — «Княгиня Волконская», составившие поэму «Русские женщины».

Екатерина Ивановна Трубецкая — урождённая графиня Катрин Лаваль, жена декабриста С. П. Трубецкого. Она выросла в роскоши, ни в чём не нуждалась. Но «... княгиня

Миниатюра XIX века.
Е. И. Трубецкая

Трубецкая первая проложила путь, не только дальний, неизвестный, но и весьма трудный, потому что от правительства дано было повеление отклонять её всячески от намерения соединиться с мужем». Деятельная, сердечная Екатерина Ивановна в Чите и Иркутске принимала живое участие в заботах об узниках, вела их переписку.

К столичной жизни она так и не вернулась: умерла за 2 года до царского указа о помиловании.

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ

ПОЭМА

(В сокращении)

Часть первая

Покоен, прочен и легок
На диво слаженный возок;

Сам граф-отец не раз, не два
Его попробовал сперва.

Шесть лошадей в него впрягли,
Фонарь внутри его зажгли.

Сам граф подушки поправлял,
Медвежью полость в ноги стлал,

Творя молитву, образок
Повесил в правый уголок

И — зарыдал... Княгиня-дочь...
Куда-то едет в эту ночь...

I

«Да, рвём мы сердце пополам
Друг другу, но, родной,
Скажи, что ж больше делать нам?
Поможешь ли тоской!
Один, кто мог бы нам помочь
Теперь... Прости, прости!
Благослови родную дочь
И с миром отпусти!

II

Бог весть, увидимся ли вновь.
Увы! надежды нет.
Прости и знай: твою любовь,
Последний твой завет
Я буду помнить глубоко
В далёкой стороне...
Не плачу я, но не легко
С тобой расстаться мне!

III

О, видит Бог!.. Но долг другой,
И выше и трудней,
Меня зовёт... Прости, родной!
Напрасных слёз не лей!
Далёк мой путь, тяжёл мой путь,
Страшна судьба моя,
Но сталью я одела грудь...
Гордись — я дочь твоя!

IV

Прости и ты, мой край родной,
Прости, несчастный край!
И ты... о город роковой,
Гнездо царей... прощай!
Кто видел Лондон и Париж,
Венецию и Рим,
Того ты блеском не прельстишь,
Но был ты мной любим —

Перечитайте начало поэмы. Почему у героев нет имён? С помощью каких средств поэт передаёт напряжённость и драматизм ситуации расставания?

Ил. В. Л. Гальдяева

Какие слова свидетельствуют о том, что решение княгини не временный порыв, а результат твёрдого убеждения в своей правоте?

Какие личностные качества демонстрирует княгиня, отправляясь к мужу в Сибирь?

V

Счастливно молодость моя
 Прошла в стенах твоих,
 Твои балы любила я,
 Катанья с гор крутых,
 Любила плеск Невы твоей
 В вечерней тишине,
 И эту площадь перед ней
 С героем на коне...

VI

Мне не забыть... Потом, потом
 Расскажут нашу быль...
 А ты будь проклят, мрачный дом,
 Где первую кадрили
 Я танцевала... Та рука
 Досель мне руку жжёт...» <...>

Ил. В. Л. Гальдяева

Покоен, прочен и легкий,
 Катится городом возок.

Вся в чёрном, мертвенно бледна,
 Княгиня едет в нём одна,

А секретарь отца (в крестах,
 Чтоб наводить дорогой страх)

С прислугой скачет впереди...
 Свища бичом, крича: «Пади!»

Ямщик столицу миновал...
 Далёк княгине путь лежал,

Была суровая зима...
 На каждой станции сама

Выходит путница: «Скорей
 Перепрягайте лошадей!»

И сыплет щедрою рукой
Червонцы челяди ямской.
Но труден путь! В двадцатый день
Едва приехали в Тюмень,

Ещё скакали десять дней.
«Увидим скоро Енисей, —

Сказал княгине секретарь. —
Не ездит так и государь!..»

Вперёд! Душа полна тоски,
Дорога всё трудней,
Но грёзы мирны и легки —
Приснилась юность ей.
Богатство, блеск! Высокий дом
На берегу Невы,
Обита лестница ковром,
Перед подъездом львы,
Изящно убран пышный зал.
Огнями весь горит. <...>
Кружится перед ней
Цветник из милых детских лиц,
Головок и кудрей.
Нарядны дети, как цветы,
Нарядней старики <...>
<...> Потом
Другое время, бал другой
Ей снится: перед ней
Стоит красавец молодой,
Он что-то шепчет ей...
Потом опять балы, балы...
Она — хозяйка их,
У них сановники¹, послы,
Весь модный свет у них...

Какие образы приходят к героине во сне, когда она уезжает из столицы?

Почему для рассказа о прошлой жизни княгини Некрасов использует форму сна, а не воспоминания, рассказ отца или какой-нибудь иной композиционный приём?

¹ Санóвник — крупный чиновник, занимающий высокое положение.

«О милый! что ты так угрюм?
Что на сердце твоём?»
— Дитя! мне скучен светский шум,
Уйдём скорей, уйдём! —

И вот уехала она
С избранником своим.
Пред нею чудная страна.
Пред нею — вечный Рим...
Ах! чем бы жизнь нам помянуть —
Не будь у нас тех дней,
Когда, урвавшись как-нибудь
Из родины своей
И скучный север миновав,
Примчимся мы на юг. <...>

Княгине памятны те дни
Прогулок и бесед,
В душе оставили они
Неизгладимый след.
Но не вернуть ей дней былых,
Тех дней надежд и грёз,
Как не вернуть потом о них
Пролитых ею слёз!..
Исчезли радужные сны,
Пред нею ряд картин
Забитой, загнанной страны:
Суровый господин
И жалкий труженик-мужик
С понурой головой...
Как первый властвовать привык,
Как рабствует второй!
Ей снятся группы бедняков
На нивах, на лугах,
Ей снятся стоны бурлаков
На волжских берегах...
Наивным ужасом полна,

Она не ест, не спит,
Засыпать спутника она
Вопросами спешит:
«Скажи, ужель весь край таков?
Довольства тени нет?..»
— Ты в царстве нищих и рабов! —
Короткий был ответ...

Она проснулась — в руку сон!
Чу, слышен впереди
Печальный звон — кандалный звон!
«Эй, кучер, погоди!»
То ссыльных партия идёт,
Больней заныла грудь.
Княгиня деньги им даёт, —
«Спасибо, добрый путь!»
Ей долго, долго лица их
Мерещатся потом,
И не прогнать ей дум своих,
Не позабыться сном!
«И та здесь партия была...
Да... нет других путей...
Но след их вьюга замела.
Скорей, ямщик, скорей!..»

Мороз сильней, пустынной путь,
Чем дале на восток;
На триста вёрст какой-нибудь
Убогий городок,
Зато как радостно глядишь
На тёмный ряд домов.
Но где же люди? Всюду тишь,
Не слышно даже псов.
Под кровлю всех загнал мороз,
Чаёк от скуки пьют.
Прошёл солдат, проехал воз,

Что разбудило героиню, прогнало грёзы о её прошлой жизни?

Подберите строки из поэмы к иллюстрации В. Л. Гальдяева.

Найдите средства художественной выразительности, использованные автором, чтобы передать впечатления княгини от встречи с каторжанами.

Ил. В. Л. Гальдяева

С помощью каких художественных приёмов Некрасов показал, что путь княгини действительно был очень тяжёл?

Куранты где-то бьют.
Замёрзли окна... огонёк
В одном чуть-чуть мелькнул...
Собор... на выезде острог...
Ямщик кнутом махнул:
«Эй, вы!» — и нет уж городка,
Последний дом исчез...
Направо — горы и река,
Налево — тёмный лес...

Кипит больной, усталый ум,
Бессонный до утра,
Тоскует сердце. Смена дум
Мучительно быстра:
Княгиня видит то друзей.
То мрачную тюрьму,
И тут же думается ей —
Бог знает почему, —
Что небо звёздное — песком
Посыпанный листок,
А месяц — красным сургучом
Оттиснутый кружок...

Пропали горы; началась
Равнина без конца.
Ещё мертвей! Не встретит глаз
Живого деревца.
«А вот и тундра!» — говорит
Ямщик, бурят степной.
Княгиня пристально глядит
И думает с тоской:
«Сюда-то жадный человек
За золотом идёт!
Оно лежит по руслам рек,
Оно на дне болот.
Трудна добыча на реке.

Болота страшны в зной,
Но хуже, хуже в руднике,
Глубоко под землёй!..
Там гробовая тишина,
Там безрассветный мрак...
Зачем, проклятая страна,
Нашёл тебя Ермак?..»

Чредой спустилась ночи мгла,
Опять взошла луна.
Княгиня долго не спала,
Тяжёлых дум полна...
Уснула... Башня снится ей...
Она вверху стоит;
Знакомый город перед ней
Волнуется, шумит;
К обширной площади бегут
Несметные толпы:
Чиновный люд, торговый люд,
Разносчики, попы;
Пестреют шляпки, бархат, шёлк.
Тулупы, армяки...
Стоял уж там какой-то полк,
Пришли ещё полки,
Побольше тысячи солдат
Сошлось. Они «ура!» кричат,
Они чего-то ждут...
Народ галдел, народ зевал,
Едва ли сотый понимал,
Что делается тут...
Зато посмеивался в ус,
Лукаво щуря взор,
Знакомый с бурями француз,
Столичный куафёр¹...
Приспели новые полки:

Почему восстание декабристов героиня видит во сне? Откуда она наблюдает за происходящим? Почему автор показывает восстание в поэме глазами княгини, а не одного из участников восстания?

¹ *Куафёр* (франц.) — парикмахер.

«Сдавайтесь!» — тем кричат.
Ответ им — пули и штыки,
Сдаваться не хотят.
Какой-то бравый генерал,
Влетев в каре¹, грозиться стал —
С коня снесли его.
Другой приблизился к рядам:
«Прощенье царь дарует вам!» —
Убили и того.

Явился сам митрополит
С хоругвями², с крестом:
«Покайтесь, братия! — гласит, —
Падите пред царём!»
Солдаты слушали, крестясь,
Но дружен был ответ:
— Уйди, старик! молись за нас!
Тебе здесь дела нет... —

Тогда-то пушки навели,
Сам царь скомандовал: «Па-ли!..
Картечь свистит, ядро ревёт,
Рядами валится народ.
«...О милый! Жив ли ты?»
Княгиня, память потеряв,
Вперёд рванулась и стремглав
Упала с высоты!

Пред нею длинный и сырой
Подземный коридор,
У каждой двери часовой,
Все двери на запор.
Прибою волн подобный плеск
Снаружи слышен ей;

¹ *Карé* — построение пехоты квадратом для отражения атак неприятеля.

² *Хорúгвь* — знамя.

Внутри — бряцанье, ружей блеск
При свете фонарей;
Да отдалённый шум шагов
И долгий гул от них,
Да перекрёстный бой часов,
Да крики часовых...

С ключами старый и седой
Усатый инвалид —
«Иди, печальница, за мной! —
Ей тихо говорит. —
Я проведу тебя к нему,
Он жив и невредим...»
Она доверилась ему,
Она пошла за ним...
Шли долго, долго... Наконец
Дверь визгнула — и вдруг
Пред нею он... живой мертвец...
Пред нею — бедный друг!
Упав на грудь ему, она
Торопится спросить:
«Скажи, что делать? Я сильна,
Могу я страшно мстить!
Достанет мужества в груди,
Готовность горяча,
Просить ли надо?..» — Не ходи,
Не тронешь палача! —
«О милый! что сказал ты? Слов
Не слышу я твоих.
То этот страшный бой часов,
То крики часовых!
Зачем тут третий между нас?..»
— Наивен твой вопрос. —

«Пора! пробил урочный час!» —
Тот «третий» произнёс...

Перечитайте описание встречи с супругом в тюрьме.

Как относится к княгине тюремщик? Как героиня пытается облегчить участь мужа? Почему он запрещает идти к царю с прошением?

Княгиня вздрогнула — глядит
Испуганно кругом,
Ей ужас сердце леденит:
Не всё тут было сном!..

Луна плыла среди небес
Без блеска, без лучей,
Налево был угрюмый лес,
Направо — Енисей. <...>

Княгине холодно; в ту ночь
Мороз был нестерпим,
Упали силы; ей невмочь
Бороться больше с ним.
Рассудком ужас овладел,
Что не доехать ей.
Ямщик давно уже не пел,
Не понукал коней,
Передней тройки не слышать.
«Эй! жив ли ты, ямщик?
Что ты замолк? не вздумай спать!»
— Не бойтесь, я привык... —

Летят... Из мёрзлого окна
Не видно ничего,
Опасный гонит сон она,
Но не прогнать его!
Он волю женщины больной
Мгновенно покорил
И, как волшебник, в край иной
Её переселил.
Тот край — он ей уже знаком —
Как прежде, неги полн,
И тёплым солнечным лучом,
И сладким пеньем волн
Её приветствовал, как друг...
Куда ни поглядит:

«Да, это — юг! Да, это — юг!» —
Всё взору говорит...

<...>

Ей солнце, море и цветы
Поют: «Да, это — юг!»
В долине между цепью гор
И морем голубым
Она летит во весь опор
С избранником своим.
Дорога их — роскошный сад,
С деревьев льётся аромат,
На каждом дереве горит
Румяный, пышный плод;
Сквозь ветви тёмные сквозит
Лазурь небес и вод;
По морю реют корабли,
Мелькают паруса,
А горы, видные вдали,
Уходят в небеса. <...>
Вот выучный мул идёт шажком,
В бубенчиках, в цветах,
За мулом — женщина с венком,
С корзинкою в руках.

Она кричит им: «Добрый путь!» —
И, засмеявшись вдруг,
Бросает быстро ей на грудь
Цветок... да! это — юг!
Страна античных, смуглых дев
И вечных роз страна...
Чу! Мелодический напев,
Чу! Музыка слышна!..

«Да, это — юг! да, это — юг!»
(поёт ей добрый сон)
Опять с тобой любимый друг,
Опять свободен он!..»

Часть вторая

Уже два месяца почти
Бессменно день и ночь в пути

На диво слаженный возок,
А всё конец пути далёк!

Княгинин спутник так устал,
Что под Иркутском захворал.

Два дня прождав его, она
Помчалась далее одна...

Её в Иркутске встретил сам
Начальник городской... <...>

Княгиня (входит в станционный дом)

В Нерчинск! Закладывать скорей!

Губернатор

Пришёл я — встретить вас.

Княгиня

Велите ж дать мне лошадей!

Губернатор

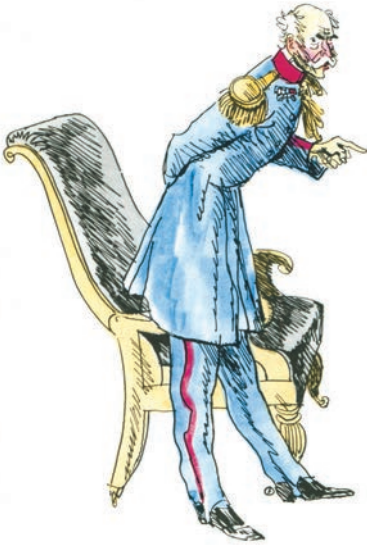
Прошу помедлить час.
Дорога наша так дурна,
Вам нужно отдохнуть...

Княгиня

Благодарю вас! Я сильна...
Уж недалёк мой путь...

Губернатор

Всё ж будет вёрст до восьмисот,
А главная беда:
Дорога хуже тут пойдёт,
Опасная езда!.. <...>

Ил. В. Л. Гальдяева

Сколько времени провела княгиня в пути до встречи с губернатором? Почему сам губернатор лично встретил княгиню?

Княгиня <...>
(отворяя дверь в сени)

Готов ли экипаж?

Губернатор

Покуда я не прикажу,
Его не подадут...

Княгиня

Так прикажите ж! Я прошу...

Губернатор

Но есть зацепка тут:
С последней почтой прислана
Бумага...

Княгиня

Что же в ней:
Уж не вернуться ль я должна?

Губернатор

Да-с, было бы верней. <...>

Княгиня

Так что же даром и болтать!
Готов ли мой возок?

Губернатор

Нет! Я ещё не приказал...
Княгиня! здесь я — царь!
Садитесь! Я уже сказал,
Что знал я графа встарь,
А граф... хоть он вас отпустил,
По доброте своей,
Но ваш отъезд его убил...
Вернитесь поскорей!

Княгиня

Нет! Что однажды решено —
Исполню до конца!
Мне вам рассказывать смешно,
Как я люблю отца,
Как любит он. Но долг другой,
И выше и святей,
Меня зовёт. Мучитель мой!
Давайте лошадей!

Губернатор

Позвольте-с. Я согласен сам,
Что дорог каждый час,
Но хорошо ль известно вам,
Что ожидает вас?
Бесплодна наша сторона,
А та — ещё бедней,
Короче нашей там весна,
Зима — ещё длинней.
Да-с, восемь месяцев зима
Там — знаете ли вы?
Там люди редки без клейма,
И те душой черствы;
На воле рыскают кругом
Там только варнаки¹;
Ужасен там тюремный дом,
Глубоки рудники.
Вам не придётся с мужем быть
Минуты глаз на глаз:
В казарме общей надо жить,
А пища: хлеб да квас.
Пять тысяч каторжников там,
Озлоблены судьбой,
Заводят драки по ночам,
Убийства и разбой;

¹ Варна́к — бежавший с каторги.

О каком долге говорит княгиня?

Какими средствами художественной выразительности пользуется Некрасов, чтобы обрисовать суровую природу Сибири и нравы людей, которые её населяют? Что должно было вызвать у героини подобное описание?

Какие картины будущей жизни нарисовал губернатор, чтобы отговорить княгиню от дальнейшего пути?

Перечитайте ответы княгини. Каково состояние героини? Может ли что-либо поколебать её решимость? Найдите строки, где ярче всего проявляются бесстрашие героини, её твёрдость и мужество.

Короток им и страшен суд,
Грознее нет суда!
И вы, княгиня, вечно тут
Свидетельницей... Да!
Поверьте, вас не пощадят,
Не сжалятся никто!
Пускай ваш муж — он виноват...
А вам терпеть... за что?

К н я г и н я

Ужасна будет, знаю я,
Жизнь мужа моего.
Пускай же будет и моя
Не радостней его!

Г у б е р н а т о р

Но вы не будете там жить:
Тот климат вас убьёт!
Я вас обязан убедить.
Не ездите вперёд!
Ах! вам ли жить в стране такой,
Где воздух у людей
Не паром — пылью ледяной
Выходит из ноздрей?
Где мрак и холод круглый год,
А в краткие жары —
Непроясненных болот
Зловредные пары?
Да... Страшный край! Оттуда прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь
Повиснет над страной...

К н я г и н я

Живут же люди в том краю,
Привыкну я шутя...

Г у б е р н а т о р

Живут? Но молодость свою
Припомните... дитя!
Здесь мать — водицей снеговой,
Родив, омывает дочь,
Малютку грозной бури вой
Баюкает всю ночь,
А будит дикий зверь, рыча
Близ хижины лесной,
Да пурга, бешено стуча
В окно, как домовой.
С глухих лесов, с пустынных рек
Сбирая дань свою,
Окреп туземный человек
С природою в бою,
А вы?..

К н я г и н я

Пусть смерть мне суждена —
Мне нечего жалеть!..
Я еду! еду! я должна
Близ мужа умереть.

Г у б е р н а т о р

Да, вы умрёте, но сперва
Измучите того,
Чья безвозвратно голова
Погибла. Для него
Прошу: не ездите туда!
Сноснее одному,
Устав от тяжкого труда,
Прийти в свою тюрьму,
Прийти — и лечь на голый пол
И с чёрствым сухарём
Заснуть... а добрый сон пришёл —
И узник стал царём!

Летя мечтой к родным, к друзьям,
Увидя вас самих,
Проснётся он к дневным трудам
И бодр, и сердцем тих.
А с вами?.. С вами не знавать
Ему счастливых грёз,
В себе он будет сознавать
Причину ваших слёз.

Княгиня

Ах!.. Эти речи побережь
Вам лучше для других.
Всем вашим пыткам не извлечь
Слезы из глаз моих!
Покинув родину, друзей,
Любимого отца,
Приняв обет в душе моей
Исполнить до конца
Мой долг, — я слёз не принесу
В проклятую тюрьму —
Я гордость, гордость в нём спасу,
Я силы дам ему!
Презрение к нашим палачам,
Сознание правоты
Опорой верной будет нам.

Губернатор

Прекрасные мечты!
Но их достанет на пять дней.
Не век же вам грустить?
Поверьте совести моей,
Захочется вам жить.
Здесь чёрствый хлеб, тюрьма, позор,
Нужда и вечный гнёт,
А там балы, блестящий двор,
Свобода и почёт.

Перечитайте слова княгини, которыми она реагирует на доводы губернатора. Появляются ли у неё новые аргументы или новые эмоции в ответ на предостережения-угрозы губернатора?

Как знать? Быть может, Бог судил...
Понравится другой,
Закон вас права не лишил...

Княгиня
Молчите!.. Боже мой!..

Губернатор
Да, откровенно говорю,
Вернитесь лучше в свет.

Княгиня
Благодарю, благодарю
За добрый ваш совет!
И прежде был там рай земной,
А нынче этот рай
Своей заботливой рукой
Расчистил Николай.
Там люди заживо гниют —
Ходячие гробы,
Мужчины — сборище Иуд,
А женщины — рабы.
Что там найду я? Ханжество,
Поруганную честь,
Нахальной дряни торжество
И подленькую месть.
Нет, в этот вырубленный лес
Меня не заманят,
Где были дубы до небес,
А нынче пни торчат!
Вернуться? жить среди клевет,
Пустых и тёмных дел?..
Там места нет, там друга нет
Тому, кто раз прозрел!
Нет, нет, я видеть не хочу
Продажных и тупых,

Чего добивается губернатор, почему не отпускает княгиню к мужу, а рекомендует вернуться «в свет»? Как княгиня охарактеризовала «свет»? Как вы понимаете слова княгини: «Нет, в этот вырубленный лес меня не заманят, где были дубы до небес, а нынче пни торчат!»?

Не покажусь я палачу
Свободных и святых.
Забыть того, кто нас любил,
Вернуться — все простя?

Г у б е р н а т о р

Но он же вас не пощадил?
Подумайте, дитя:
О ком тоска? к кому любовь?

К н я г и н я

Молчите, генерал!

Г у б е р н а т о р

Когда б не доблестная кровь
Текла в вас — я б молчал.
Но если рвётесь вы вперёд,
Не веря ничему,
Быть может, гордость вас спасёт...
Достались вы ему
С богатством, с именем, с умом,
С доверчивой душой,
А он, не думая о том,
Что́ станется с женой,
Увлёкся призраком пустым,
И — вот его судьба!..
И что ж?.. бежите вы за ним,
Как жалкая раба!

К н я г и н я

Нет! я не жалкая раба,
Я женщина, жена!
Пусть горька моя судьба —
Я буду ей верна!
О, если б он меня забыл
Для женщины другой,
В моей душе достало б сил
Не быть его рабой!

Но знаю: к Родине любовь
Соперница моя,
И если б нужно было, вновь
Ему простила б я!..

Княгиня кончила... Молчал
Упрямый старичок.
«Ну что ж? Велите, генерал,
Готовить мой возок?»
Не отвечая на вопрос,
Смотрел он долго в пол,
Потом в раздумье произнёс:
— До завтра, — и ушёл...

Назавтра тот же разговор.
Просил и убеждал,
Но получил опять отпор
Почтенный генерал.
Все убежденья истощив
И выбившись из сил,
Он долго, важен, молчалив,
По комнате ходил
И наконец сказал: — Быть так!
Вас не спасёшь, увы!..
Но знайте: сделав этот шаг,
Всего лишитесь вы! —

«Да что́ же мне ещё терять?»

— За мужем поскакав,
Вы отречение подписать
Должны от ваших прав! —

Старик эффектно замолчал,
От этих страшных слов
Он, очевидно, пользы ждал.

Но был ответ таков:
«У вас седая голова,
А вы ещё дитя!
Вам наши кажутся права
Правами — не шутя.
Нет! ими я не дорожу,
Возьмите их скорей!
Где отречение? Подпишу!
И живо — лошадей!..»

Губернатор

Бумагу эту подписать!
Да что вы?.. Боже мой!
Ведь это значит нищей стать
И женщиной простой!
Всему вы скажете прости,
Что вам дано отцом,
Что по наследству перейти
Должно бы к вам потом!
Права имущества, права
Дворянства потерять!
Нет, вы подумайте сперва —
Зайду я к вам опять!..

Ушёл и не был целый день...
Когда спустилась тьма,
Княгиня, слабая как тень,
Пошла к нему сама.
Её не принял генерал:
Хворает тяжело...
Пять дней, покуда он хворал,
Мучительных прошло,
А на шестой пришёл он сам
И круто молвил ей:
— Я отпустить не вправе вам,
Княгиня, лошадей!

Ил. В. Л. Гальдяева

Какой последний аргумент привёл губернатор? Что ожидал чиновник от молодой женщины?

Вас по этапу поведут
С конвоем... —

Княгиня

Боже мой!
Но так ведь месяцы пройдут
В дороге?..

Губернатор

Да, весной
В Нерчинск придёте, если вас
Дорога не убьёт.
Навряд версты четыре в час
Закованный идёт;
Посередине дня — привал,
С закатом дня — ночлег,
А ураган в степи застал —
Закапывайся в снег!
Да-с, промедленьям нет числа,
Иной упал, ослаб...

Княгиня

Не хорошо я поняла —
Что значит ваш этап?

Губернатор

Под караулом казаков
С оружием в руках
Этапом водим мы воров
И каторжных в цепях,
Они дорогою шалят.
Того гляди сбегут,
Так их канатом прикрутят
Друг к другу — и ведут.
Трудненок путь! Да вот-с каков:
Отправится пятьсот,
А до Нерчинских рудников

И трети не дойдёт!
Они, как мухи, мрут в пути,
Особенно зимой...
И вам, княгиня, так идти?..
Вернитесь-ка домой!

Княгиня

О нет! я этого ждала...
Но вы, но вы... злодей!..
Неделя целая прошла...
Нет сердца у людей!
Зачем бы разом не сказать?..
Уж шла бы я давно...
Велите ж партию собирать —
Иду! мне всё равно!..

— Нет! вы поедете!.. — вскричал
Нежданно старый генерал,
Закрыв рукой глаза. —
Как я вас мучил... Боже мой!..
*(Из-под руки на ус седой
Скатилась слеза.)*
Простите! да, я мучил вас,
Но мучился и сам,
Но строгий я имел приказ
Преграды ставить вам!
И разве их не ставил я?
Я делал всё, что мог,
Перед царём душа моя
Чиста, свидетель Бог!
Осторожным жёстким сухарём
И жизнью взаперти,
Позором, ужасом, трудом
Этапного пути
Я вас старался напугать.
Не испугались вы!

Перечитайте ответ княгини.
Найдите строки, доказывающие, что героиня морально готова к жизни на каторге.

Оцените последние слова губернатора (когда он не смог уговорить княгиню) с позиции нравственности.

Ил. В. Л. Гальдяева

И хоть бы мне не удержать
 На плечах головы,
 Я не могу, я не хочу
 Тиранить больше вас...
 Я вас в три дня туда домчу...
 (отворяя дверь, кричит)
 Эй! Запрягать, сейчас!..

1826

1. Какие события, описанные в поэме, особенно поразили вас?
2. Составьте план поэмы. Определите, какие части содержат экспозицию, завязку, кульминацию и развязку.
3. Перечитайте эпизод о прощании княгини Трубецкой с отцом. Что говорит героиня отцу? Что заставляет её покинуть Петербург? Какие её качества проявились в этом поступке?
4. Используя текст, расскажите о прежней жизни героини поэмы. Почему читатель узнаёт о княгине через её сон? Легко ли было ей оставить такую жизнь?
5. Заполните таблицу «Сны княгини Трубецкой». Почему так часто Некрасов описывает сны в первой части поэмы?

Номер сна	Основное содержание	Ключевые образы	Символический смысл

6. В чём особенности поведения губернатора при встрече с княгиней? Составьте логическую цепочку, в которой отражается смена поведения и эмоционального состояния губернатора. Почему он так себя ведёт? Подготовьте чтение по ролям диалога губернатора и княгини.
7. Какие угрозы и упрёки губернатор выдвигает молодой женщине? Как она реагирует на них? Отрадите свои наблюдения в таблице «Диалог с губернатором»:

Реплика губернатора	Реакция княгини

8. В чём особенность финала поэмы? Почему Некрасов не показал прибытие Трубецкой в Нерчинские рудники?
9. Можно ли назвать поступок княгини Трубецкой подвигом?

10. Первоначально поэма называлась «Декабристки». Почему Некрасов изменил заглавие? Какими чертами обладала героиня поэмы? Что позволило её считать воплощением русского национального характера?
11. Узнайте, как сложилась судьба героини поэмы (или других жён декабристов) в действительности. Пользуясь дополнительными источниками, создайте презентацию «Жена декабриста» (или «Жёны декабристов»). Для выполнения задания распределитесь по группам. Каждая группа должна подготовить страницы, посвящённые одной из женщин (или осветить один фрагмент / жизненный этап из судьбы, например, Е. И. Трубецкой).

Поэма-путешествие

Поэма — крупное лирическое или лиро-эпическое стихотворное произведение.

Чтобы придать масштабность повествованию, показать жизнь народа всей России, Н. А. Некрасов часто использует особый жанр — поэму-путешествие.

Поэма-путешествие — особый вид лиро-эпического произведения, в котором главный герой, чтобы разрешить трудную жизненную ситуацию, вынужден передвигаться на значительные расстояния. В это время он встречает совершенно разных людей, беседует с ними и находит способ, который позволит разрешить главную проблему. Это позволяет включать в произведение диалоги, пространственные описания и лирические отступления.

Дорога является одним из символов России, подчёркивает необъятность русских просторов, свободолюбие народов, её населяющих.

1. Обратите внимание на особенности композиции поэмы «Русские женщины». Как построена часть «Княгиня Трубецкая»? Почему есть мнение, что это не просто путешествие по просторам России, но и передвижение во времени и душе героини?
2. Докажите, что в поэме дано панорамное представление о быте и нравах русского народа первой половины XIX века.

3. Создайте карту путешествия княгини Е. И. Трубецкой «Из Петербурга в Сибирь». Узнайте, сколько продолжался этот путь в поэме и в реальной жизни. Совпадает ли реальное и поэтическое время?

Иван Сергеевич ТУРГЕНЕВ

1818—1883

Тургенев был человек высоко развитый, убеждённый и никогда не покидавший почвы общечеловеческих идеалов.

М. Е. Салтыков-Щедрин

И. С. Тургенев — фигура уникальная в русской культуре. Он свободно говорил на нескольких европейских языках, но все свои произведения писал исключительно по-русски. Иван Сергеевич был истинным патриотом, откликавшимся на каждое значимое событие общественно-политической жизни России, но большую часть своей жизни провёл во Франции. Он стал первым русским писателем, с которым познакомилась Европа. «...Гениальный романист, изъездивший весь свет, знавший всех великих людей своего века, прочитавший всё, что только в силах прочитать человек, и говоривший на всех языках Европы так же свободно, как на своём родном», — говорил о Тургеневе французский писатель Ги де Мопассан.

В начале 1857 года в письме своему другу, литературному критику П. В. Анненкову, И. С. Тургенев писал: «Я переживаю — или, может быть, доживаю нравственный и физический кризис, из которого выйду либо разбитый вдребезги, либо... обновлённый!» В июне писатель приезжает в Зинциг на Рейне (недалеко от Бонна, в Германии) лечиться от невралгии, совершает большую прогулку по долине реки Ары. Во время этой поездки зародился замысел повести «Ася». Тургенев так рассказывал об этом: «Проезжаем мы мимо небольшой развалины; рядом с развалиной домик в два этажа. Из окна нижнего этажа смотрит старуха, а из окна верхнего — высунулась голова хорошенькой девушки. Тут вдруг нашло на меня какое-то особенное настроение. Я стал думать и придумывать, кто эта девушка,

какая она и зачем она в этом домике, какие её отношения к старухе, — и так тут же в лодке и сложилась у меня вся фабула рассказа». Над повестью писатель работал в июле 1857 года сначала в Баден-Бадене, потом в Париже. Писалась она «с особенным настроением, похожим на вдохновение».

Повесть была напечатана в январском номере журнала «Современник» за 1858 год под заголовком «Ася. Рассказ Н. Н.». Тургенев с волнением ждал отзывов. Критик Анненков дал произведению самую высокую оценку, прибавив: «И не я один буду тронут и потрясён». Некрасов писал, что «“Ася” — чистое золото поэзии», «что-то небывалое у нас по красоте и чистоте».

1. Что стало поводом к созданию повести «Ася»?
2. После прочтения повести сравните свои впечатления с мнением критиков. Могут ли быть отрицательные отзывы об этом произведении И. С. Тургенева?

АСЯ

I

Мне было тогда лет двадцать пять, начал Н. Н., — дела давно минувших дней, как видите. Я только что вырвался на волю и уехал за границу, не для того, чтобы «кончить моё воспитание», как говаривалось тогда, а просто мне захотелось посмотреть на мир Божий. Я был здоров, молод, весел, деньги у меня не переводились, заботы ещё не успели завестись — я жил без оглядки, делал что хотел, процветал, одним словом. Мне тогда и в голову не приходило, что человек не растение и процветать ему долго нельзя. Молодость ест пряники золочёные, да и думает, что это-то и есть хлеб насущный; а придёт время — и хлебца напростишься. Но толковать об этом не для чего.

Я путешествовал без всякой цели, без плана; останавливался везде, где мне нравилось, и отправлялся тотчас далее, как только чувствовал желание видеть новые лица — именно лица. Меня занимали исключительно одни люди; я ненавидел любопытные памятники, замечательные собрания, один вид лонлакея¹ возбуждал во

¹ *Лонлакёй* — лакей, нанимаемый приехавшим куда-либо путешественником.

мне ощущение тоски и злобы; я чуть с ума не сошёл в дрезденском «Грюне Гевёлбе»¹. Природа действовала на меня чрезвычайно, но я не любил так называемых её красот, необыкновенных гор, утёсов, водопадов; я не любил, чтобы она навязывалась мне, чтобы она мне мешала. Зато лица, живые, человеческие лица — речи людей, их движения, смех — вот без чего я обойтись не мог. В толпе мне было всегда особенно легко и отрадно; мне было весело идти, куда шли другие, кричать, когда другие кричали, и в то же время я любил смотреть, как эти другие кричат. Меня забавляло наблюдать людей... Да я даже не наблюдал их — я их рассматривал с каким-то радостным и ненасытным любопытством. Но я опять сбиваюсь в сторону.

Итак, лет двадцать тому назад я проживал в немецком небольшом городке З., на левом берегу Рейна. Я искал уединения: я только что был поражён в сердце одной молодой вдовой, с которой познакомился на водах. Она была очень хороша собой и умна, кокетничала со всеми — и со мною, грешным, — сперва даже поощряла меня, а потом жестоко меня уязвила, пожертвовав мною одному краснощёкому баварскому лейтенанту. Признаться сказать, рана моего сердца не очень была глубока; но я почёл долгом предаться на некоторое время печали и одиночеству — чем молодость не тешится! — и поселился в З.

Городок этот мне понравился своим местоположением у подошвы двух высоких холмов, своими дряхлыми стенами и башнями, вековыми липами, крутым мостом над светлой речкой, впадавшей в Рейн, — а главное, своим хорошим вином. По его узким улицам гуляли вечером, тотчас после захождения солнца (дело было в июне), прехорошенькие белокурые немочки и, встретясь с иностранцем, произносили приятным голоском: «Guten Abend!»² — а некоторые из них не уходили даже и тогда, когда луна поднималась из-за острых крыш стареньких домов и мелкие каменья мостовой чётко рисовались в её неподвижных лучах. Я любил бродить тогда по городу; луна, казалось, пристально глядела на него с чистого неба; и город чувствовал этот взгляд и стоял чутко и мирно, весь

¹ «Грюне Гевёлбе» (от нем. — Зелёный свод) — музей ювелирных изделий и драгоценных камней в Дрездене.

² *Добрый вечер!* (нем.)

облитый её светом, этим безмятежным и в то же время тихо душу волнующим светом. Петух на высокой готической колокольне блесст бледным золотом; таким же золотом переливались струйки по чёрному гляncу речки; тоненькие свечки (немец бережлив!) скромно теплились в узких окнах под грифельными кровлями; виноградные лозы таинственно высовывали свои завитые усики из-за каменных оград; что-то пробежало в тени около старинного колодца на трёхугольной площади, внезапно раздавался сонливый свисток ночного сторожа, добродушная собака ворчала вполголоса, а воздух так и ластился к лицу, и липы пахли так сладко, что грудь поневоле всё глубже и глубже дышала, и слово: «Гретхен»¹ — не то восклицание, не то вопрос — так и просилось на уста.

Городок З. лежит в двух верстах от Рейна. Я часто ходил смотреть на величавую реку и, не без некоторого напряжения мечтая о коварной вдове, просиживал долгие часы на каменной скамье под одиноким огромным ясенем. Маленькая статуя мадонны с почти детским лицом и красным сердцем на груди, пронзённым мечами, печально выглядывала из его ветвей. На противоположном берегу находился городок Л., немного побольше того, в котором я поселился. Однажды вечером сидел я на своей любимой скамье и глядел то на реку, то на небо, то на виноградники. Передо мною белоголовые мальчишки карабкались по бокам лодки, вытащенной на берег и опрокинутой насмоленным брюхом кверху. Кораблики тихо бежали на слабо надувшихся парусах; зеленоватые волны скользили мимо, чуть-чуть вспухая и урча. Вдруг донеслись до меня звуки музыки; я прислушался. В городе Л. играли вальс; контрабас гудел отрывисто, скрипка неясно заливалась, флейта свистала бойко.

— Что это? — спросил я у подошедшего ко мне старика в плисовом жилете, синих чулках и башмаках с пряжками.

— Это, — отвечал он мне, предварительно передвинув мундштук своей трубки из одного угла губ в другой, — студенты приехали из Б. на коммерш.

«А посмотрю-ка я на этот коммерш, — подумал я, — кстати же я в Л. не бывал». Я отыскал перевозчика и отправился на другую сторону.

¹ *Грётхен* — героиня трагедии немецкого поэта и драматурга конца XVIII — начала XIX века И. В. Гёте «Фауст».

II

Может быть, не всякий знает, что такое коммерш. Это особенного рода торжественный пир, на который сходятся студенты одной земли или братства (Landsmannschaft). Почти все участники в коммерше носят издавна установленный костюм немецких студентов: венгерки, большие сапоги и маленькие шапочки с околышами известных цветов. Собираются студенты обыкновенно к обеду под председательством сениора, то есть старшины, — и пируют до утра, пьют, поют песни, *Landesvater*, *Gaudeamus*, курят, бранят филистёров; иногда они нанимают оркестр.

Такой точно коммерш происходил в г. Л. перед небольшой гостиницей под вывескою Солнца, в саду, выходившем на улицу. Над самой гостиницей и над садом веяли флаги; студенты сидели за столами под обстриженными липками; огромный бульдог лежал под одним из столов; в стороне, в беседке из плюща, помещались музыканты и усердно играли, то и дело подкрепляя себя пивом. На улице, перед низкой оградой сада, собралось довольно много народа: добрые граждане городка Л. не хотели пропустить случая поглазеть на заезжих гостей. Я тоже вмешался в толпу зрителей. Мне было весело смотреть на лица студентов; их объятия, восклицания, невинное кокетничанье молодости, горящие взгляды, смех без причины — лучший смех на свете — всё это радостное кипение жизни юной, свежей, этот порыв вперёд — куда бы то ни было, лишь бы вперёд, — это добродушное раздолье меня трогало и поджигало. «Уж не пойти ли к ним?» — спрашивал я себя...

— Ася, довольно тебе? — вдруг произнёс за мною мужской голос по-русски.

— Подождём ещё, — отвечал другой, женский, голос на том же языке.

Я быстро обернулся... Взор мой упал на красивого молодого человека в фуражке и широкой куртке; он держал под руку девушку невысокого роста, в соломенной шляпе, закрывающей всю верхнюю часть её лица.

— Вы русские? — сорвалось у меня невольно с языка. Молодой человек улыбнулся и промолвил:

— Да, русские.

— Я никак не ожидал... В таком захолустье, — начал было я.

— И мы не ожидали, — перебил он меня, — что ж? тем лучше. Позвольте рекомендоваться: меня зовут Гагиным, а вот это моя... —

он запнулся на мгновение, — моя сестра. А ваше имя позвольте узнать?

Я назвал себя, и мы разговорились. Я узнал, что Гагин, путешествуя, так же как и я, для своего удовольствия, неделю тому назад заехал в городок Л., да и застрял в нём. Правду сказать, я неохотно знакомился с русскими за границей. Я их узнавал даже издали по их походке, покрою платья, а главное, по выражению их лица. Самодовольное и презрительное, оно вдруг сменялось выражением осторожности и робости... Человек внезапно настораживался весь, глаз беспокойно бегал... «Батюшки мои! не соврал ли я, не смеются ли надо мною», — казалось, говорил этот уторопленный взгляд... Проходило мгновение — и снова восстанавливалось величие физиономии, изредка чередуясь с тупым недоумением. Да, я избегал русских, но Гагин мне понравился тотчас. Есть на свете такие счастливые лица: глядеть на них всякому любо, точно они греют вас или гладят. У Гагина было именно такое лицо, милое, ласковое, с большими мягкими глазами и мягкими курчавыми волосами. Говорил он так, что, даже не видя его лица, вы по одному звуку его голоса чувствовали, что он улыбается.

Девушка, которую он назвал своей сестрою, с первого взгляда показалась мне очень миловидной. Было что-то своё, особенное, в складе её смугловатого, круглого лица, с небольшим тонким носом, почти детскими щёчками и чёрными светлыми глазами. Она была грациозно сложена, но как будто не вполне ещё развита. Она несколько не походила на своего брата.

— Хотите вы зайти к нам? — сказал мне Гагин, — кажется, довольно мы насмотрелись на немцев. Наши бы, правда, стёкла разбили и поломали стулья, но эти уж больно скромны. Как ты думаешь, Ася, пойти нам домой?

Девушка утвердительно качнула головой.

— Мы живём за городом, — продолжал Гагин, — в винограднике, в одиноком домишке, высоко. У нас славно, посмотрите. Хозяйка обещала приготовить нам кислого молока. Теперь же скоро стемнеет, и вам лучше будет переезжать Рейн при луне.

Мы отправились. Чрез низкие ворота города (старинная стена из булыжника окружала его со всех сторон, даже бойницы¹ не все

¹ *Бойница* — отверстие для стрельбы в оборонительном сооружении.

Ил. Н. А. Букановой

ещё обрушились) мы вышли в поле и, пройдя шагов сто вдоль каменной ограды, остановились перед узенькой калиткой. Гагин отворил её и повёл нас в гору по крутой тропинке. С обеих сторон, на уступах, рос виноград; солнце только что село, и алый тонкий свет лежал на зелёных лозах, на высоких тычинках, на сухой земле, усеянной сплошь крупным и мелким плитняком, и на белой стене небольшого домика, с косыми чёрными перекладами и четырьмя светлыми окошками, стоявшего на самом верху горы, по которой мы взбирались.

— Вот и наше жилище! — воскликнул Гагин, как только мы стали приближаться к домику, — а вот и хозяйка несёт молоко. Guten Abend, Madame!.. Мы сейчас примемся за еду; но прежде, — прибавил он, — оглянитесь... каков вид?

Вид был точно чудесный. Рейн лежал перед нами весь серебряный, между зелёными берегами; в одном месте он горел багряным золотом заката. Приютившийся к берегу городок показывал все свои дома и улицы; широко разбегались холмы и поля. Внизу было хорошо, но наверху ещё лучше: меня особенно поразила чистота и глубина неба, сияющая прозрачность воздуха. Свежий и лёгкий, он тихо колыхался и перекатывался волнами, словно и ему было раздольнее на высоте.

— Отличную вы выбрали квартиру, — промолвил я.

— Это Ася её нашла, — отвечал Гагин, — ну-ка, Ася, — продолжал он, — распоряжайся. Вели всё сюда подать. Мы станем ужинать на воздухе. Тут музыка слышнее. Заметили ли вы, — прибавил он,

обратясь ко мне, — вблизи иной вальс никуда не годится — пошлые, грубые звуки, — а в отдаленье, чудо! так и шевелит в вас все романтические струны.

Ася (собственное имя её было Анна, но Гагин называл её Асей, и уж вы позвольте мне её так называть) — Ася отправилась в дом и скоро вернулась вместе с хозяйкой. Они вдвоём несли большой поднос с горшком молока, тарелками, ложками, сахаром, ягодами, хлебом. Мы уселись и принялись за ужин. Ася сняла шляпу; её чёрные волосы, остриженные и причёсанные, как у мальчика, падали крупными завитками на шею и уши. Сначала она дичилась меня; но Гагин сказал ей:

— Ася, полно ёжиться! Он не кусается.

Она улыбнулась и немного спустя уже сама заговаривала со мной. Я не видал существа более подвижного. Ни одно мгновение она не сидела смирно; вставала, убегала в дом и прибегала снова, напевала вполголоса, часто смеялась, и престранным образом: казалось, она смеялась не тому, что слышала, а разным мыслям, приходившим ей в голову. Её большие глаза глядели прямо, светло, смело, но иногда веки её слегка щурились, и тогда взор её внезапно становился глубок и нежен.

Мы проболтали часа два. День давно погас, и вечер, сперва весь огнистый, потом ясный и алый, потом бледный и смутный, тихо таял и переливался в ночь, а беседа наша всё продолжалась, мирная и кроткая, как воздух, окружавший нас. Гагин велел принести бутылку рейнвейна¹; мы её распили не спеша. Музыка по-прежнему долетала до нас, звуки её казались слаще и нежнее; огни зажглись в городе и над рекою. Ася вдруг опустила голову, так что кудри ей на глаза упали, замолкла и вздохнула, а потом сказала нам, что хочет спать, и ушла в дом; я, однако, видел, как она, не зажигая свечи, долго стояла за нераскрытым окном. Наконец луна встала и заиграла по Рейну; всё осветилось, потемнело, изменилось, даже вино в наших гранёных стаканах заблестело таинственным блеском. Ветер упал, точно крылья сложил, и замер; ночным, душистым теплом повеяло от земли.

— Пора! — воскликнул я, — а то, пожалуй, перевозчика не сыщешь.

¹ *Рейнвёйн* — сорт виноградного вина.

— Пора, — повторил Гагин.

Мы пошли вниз по тропинке. Камни вдруг посыпались за нами: это Ася нас догоняла.

— Ты разве не спишь? — спросил её брат, но она, не ответив ему ни слова, пробежала мимо.

Последние умиравшие плошки, зажжённые студентами в саду гостиницы, освещали снизу листья деревьев, что придавало им праздничный и фантастический вид. Мы нашли Асю у берега: она разговаривала с перевозчиком. Я прыгнул в лодку и простился с новыми моими друзьями. Гагин обещал навестить меня на следующий день; я пожал его руку и протянул свою Асе; но она только посмотрела на меня и покачала головой. Лодка отчалила и понеслась по быстрой реке. Перевозчик, бодрый старик, с напряжением погружал вёсла в тёмную воду.

— Вы в лунный столб въехали, вы его разбили, — закричала мне Ася.

Я опустил глаза; вокруг лодки, чернея, колыхались волны.

— Прощайте! — раздался опять её голос.

— До завтра, — проговорил за нею Гагин.

Лодка причалила. Я вышел и оглянулся. Никого уж не было видно на противоположном берегу. Лунный столб опять тянулся золотым мостом через всю реку.

Словно на прощание примчались звуки старинного ланнеровского¹ вальса. Гагин был прав: я почувствовал, что все струны сердца моего задрожали в ответ на те заискивающие напевы. Я отправился домой через потемневшие поля, медленно вдыхая пахучий воздух, и пришёл в свою комнатку весь разнеженный сладостным томлением беспредметных и бесконечных ожиданий. Я чувствовал себя счастливым... Но отчего я был счастлив? Я ничего не желал, я ни о чём не думал... Я был счастлив.

Чуть не смеясь от избытка приятных и игривых чувств, я нырнул в постель и уже закрыл было глаза, как вдруг мне пришло на ум, что в течение вечера я ни разу не вспомнил о моей жестокой красавице... «Что же это значит? — спросил я самого себя. — Разве я не влюблён?» Но, задав себе этот вопрос, я, кажется, немедленно заснул, как дитя в колыбели.

¹ Ланнер Й. (1801—1843) — венский композитор.

III

На другое утро (я уже проснулся, но ещё не вставал) стук палки раздался у меня под окном, и голос, который я тотчас признал за голос Гагина, запел:

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбуджу...

Я поспешил ему отворить дверь.

— Здравствуйте, — сказал Гагин, входя, — я вас раненько потревожил, но посмотрите, какое утро. Свежесть, роса, жаворонки поют...

С своими курчавыми блестящими волосами, открытой шеей и розовыми щеками он сам был свеж, как утро.

Я оделся; мы вышли в садик, сели на лавочку, велели подать себе кофе и принялись беседовать. Гагин сообщил мне свои планы на будущее: владея порядочным состоянием и ни от кого не завися, он хотел посвятить себя живописи и только сожалел о том, что поздно хватился за ум и много времени потратил по-пустому; я также упомянул о моих предположениях, да, кстати, поверил ему тайну моей несчастной любви. Он выслушал меня с снисхождением, но, сколько я мог заметить, сильного сочувствия к моей страсти я в нём не возбудил. Вздохнувши вслед за мной раза два из вежливости, Гагин предложил мне пойти к нему посмотреть его этюды. Я тотчас согласился.

Мы не застали Асю. Она, по словам хозяйки, отправилась на «развалину». Верстах в двух от города Л. находились остатки феодального замка. Гагин раскрыл мне все свои картоны¹. В его этюдах было много жизни и правды, что-то свободное и широкое; но ни один из них не был окончен, и рисунок показался мне небрежен и неверен. Я откровенно высказал ему моё мнение.

— Да, да, — подхватил он со вздохом, — вы правы; всё это очень плохо и незрело, что делать! Не учился я как следует, да и проклятая славянская распущенность берёт своё. Пока мечтаешь о работе, так и паришь орлом: землю, кажется, сдвинул бы с места — а в исполнении тотчас слабеешь и устаёшь.

Я начал было ободрять его, но он махнул рукой и, собравши картоны в охапку, бросил их на диван.

¹ *Картон* — здесь: первоначальный набросок картины, этюд.

— Коли хватит терпенья, из меня выйдет что-нибудь, — промолвил он сквозь зубы, — не хватит, останусь недорослем из дворян. Пойдёмте-ка лучше Асю отыскивать.

Мы пошли.

IV

Дорога к развалине вилась по скату узкой лесистой долины; на дне её бежал ручей и шумно прядал через камни, как бы торопясь слиться с великой рекой, спокойно сиявшей за тёмной гранью круто рассечённых горных гребней. Гагин обратил моё внимание на некоторые счастливо освещённые места; в словах его слышался если не живописец, то уж наверное художник. Скоро показалась развалина. На самой вершине голой скалы возвышалась четырёхугольная башня, вся чёрная, ещё крепкая, но словно разрубленная продольной трещиной. Мшистые стены примыкали к башне; кой-где лепился плющ; искривлённые деревца свешивались с седых бойниц и рухнувших сводов. Каменистая тропинка вела к уцелевшим воротам. Мы уже подходили к ним, как вдруг впереди нас мелькнула женская фигура, быстро перебежала по груде обломков и поместилась на уступе стены, прямо над пропастью.

— А ведь это Ася! — воскликнул Гагин, — экая сумасшедшая!

Мы вошли в ворота и очутились на небольшом дворике, до половины заросшем дикими яблонями и крапивой. На уступе сидела, точно, Ася. Она повернулась к нам лицом и засмеялась, но не тронулась с места. Гагин погрозил ей пальцем, а я громко упрекнул её в неосторожности.

— Полноте, — сказал мне шёпотом Гагин, — не дразните её; вы её не знаете: она, пожалуй, ещё на башню взберётся. А вот вы лучше подивитесь смыслённости здешних жителей.

Я оглянулся. В уголке, приютившись в крошечном деревянном балаганчике, старушка вязала чулок и косилась на нас чрез очки. Она продавала туристам пиво, пряники и зельтерскую воду. Мы уместились на лавочке и принялись пить из тяжёлых оловянных кружек довольно холодное пиво. Ася продолжала сидеть неподвижно, подбрав под себя ноги и закутав голову кисейным шарфом; стройный облик её отчётливо и красиво рисовался на ясном небе; но я с неприязненным чувством поглядывал на неё. Уже накануне заметил я в ней что-то напряжённое, не совсем естественное... «Она хочет

удивить нас, — думал я, — к чему это? Что за детская выходка?» Словно угадавши мои мысли, она вдруг бросила на меня быстрый и пронзительный взгляд, засмеялась опять, в два прыжка соскочила со стены и, подойдя к старушке, попросила у ней стакан воды.

— Ты думаешь, я хочу пить? — промолвила она, обратившись к брату, — нет; тут есть цветы на стенах, которые непременно полить надо.

Гагин ничего не отвечал ей; а она с стаканом в руке пустилась карабкаться по развалинам, изредка останавливаясь, наклоняясь и с забавной важностью роняя несколько капель воды, ярко блеснувших на солнце. Её движенья были очень милы, но мне по-прежнему было досадно на неё, хотя я невольно любовался её лёгкостью и ловкостью. На одном опасном месте она нарочно вскрикнула и потом захохотала... Мне стало ещё досаднее.

— Да она как коза лазит, — пробормотала себе под нос старушка, оторвавшись на мгновение от своего чулка.

Наконец Ася опорожнила весь свой стакан и, шаловливо покачиваясь, возвратилась к нам. Странная усмешка слегка подёргивала её брови, ноздри и губы; полудерзко, полувесело щурились тёмные глаза. «Вы находите моё поведение неприличным, — казалось, говорило её лицо, — всё равно: я знаю, вы мной любуетесь».

— Искусно, Ася, искусно, — промолвил Гагин вполголоса. Она вдруг как будто застыдилась, опустила свои длинные ресницы и скромно подсела к нам, как виноватая. Я тут в первый раз хорошенько рассмотрел её лицо, самое изменчивое лицо, какое я только видел. Несколько мгновений спустя оно уж всё побледнело и приняло сосредоточенное, почти печальное выражение; самые черты её мне показались больше, строже, проще. Она вся затихла. Мы обошли развалину кругом (Ася шла за нами следом) и полюбовались видами. Между тем час обеда приближался. Расплачиваясь со старушкой, Гагин спросил ещё кружку пива и, обернувшись ко мне, воскликнул, с лукавой ужимкой:

Ил. Д. Л. Боровского

— За здоровье дамы вашего сердца!

— А разве у него, — разве у вас есть такая дама? — спросила вдруг Ася.

— Да у кого же её нет? — возразил Гагин.

Ася задумалась на мгновение; её лицо опять изменилось, опять появилась на нём вызывающая, почти дерзкая усмешка.

На возвратном пути она пуще хохотала и шалила. Она сломала длинную ветку, положила её к себе на плечо, как ружьё, повязала себе голову шарфом. Помнится, нам встретилась многочисленная семья белокурых и чопорных англичан; все они, словно по команде, с холодным изумлением проводили Асю своими стеклянными глазами, а она, как бы им назло, громко запела. Воротясь домой, она тотчас ушла к себе в комнату и появилась только к самому обеду, одетая в лучшее своё платье, тщательно причёсанная, перетянутая и в перчатках. За столом она держалась очень чинно, почти чопорно, едва отведывала кушанья и пила воду из рюмки. Ей явно хотелось разыграть передо мною новую роль — роль приличной и благовоспитанной барышни. Гагин не мешал ей: заметно было, что он привык потакать ей во всём. Он только по временам добродушно взглядывал на меня и слегка пожимал плечом, как бы желая сказать: «Она ребёнок; будьте снисходительны». Как только кончился обед, Ася встала, сделала нам книксен¹ и, надевая шляпу, спросила Гагина: можно ли ей пойти к фрау Луизе?

— Давно ли ты стала спрашиваться? — отвечал он с своей неизменной, на этот раз несколько смущённой улыбкой, — разве тебе скучно с нами?

— Нет, но я вчера ещё обещала фрау Луизе побывать у ней; притом же я думала, вам будет лучше вдвоём: г. Н. (она указала на меня) что-нибудь ещё тебе расскажет.

Она ушла.

— Фрау Луизе, — начал Гагин, стараясь избегать моего взора, — вдова бывшего здешнего бургомистра, добрая, впрочем пустая старушка. Она очень полюбила Асю. У Аси страсть знакомиться с людьми круга низшего; я заметил: причиною этому всегда бывает гордость. Она у меня порядком избалована, как видите, — прибавил он, помолчав немного, — да что прикажете делать? Взыскивать

¹ Книксен (нем.) — поклон с приседанием.

я ни с кого не умею, а с неё и подавно. Я обязан быть снисходительным с нею.

Я промолчал. Гагин переменял разговор. Чем больше я узнавал его, тем сильнее я к нему привязывался. Я скоро его понял. Это была прямо русская душа, правдивая, честная, простая, но, к сожалению, немного вялая, без цепкости и внутреннего жара. Молодость не кипела в нём ключом; она светилась тихим светом. Он был очень мил и умён, но я не мог себе представить, что с ним станет, как только он возмужает. Быть художником... Без горького, постоянного труда не бывает художников... а трудиться, думал я, глядя на его мягкие черты, слушая его неспешную речь, — нет! трудиться ты не будешь, сжаться ты не сумеешь. Но не полюбить его не было возможности: сердце так и влеклось к нему. Часа четыре провели мы вдвоём, то сидя на диване, то медленно расхаживая перед домом; и в эти четыре часа сошлись окончательно.

Солнце село, и мне уже пора было идти домой. Ася всё ещё не возвращалась.

— Экая она у меня вольница! — промолвил Гагин. — Хотите, я пойду провожать вас? Мы по пути завернём к фрау Луизе; я спрошу, там ли она? Крюк невелик.

Мы спустились в город и, свернув в узкий, кривой переулочек, остановились перед домом в два окна шириною и вышиною в четыре этажа. Второй этаж выступал на улицу больше первого, третий и четвёртый ещё больше второго: весь дом с своей ветхой резьбой, двумя толстыми столбами внизу, острой черепичной кровлей и протянутым в виде клюва воротом на чердаке казался огромной, сгорбленной птицей.

— Ася! — крикнул Гагин, — ты здесь?

Освещённое окошко в третьем этаже стукнуло и отворилось, и мы увидели тёмную головку Аси. Из-за неё выглядывало беззубое и подслеповатое лицо старой немки.

— Я здесь, — проговорила Ася, кокетливо опершись локтями на оконницу, — мне здесь хорошо. На тебе, возьми, — прибавила она, бросая Гагину ветку гераниума, — вообрази, что я дама твоего сердца.

Фрау Луизе засмеялась.

— Н. уходит, — возразил Гагин, — он хочет с тобой проститься.

— Будто? — промолвила Ася, — в таком случае дай ему мою ветку, а я сейчас вернусь.

Она захлопнула окно и, кажется, поцеловала фрау Луизе. Гагин протянул мне молча ветку. Я молча положил её в карман, дошёл до перевоза и перебрался на другую сторону.

Помнится, я шёл домой, ни о чём не размышляя, но с странной тяжестью на сердце, как вдруг меня поразил сильный, знакомый, но в Германии редкий запах. Я остановился и увидел возле дороги небольшую грядку конопли. Её степной запах мгновенно напомнил мне родину и возбудил в душе страстную тоску по ней. Мне захотелось дышать русским воздухом, ходить по русской земле. «Что я здесь делаю, зачем таскаюсь я в чужой стороне, между чужими?» — воскликнул я, и мертвенная тяжесть, которую я ощущал на сердце, разрешилась внезапно в горькое и жгучее волнение. Я пришёл домой совсем в другом настроении духа, чем накануне. Я чувствовал себя почти рассерженным и долго не мог успокоиться. Непонятная мне самому досада меня разбирала. Наконец я сел и, вспомнив о своей коварной вдове (официальным воспоминанием об этой даме заключался каждый мой день), достал одну из её записок. Но я даже не раскрыл её; мысли мои тотчас приняли иное направление. Я начал думать... думать об Асе. Мне пришло в голову, что Гагин в течение разговора намекнул мне на какие-то затруднения, препятствующие его возвращению в Россию... «Полно, сестра ли она его?» — произнёс я громко.

Я разделся, лёг и старался заснуть; но час спустя я опять сидел в постели, облокотившись локтем на подушку, и снова думал об этой «капризной девочке с натянутым смехом...». «Она сложена, как маленькая рафаэлевская Галатея в Фарнезине¹, — шептал я, — да; и она ему не сестра...»

А записка вдовы преспокойно лежала на полу, белея в лучах луны.

V

На следующее утро я опять пошёл в Л. Я уверял себя, что мне хочется повидаться с Гагиным, но втайне меня тянуло посмотреть, что станет делать Ася, так же ли она будет «чудить», как накануне. Я застал обоих в гостинной, и, странное дело! — оттого ли, что я ночью и утром много размышлял о России, — Ася показалась мне совершенно русской девушкой, да, простою девушкой, чуть не

¹ Фреска Рафаэля (1483—1520) «Триумф Галатеи» в вилле Фарнезина в Риме.

горничной. На ней было старенькое платьице, волосы она зачесала за уши и сидела, не шевелясь, у окна да шила в пальцах, скромно, тихо, точно она век свой ничем другим не занималась. Она почти ничего не говорила, спокойно посматривала на свою работу, и черты её приняли такое незначительное, будничное выражение, что мне невольно вспомнились наши доморощенные Кати и Маши. Для довершения сходства она принялась напевать вполголоса «Матушку, голубушку»¹. Я глядел на её желтоватое, угасшее личико, вспоминал о вчерашних мечтаниях, и жаль мне было чего-то. Погода была чудесная. Гагин объявил нам, что пойдёт сегодня рисовать этюд с натуры; я спросил его, позволит ли он мне провожать его, не помешаю ли я ему?

— Напротив, — возразил он, — вы мне можете хороший совет дать.

Он надел круглую шляпу à la Van Dyck², блузу, взял картон под мышку и отправился; я поплёлся вслед за ним. Ася осталась дома. Гагин, уходя, просил её позаботиться о том, чтобы суп был не слишком жидок: Ася обещалась побывать на кухне. Гагин добрался до знакомой уже мне долины, присел на камень и начал срисовывать старый дуплистый дуб с раскидистыми сучьями. Я лёг на траву и достал книжку; но я и двух страниц не прочёл, а он только бумагу измарал; мы всё больше рассуждали и, сколько я могу судить, довольно умно и тонко рассуждали о том, как именно должно работать, чего следует избегать, чего придерживаться и какое, собственно, значение художника в наш век. Гагин, наконец, решил, что он «сегодня не в ударе», лёг рядом со мною, и уж тут свободно потекли молодые наши речи, то горячие, то задумчивые, то восторженные, но почти всегда неясные речи, в которых так охотно разливается русский человек. Наболтавшись досыта и наполнившись чувством удовлетворения, словно мы что-то сделали, успели в чём-то, вернулись мы домой. Я нашёл Асю точно такую же, какую я её оставил; как я ни старался наблюдать за нею — ни тени кокетства, ни признака намеренно принятой роли я в ней не заметил; на этот раз не было возможности упрекнуть её в неестественности.

¹ Песня А. Л. Гурилёва на слова Ниркомского; Тургенев воспринимал её как народную.

² В стиле Ван Дейка (1599—1641), фламандского живописца.

— А-га? — говорил Гагин, — пост и покаяние на себя наложила.

К вечеру она несколько раз непритворно зевнула и рано ушла к себе. Я сам скоро простился с Гагиным и, возвратившись домой, не мечтал уже ни о чём: этот день прошёл в трезвых ощущениях. Помнится, однако, ложась спать, я невольно промолвил вслух:

— Что за хамелеон эта девушка! — и, подумав немного, прибавил: — А всё-таки она ему не сестра.

VI

Прошли целые две недели. Я каждый день посещал Гагиных. Ася словно избегала меня, но уже не позволяла себе ни одной из тех шалостей, которые так удивили меня в первые два дня нашего знакомства. Она казалась втайне огорчённой или смущённой; она и смеялась меньше. Я с любопытством наблюдал за ней.

Она довольно хорошо говорила по-французски и по-немецки; но по всему было заметно, что она с детства не была в женских руках и воспитание получила странное, необычное, не имевшее ничего общего с воспитанием самого Гагина. От него, несмотря на его шляпу à la Van Dyck и блузу, так и веяло мягким, полуизнеженным, великорусским дворянином, а она не походила на барышню; во всех её движениях было что-то беспокойное: этот дичок недавно был привит, это вино ещё бродило. По природе стыдливая и робкая, она досадовала на свою застенчивость и с досады насильственно старалась быть развязной и смелой, что ей не всегда удавалось. Я несколько раз заговаривал с ней об её жизни в России, об её прошедшем: она неохотно отвечала на мои расспросы; я узнал, однако, что до отъезда за границу она долго жила в деревне. Я застал её раз за книгой, одну. Опершись головой на обе руки и запустив пальцы глубоко в волосы, она пожирала глазами строки.

— Браво! — сказал я, подойдя к ней, — как вы прилежны! Она приподняла голову, важно и строго посмотрела на меня.

— Вы думаете, я только смеяться умею, — промолвила она и хотела удалиться...

Я взглянул на заглавие книги: это был какой-то французский роман.

— Однако я ваш выбор похвалить не могу, — заметил я.

— Что же читать! — воскликнула она и, бросив книгу на стол, прибавила: — Так лучше пойду дурачиться, — и побежала в сад.

В тот же день, вечером, я читал Гагину «Германа и Доротею»¹. Ася сперва всё только шныряла мимо нас, потом вдруг остановилась, приникла ухом, тихонько подсела ко мне и прослушала чтение до конца. На следующий день я опять не узнал её, пока не догадался, что ей вдруг вошло в голову: быть домовитой и степенной, как Доротея. Словом, она являлась мне полузагадочным существом. Самолюбивая до крайности, она привлекала меня, даже когда я сердился на неё. В одном только я более и более убеждался, а именно в том, что она не сестра Гагина. Он обходился с нею не по-братски: слишком ласково, слишком снисходительно и в то же время несколько принуждённо.

Странный случай, по-видимому, подтвердил мои подозрения.

Однажды вечером, подходя к винограднику, где жили Гагины, я нашёл калитку запертой. Недолго думавши, добрался я до одного обрушенного места в ограде, уже прежде замеченного мною, и перескочил через неё. Недалеко от этого места, в стороне от дорожки, находилась небольшая беседка из акаций; я поравнялся с нею и уже прошёл было мимо... Вдруг меня поразил голос Аси, с жаром и сквозь слёзы произносивший следующие слова:

— Нет, я никого не хочу любить, кроме тебя, нет, нет, одного тебя я хочу любить — и навсегда.

— Полно, Ася, успокойся, — говорил Гагин, — ты знаешь, я тебе верю.

Голоса их раздавались в беседке. Я увидел их обоих сквозь негустой переплёт ветвей. Они меня не заметили.

— Тебя, тебя одного, — повторила она, бросилась ему на шею и с судорожными рыданиями начала целовать его и прижиматься к его груди.

— Полно, полно, — твердил он, слегка проводя руками по её волосам.

Несколько мгновений остался я неподвижным... Вдруг я встрепенулся. «Подойти к ним?.. Ни за что!» — сверкнуло у меня в голове. Быстрыми шагами вернулся я к ограде, перескочил через неё на дорогу и чуть не бегом пустился домой. Я улыбался, потирал руки, удивлялся случаю, внезапно подтвердившему мои догадки (я ни на

¹ Поэма И. В. Гёте, проникнутая симпатией к трудовой жизни простых людей, уважением к их мужеству и доблести.

одно мгновение не усомнился в их справедливости), а между тем на сердце у меня было очень горько. «Однако, — думал я, — умеют же они притворяться! Но к чему? Что за охота меня морочить? Не ожидал я этого от него... И что за чувствительное объяснение?»

VII

Я спал дурно и на другое утро встал рано, привязал походную котомочку за спину и, объявив своей хозяйке, чтобы она не ждала меня к ночи, отправился пешком в горы, вверх по течению реки, на которой лежит городок З. Эти горы, отрасли хребта, называемого Собачьей спиной (Hundsrück), очень любопытны в геологическом отношении; в особенности замечательны они правильностью и чистотой базальтовых слоёв; но мне было не до геологических наблюдений. Я не отдавал себе отчёта в том, что во мне происходило; одно чувство было мне ясно: нежелание видеться с Гагиными. Я уверял себя, что единственной причиной моего внезапного нерасположения к ним была досада на их лукавство. Кто их принуждал выдавать себя за родственников? Впрочем, я старался о них не думать; бродил не спеша по горам и долинам, засиживался в деревенских харчевнях, мирно беседуя с хозяевами и гостями, или ложился на плоский согретый камень и смотрел, как плыли облака, благо погода стояла удивительная. В таких занятиях я провёл три дня, и не без удовольствия, — хотя на сердце у меня щемил по временам. Настроение моих мыслей приходилось как раз под стать спокойной природе того края.

Я отдал себя всего тихой игре случайности, набегавшим впечатлениям: неторопливо сменяясь, протекали они по душе и оставили в ней, наконец, одно общее чувство, в котором слилось всё, что я видел, ощутил, слышал в эти три дня, — всё: тонкий запах смолы по лесам, крик и стук дятлов, немолчная болтовня светлых ручейков с пёстрыми форелями на песчаном дне, не слишком смелые очертания гор, хмурые скалы, чистенькие деревеньки с почтенными старыми церквями и деревьями, аисты в лугах, уютные мельницы с проворно вертящимися колёсами, радушные лица поселян, их синие камзолы и серые чулки, скрипучие, медлительные возы, запряжённые жирными лошадьми, а иногда коровами, молодые длинноволосые странники по чистым дорогам, обсаженным яблонями и грушами...

Даже и теперь мне приятно вспоминать мои тогдашние впечатления. Привет тебе, скромный уголок германской земли, с твоим незатейливым довольством, с повсеместными следами прилежных рук, терпеливой, хотя неспешной работы... Привет тебе и мир!

Я пришёл домой к самому концу третьего дня. Я забыл сказать, что с досады на Гагиных я попытался воскресить в себе образ жестокосердой вдовы; но мои усилия остались тщетны. Помнится, когда я принялся мечтать о ней, я увидел перед собою крестьянскую девочку лет пяти, с круглым любопытным личиком, с невинно выпученными глазёнками. Она так детски-простодушно смотрела на меня... Мне стало стыдно её чистого взора, я не хотел лгать в её присутствии и тотчас же окончательно и навсегда раскланялся с моим прежним предметом.

Дома я нашёл записку от Гагина. Он удивлялся неожиданности моего решения, пенял мне, зачем я не взял его с собою, и просил прийти к ним, как только я вернусь. Я с неудовольствием прочёл эту записку, но на другой же день отправился в Л.

VIII

Гагин встретил меня по-приятельски, осыпал меня ласковыми упрёками; но Ася, точно нарочно, как только увидала меня, расхоталась без всякого повода и, по своей привычке, тотчас убежала. Гагин смутился, пробормотал ей вслед, что она сумасшедшая, попросил меня извинить её. Признаюсь, мне стало очень досадно на Асю; уж и без того мне было не по себе, а тут опять этот неестественный смех, эти странные ужимки. Я, однако, показал вид, будто ничего не заметил, и сообщил Гагину подробности моего небольшого путешествия. Он рассказал мне, что делал в моё отсутствие. Но речи наши не клеились; Ася входила в комнатку и убегала снова; я объявил наконец, что у меня есть спешная работа и что мне пора вернуться домой. Гагин сперва меня удерживал, потом, посмотрев на меня пристально, вызвался провожать меня. В передней Ася вдруг подошла ко мне и протянула мне руку; я слегка пожал её пальцы и едва поклонился ей. Мы вместе с Гагиным переправились через Рейн и, проходя мимо любимого моего ясеня с статушкой мадонны, присели на скамью, чтобы полюбоваться видом. Замечательный разговор произошёл тут между нами.

Сперва мы перекинулись немногими словами, потом замолкли, глядя на светлую реку.

— Скажите, — начал вдруг Гагин, с своей обычной улыбкой, — какого вы мнения об Асе? Не правда ли, она должна казаться вам немного странной?

— Да, — ответил я не без некоторого недоумения. Я не ожидал, что он заговорит о ней.

— Её надо хорошенько узнать, чтобы о ней судить, — промолвил он, — у ней сердце очень доброе, но голова бедовая. Трудно с нею ладить. Впрочем, её нельзя винить, и если б вы знали её историю...

— Её историю?.. — перебил я, — разве она не ваша...

Гагин взглянул на меня.

— Уж не думаете ли вы, что она не сестра мне?.. Нет, — продолжал он, не обращая внимания на моё замешательство, — она точно мне сестра, она дочь моего отца. Выслушайте меня. Я чувствую к вам доверие и расскажу вам всё.

Отец мой был человек весьма добрый, умный, образованный — и несчастливый. Судьба обошлась с ним не хуже, чем со многими другими; но он и первого удара её не вынес. Он женился рано, по любви; жена его, моя мать, умерла очень скоро; я остался после неё шести месяцев. Отец увёз меня в деревню и целые двенадцать лет не выезжал никуда. Он сам занимался моим воспитанием и никогда бы со мной не расстался, если б брат его, мой родной дядя, не заехал к нам в деревню. Дядя этот жил постоянно в Петербурге и занимал довольно важное место. Он уговорил отца отдать меня к нему на руки, так как отец ни за что не соглашался покинуть деревню. Дядя представил ему, что мальчику моих лет вредно жить в совершенном уединении, что с таким вечно унылым и молчаливым наставником, каков был мой отец, я непременно отстану от моих сверстников, да и самый нрав мой легко может испортиться. Отец долго противился увещаниям своего брата, однако уступил наконец. Я плакал, расставаясь с отцом; я любил его, хотя никогда не видал улыбки на лице его... но, попавши в Петербург, скоро позабыл наше тёмное и невесёлое гнездо. Я поступил в юнкерскую школу, а из школы перешёл в гвардейский полк. Каждый год приезжал я в деревню на несколько недель и с каждым годом находил отца моего всё более и более грустным, в себя углублённым, задумчивым до робости. Он каждый день ходил в церковь и почти разучился говорить. В одно

из моих посещений (мне уже было лет двадцать с лишком) я в первый раз увидел у нас в доме худенькую черноглазую девочку лет десяти — Асю. Отец сказал, что она сирота и взята им на прокормление — он именно так выразился. Я не обратил особенного внимания на неё; она была дика, проворна и молчалива, как зверёк, и как только я входил в любимую комнату моего отца, огромную и мрачную комнату, где скончалась моя мать и где даже днём зажигались свечи, она тотчас пряталась за вольтеровское кресло¹ его или за шкаф с книгами. Случилось так, что в последовавшие затем три, четыре года обязанности службы помешали мне побывать в деревне. Я получал от отца ежемесячно по короткому письму; об Асе он упоминал редко, и то вскользь. Ему было уже за пятьдесят лет, но он казался ещё молодым человеком. Представьте мой ужас: вдруг я, ничего не подозревавший, получаю от приказчика письмо, в котором он извещает меня о смертельной болезни моего отца и умоляет приехать как можно скорее, если хочу проститься с ним. Я поскакал сломя голову и застал отца в живых, но уже при последнем издыхании. Он обрадовался мне чрезвычайно, обнял меня своими исхудалыми руками, долго поглядел мне в глаза каким-то не то испытующим, не то умоляющим взглядом и, взяв с меня слово, что я исполню его последнюю просьбу, велел своему старому камердинеру привести Асю. Старик привел её: она едва держалась на ногах и дрожала всем телом.

— Вот, — сказал мне с усилием отец, — завещаю тебе мою дочь — твою сестру. Ты всё узнаешь от Якова, — прибавил он, указав на камердинера.

Ася зарыдала и упала лицом на кровать... Полчаса спустя мой отец скончался.

Вот что я узнал. Ася была дочь моего отца и бывшей горничной моей матери, Татьяны. Живо помню я эту Татьяну, помню высокую стройную фигуру, её благообразное, строгое, умное лицо, с большими тёмными глазами. Она слыла девушкой гордой и неприступной.

Сколько я мог понять из почтительных недомолвок Якова, отец мой сошёлся с нею несколько лет спустя после смерти матушки. Татьяна уже не жила тогда в господском доме, а в избе у замужней

¹ *Вольтёровское кресло* — глубокое кресло с высокой спинкой (по имени французского писателя Вольтера).

сестры своей, скотницы. Отец мой сильно к ней привязался и после моего отъезда из деревни хотел даже жениться на ней, но она сама не согласилась быть его женой, несмотря на его просьбы.

— Покойница Татьяна Васильевна, — так докладывал мне Яков, стоя у двери с закинутыми назад руками, — во всём были рассудительны и не захотели батюшку вашего обидеть. Что, мол, я вам за жена? какая я барыня? Так они говорить изволили, при мне говорили-с.

Татьяна даже не хотела переселиться к нам в дом и продолжала жить у своей сестры, вместе с Асей. В детстве я видывал Татьяну только по праздникам, в церкви. Повязанная тёмным платком, с жёлтой шалью на плечах, она становилась в толпе, возле окна, — её строгий профиль чётко вырезывался на прозрачном стекле, — и смиренно и важно молилась, кланяясь низко, по-старинному. Когда дядя увёз меня, Асе было всего два года, а на девятом году она лишилась матери.

Как только Татьяна умерла, отец взял Асю к себе в дом. Он и прежде изъявлял желание иметь её при себе, но Татьяна ему и в этом отказала. Представьте же себе, что должно было произойти в Асе, когда её взяли к барину. Она до сих пор не может забыть ту минуту, когда ей в первый раз надели шёлковое платье и поцеловали у ней ручку. Мать, пока была жива, держала её очень строго; у отца она пользовалась совершенной свободой. Он был её учителем; кроме его, она никого не видала. Он не баловал её, то есть не нянчился с нею; но он любил её страстно и никогда ничего ей не запрещал: он в душе считал себя перед ней виноватым. Ася скоро поняла, что она главное лицо в доме, она знала, что барин её отец; но она также скоро поняла и своё ложное положение; самолюбие развилось в ней сильно, недоверчивость тоже; дурные привычки укоренились, простота исчезла. Она хотела (она сама мне раз призналась в этом) *заставить целый мир* забыть её происхождение; она и стыдилась своей матери, и стыдилась своего стыда, и гордилась ею. Вы видите, что она многое знала и знает, чего не должно бы знать в её годы... Но разве она виновата? Молодые силы разыгрывались в ней, кровь кипела, а вблизи ни одной руки, которая бы её направила. Полная независимость во всём! да разве легко её вынести? Она хотела быть не хуже других барышень; она бросилась на книги. Что тут могло

выйти путного? Неправильно начатая жизнь слагалась неправильно, но сердце в ней не испортилось, ум уцелел.

И вот я, двадцатилетний малый, очутился с тринадцатилетней девочкой на руках! В первые дни после смерти отца, при одном звуке моего голоса, её била лихорадка, ласки мои повергали её в тоску, и только понемногу, исподволь, привыкла она ко мне. Правда, потом, когда она убедилась, что я точно признаю её за сестру и полюбил её, как сестру, она страстно ко мне привязалась: у ней ни одно чувство не бывает вполонину.

Я привёз её в Петербург. Как мне ни больно было с ней расстаться, — жить с ней вместе я никак не мог; я поместил её в один из лучших пансионов¹. Ася поняла необходимость нашей разлуки, но начала с того, что заболела и чуть не умерла. Потом она обтерпелась и выжила в пансионе четыре года; но, против моих ожиданий, осталась почти такою же, какою была прежде. Начальница пансиона часто жаловалась мне на неё. «И наказать её нельзя, — говаривала она мне, — и на ласку она не поддаётся». Ася была чрезвычайно понятлива, училась прекрасно, лучше всех; но никак не хотела подойти под общий уровень, упрямилась, глядела букой... Я не мог слишком винить её: в её положении ей надо было либо прислуживаться, либо дичиться. Из всех своих подруг она сошлась только с одной, некрасивой, загнанной и бедной девушкой. Остальные барышни, с которыми она воспитывалась, большею частью из хороших фамилий, не любили её, язвили её и кололи, как только могли; Ася им на волос не уступала. Однажды на уроке из закона Божия преподаватель заговорил о пороках. «Лесть и трусость — самые дурные пороки», — громко промолвила Ася. Словом, она продолжала идти своей дорогой; только манеры её стали лучше, хотя и в этом отношении она, кажется, не много успела.

Наконец ей минуло семнадцать лет; оставаться ей далее в пансионе было невозможно. Я находился в довольно большом затруднении. Вдруг мне пришла благая мысль: выйти в отставку, поехать за границу на год или на два и взять Асю с собою. Задумано — сделано; и вот мы с ней на берегах Рейна, где я стараюсь заниматься живописью, она... шалит и чудит по-прежнему. Но теперь я надеюсь, что

¹ *Панси́он* — закрытое учебное заведение с постоянным проживанием.

вы не станете судить её слишком строго; а она хоть и притворяется, что ей всё нипочём, — мнением каждого дорожит, вашим же в особенности.

И Гагин опять улыбнулся своей тихой улыбкой. Я крепко стиснул ему руку.

— Всё так, — заговорил опять Гагин, — но с нею мне беда. Порох она настоящий. До сих пор ей никто не нравился, но беда, если она кого полюбит! Я иногда не знаю, как с ней быть. На днях она что вздумала: начала вдруг уверять меня, что я к ней стал холоднее прежнего и что она одного меня любит и век будет меня одного любить... И при этом так расплакалась...

— Так вот что... — промолвил было я и прикусил язык.

— А скажите-ка мне, — спросил я Гагина: дело между нами пошло на откровенность, — неужели в самом деле ей до сих пор никто не нравился? В Петербурге видала же она молодых людей?

— Они-то ей и не нравились вовсе. Нет, Асе нужен герой, необыкновенный человек — или живописный пастух в горном ущелье. А впрочем, я заболтался с вами, задержал вас, — прибавил он, вставая.

— Послушайте, — начал я, — пойдёмте к вам, мне домой не хочется.

— А работа ваша?

Я ничего не отвечал; Гагин добродушно усмехнулся, и мы вернулись в Л. Увидев знакомый виноградник и белый домик на верху горы, я почувствовал какую-то сладость — именно сладость на сердце: точно мне втихомолку мёду туда налили. Мне стало легко после гагинского рассказа.

IX

Ася встретила нас на самом пороге дома; я снова ожидал смеха; но она вышла к нам вся бледная, молчаливая, с потупленными глазами.

— Вот он опять, — заговорил Гагин, — и, заметь, сам захотел вернуться.

Ася вопросительно посмотрела на меня. Я в свою очередь протянул ей руку и на этот раз крепко пожал её холодные пальчики. Мне стало очень жаль её; теперь я многое понимал в ней, что прежде

сбивало меня с толку: её внутреннее беспокойство, неумение держать себя, желание порисоваться — всё мне стало ясно. Я заглянул в эту душу: тайный гнёт давил её постоянно, тревожно путалось и билось неопытное самолюбие, но всё существо её стремилось к правде. Я понял, почему эта странная девочка меня привлекала; не одной только полудикой прелестью, разлитой по всему её тонкому телу, привлекала она меня: её душа мне нравилась.

Гагин начал копаться в своих рисунках; я предложил Асе погулять со мною по винограднику. Она тотчас согласилась, с весёлой и почти покорной готовностью. Мы спустились до половины горы и присели на широкую плиту.

— И вам не скучно было без нас? — начала Ася.

— А вам без меня было скучно? — спросил я. Ася взглянула на меня сбоку.

— Да, — отвечала она. — Хорошо в горах? — продолжала она тотчас, — они высоки? Выше облаков? Расскажите мне, что вы видели. Вы рассказывали брату, но я ничего не слыхала.

— Вольно ж вам было уходить, — заметил я.

— Я уходила... потому что... Я теперь вот не уйду, — прибавила она с доверчивой лаской в голосе, — вы сегодня были сердиты.

— Я?

— Вы.

— Отчего же, помилуйте...

— Не знаю, но вы были сердиты и ушли сердитыми. Мне было очень досадно, что вы так ушли, и я рада, что вы вернулись.

— И я рад, что вернулся, — промолвил я.

Ася повела плечами, как это часто делают дети, когда им хорошо.

— О, я умею отгадывать! — продолжала она, — бывало, я по одному папашину кашлю из другой комнаты узнавала, доволен ли он мной или нет.

До того дня Ася ни разу не говорила мне о своём отце. Меня это поразило.

— Вы любили вашего батюшку? — проговорил я и вдруг, к великой моей досаде, почувствовал, что краснею.

Она ничего не отвечала и покраснела тоже. Мы оба замолкли. Вдали по Рейну бежал и дымился пароход. Мы принялись глядеть на него.

— Что же вы не рассказываете? — прошептала Ася.

— Отчего вы сегодня рассмеялись, как только увидели меня? — спросил я.

— Сама не знаю. Иногда мне хочется плакать, а я смеюсь. Вы не должны судить меня... по тому, что я делаю. Ах, кстати, что это за сказка о Лорелее¹? Ведь это её скала виднеется? Говорят, она прежде всех топила, а как полюбила, сама бросилась в воду. Мне нравится эта сказка. Фрау Луизе мне всякие сказки рассказывает. У фрау Луизе есть чёрный кот с жёлтыми глазами...

Ася подняла голову и встряхнула кудрями.

— Ах, мне хорошо, — проговорила она.

В это мгновение долетели до нас отрывочные, однообразные звуки. Сотни голосов разом и с мерными расстановками повторяли молитвенный напев: толпа богомольцев тянулась вниз по дороге с крестами и хоругвями...

— Вот бы пойти с ними, — сказала Ася, прислушиваясь к постепенно ослабевавшим взрывам голосов.

— Разве вы так набожны?

— Пойти куда-нибудь далеко, на молитву, на трудный подвиг, — продолжала она. — А то дни уходят, жизнь уйдёт, а что мы сделали?

— Вы честолюбивы, — заметил я, — вы хотите прожить не даром, след за собой оставить...

— А разве это невозможно?

«Невозможно», — чуть было не повторил я... Но я взглянул в её светлые глаза и только промолвил:

— Попробуйте.

— Скажите, — заговорила Ася после небольшого молчания, в течение которого какие-то тени пробежали у неё по лицу, уже успевшему побледнеть, — вам очень нравилась та дама... Вы помните, брат пил её здоровье в развалине, на второй день нашего знакомства?

Я засмеялся.

— Ваш брат шутил; мне ни одна дама не нравилась; по крайней мере теперь ни одна не нравится.

— А что вам нравится в женщинах? — спросила Ася, закинув голову с невинным любопытством.

¹ Народная легенда о Лорелее.

— Какой странный вопрос! — воскликнул я.

Ася слегка смутилась.

— Я не должна была сделать вам такой вопрос, не правда ли? Извините меня, я привыкла болтать всё, что мне в голову входит. Оттого-то я и боюсь говорить.

— Говорите ради бога, не бойтесь, — подхватил я, — я так рад, что вы наконец перестаете дичиться.

Ася потупилась и засмеялась тихим и лёгким смехом; я не знал за ней такого смеха.

— Ну, рассказывайте же, — продолжала она, разглаживая полы своего платья и укладывая их себе на ноги, точно она усаживалась надолго, — рассказывайте или прочтите что-нибудь, как, помните, вы нам читали «Онегина».

Она вдруг задумалась...

Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной матерью моей!¹ —

проговорила она вполголоса.

— У Пушкина не так, — заметил я.

— А я хотела бы быть Татьяной, — продолжала она всё так же задумчиво. — Рассказывайте, — подхватила она с живостью.

Но мне было не до рассказов. Я глядел на неё, всю облитую ясным солнечным лучом, всю успокоенную и кроткую. Всё радостно сияло вокруг нас, внизу, над нами — небо, земля и воды; самый воздух, казалось, был насыщен блеском.

— Посмотрите, как хорошо! — сказал я, невольно понизив голос.

— Да, хорошо! — так же тихо отвечала она, не смотря на меня. — Если б мы с вами были птицы, — как бы мы взвились, как бы полетели... Так бы и утонули в этой синеве... Но мы не птицы.

— А крылья могут у нас вырасти, — возразил я.

— Как так?

— Поживёте — узнаете. Есть чувства, которые поднимают нас от земли. Не беспокойтесь, у вас будут крылья.

— А у вас были?

— Как вам сказать... Кажется, до сих пор я ещё не летал.

¹ Строки из «Евгения Онегина». У А. С. Пушкина: «...Над бедной нянею моей!»

Ася опять задумалась. Я слегка наклонился к ней.

— Умеете вы вальсировать? — спросила она вдруг.

— Умею, — отвечал я, несколько озадаченный.

— Так пойдёмте, пойдёмте... Я попрошу брата сыграть нам вальс... Мы вообразим, что мы летаем, что у нас выросли крылья.

Она побежала к дому. Я побежал вслед за нею — и несколько мгновений спустя мы кружились в тесной комнате, под сладкие звуки Ланнера. Ася вальсировала прекрасно, с увлечением. Что-то мягкое, женское проступило вдруг сквозь её девически строгий облик. Долго потом рука моя чувствовала прикосновение её нежного стана, долго слышалось мне её ускоренное, близкое дыхание, долго мерещились мне тёмные, неподвижные, почти закрытые глаза на бледном, но оживлённом лице, резво обвеянном кудрями.

Х

Весь этот день прошёл как нельзя лучше. Мы веселились, как дети. Ася была очень мила и проста. Гагин радовался, глядя на неё. Я ушёл поздно. Въехавши на середину Рейна, я попросил перевозчика пустить лодку вниз по течению. Старик поднял вёсла — и царственная река понесла нас. Глядя кругом, слушая, вспоминая, я вдруг почувствовал тайное беспокойство на сердце... поднял глаза к небу — но и в небе не было покоя: испещрённое звёздами, оно всё шевелилось, двигалось, содрогалось; я склонился к реке... но и там, и в той тёмной, холодной глубине, тоже колыхались, дрожали звёзды; тревожное оживление мне чудилось повсюду — и тревога росла во мне самом. Я облокотился на край лодки... Шёпот ветра в моих ушах, тихое журчанье воды за кормою меня раздражали, и свежее дыханье волны не охлаждало меня; соловей запел на берегу и заразил меня сладким ядом своих звуков. Слезы закипали у меня на глазах, но то не были слёзы беспредметного восторга. Что я чувствовал, было не то смутное, ещё недавно испытанное ощущение всеобъемлющих желаний, когда душа ширится, звучит, когда ей кажется, что она всё понимает и всё любит... Нет! во мне зажглась жажда счастья. Я ещё не смел назвать его по имени, — но счастья, счастья до пресыщения — вот чего хотел я, вот о чём томился... А лодка всё неслась, и старик перевозчик сидел и дремал, наклонясь над вёслами.

XI

Отправляясь на следующий день к Гагиным, я не спрашивал себя, влюблён ли я в Асю, но я много размышлял о ней, её судьба меня занимала, я радовался неожиданному нашему сближению. Я чувствовал, что только с вчерашнего дня я узнал её; до тех пор она отворачивалась от меня. И вот, когда она раскрылась наконец передо мною, каким пленительным светом озарился её образ, как он был нов для меня, какие тайные обаяния стыдливо в нём сквозили...

Бодро шёл я по знакомой дороге, беспрестанно посматривая на издали белевший домик; я не только о будущем — я о завтрашнем дне не думал; мне было очень хорошо.

Ася покраснела, когда я вошёл в комнату; я заметил, что она опять принарядилась, но выражение её лица не шло к её наряду: оно было печально. А я пришёл таким весёлым! Мне показалось даже, что она, по обыкновению своему, собралась было бежать, но сделала усилие над собою — и осталась. Гагин находился в том особенном состоянии художнического жара и ярости, которое, в виде припадка, внезапно овладевает дилетантами, когда они воображают, что им удалось, как они выражаются, «поймать природу за хвост». Он стоял, весь взъерошенный и выпачканный красками, перед натянутым холстом и, широко размахивая по нём кистью, почти свирепо кивнул мне головой, отодвинулся, прищурил глаза и снова накинута на свою картину. Я не стал мешать ему и подсел к Асе. Медленно обратились ко мне её тёмные глаза.

— Вы сегодня не такая, как вчера, — заметил я после тщетных усилий вызвать улыбку на её губы.

— Нет, не такая, — возразила она неторопливым и глухим голосом. — Но это ничего. Я нехорошо спала, всю ночь думала.

— О чём?

— Ах, я о многом думала. Это у меня привычка с детства: ещё с того времени, когда я жила с матушкой...

Она с усилием выговорила это слово и потом ещё раз повторила:

— Когда я жила с матушкой... я думала, отчего это никто не может знать, что с ним будет; а иногда и видишь беду — да спастись нельзя; и отчего никогда нельзя сказать всей правды?.. Потом я думала, что я ничего не знаю, что мне надобно учиться. Меня перевоспитать надо, я очень дурно воспитана. Я не умею играть

на фортепьяно, не умею рисовать, я даже шью плохо. У меня нет никаких способностей, со мной, должно быть, очень скучно.

— Вы несправедливы к себе, — возразил я. — Вы много читали, вы образованны, и с вашим умом...

— А я умна? — спросила она с такой наивной любознательностью, что я невольно засмеялся; но она даже не улыбнулась. — Брат, я умна? — спросила она Гагина.

Он ничего не отвечал ей и продолжал трудиться, беспрестанно меняя кисти и высоко поднимая руку.

— Я сама не знаю иногда, что у меня в голове, — продолжала Ася с тем же задумчивым видом. — Я иногда самой себя боюсь, ей-богу. Ах, я хотела бы... Правда ли, что женщинам не следует читать много?

— Много не нужно, но...

— Скажите мне, что я должна читать? скажите, что я должна делать? Я всё буду делать, что вы мне скажете, — прибавила она, с невинной доверчивостью обратясь ко мне.

Я тотчас нашёлся, что сказать ей.

— Ведь вам не будет скучно со мной?

— Помилуйте, — начал я.

— Ну, спасибо! — возразила Ася, — а я думала, что вам скучно будет.

И её маленькая горячая ручка крепко стиснула мою.

— Н.! — вскрикнул в это мгновенье Гагин, — не тёмен этот фон?

Я подошёл к нему. Ася встала и удалилась.

ХII

Она вернулась через час, остановилась в дверях и подозвала меня рукою.

— Послушайте, — сказала она, — если б я умерла, вам было бы жаль меня?

— Что у вас за мысли сегодня! — воскликнул я.

— Я воображаю, что я скоро умру; мне иногда кажется, что всё вокруг меня со мною прощается. Умереть лучше, чем жить так... Ах! не глядите так на меня; я, право, не притворяюсь. А то я вас опять бояться буду.

— Разве вы меня боялись?

— Если я такая странная, я, право, не виновата, — возразила она. — Видите, я уж и смеяться не могу...

Она осталась печальной и озабоченной до самого вечера. Что-то происходило в ней, чего я не понимал. Её взор часто останавливался на мне; сердце моё тихо сжималось под этим загадочным взором. Она казалась спокойною — а мне, глядя на неё, всё хотелось сказать ей, чтобы она не волновалась. Я любовался ею, я находил трогательную прелесть в её побледневших чертах, в её нерешительных, замедленных движениях — а ей почему-то воображалось, что я не в духе.

— Послушайте, — сказала она мне незадолго до прощанья, — меня мучит мысль, что вы меня считаете легкомысленной... Вы впредь всегда верьте тому, что я вам говорить буду, только и вы будьте со мной откровенны; а я вам всегда буду говорить правду, даю вам честное слово...

Это «честное слово» опять заставило меня засмеяться.

— Ах, не смейтесь, — проговорила она с живостью, — а то я вам скажу сегодня то, что вы мне сказали вчера: «Зачем вы смеётесь?» — и, помолчав немного, она прибавила: — Помните, вы вчера говорили о крыльях?.. Крылья у меня выросли — да лететь некуда.

— Помилуйте, — промолвил я, — перед вами все пути открыты...

Ася посмотрела мне прямо и пристально в глаза.

— Вы сегодня дурного мнения обо мне, — сказала она, нахмутив брови.

— Я? дурного мнения? о вас!..

— Что это вы точно в воду опущенные, — перебил меня Гатин, — хотите, я по-вчерашнему сыграю вам вальс?

— Нет, нет, — возразила Ася и стиснула руки, — сегодня ни за что!

— Я тебя не принуждаю, успокойся...

— Ни за что, — повторила она бледнея.

.....

«Неужели она меня любит?» — думал я, подходя к Рейну, быстро катившему тёмные волны.

XIII

«Неужели она меня любит?» — спрашивал я себя на другой день, только что проснувшись. Я не хотел заглядывать в самого себя. Я чувствовал, что её образ, образ «девушки с натянутым смехом», втеснился мне в душу и что мне от него не скоро отделаться. Я пошёл в Л. и остался там целый день, но Асю видел только мельком. Ей нездоровилось: у ней голова болела. Она сошла вниз, на минутку, с повязанным лбом, бледная, худенькая, с почти закрытыми глазами; слабо улыбнулась, сказала: «Это пройдёт, это ничего, всё пройдёт, не правда ли?» — и ушла. Мне стало скучно и как-то грустно-пусто; я, однако, долго не хотел уходить и вернулся поздно, не увидав её более.

Следующее утро прошло в каком-то полусне сознания. Я хотел приняться за работу — не мог; хотел ничего не делать и не думать... и это не удалось. Я бродил по городу; возвращался домой, выходил снова.

— Вы ли господин Н.? — раздался вдруг за мною детский голос. Я оглянулся; передо мною стоял мальчик. — Это вам от фрейлейн Annette, — прибавил он, подавая мне записку.

Я развернул её — и узнал неправильный и быстрый почерк Аси. «Я непременно должна вас видеть, — писала мне она, — приходите сегодня в четыре часа к каменной часовне на дороге возле развалины. Я сделала сегодня большую неосторожность... Придите ради бога, вы всё узнаете... Скажите посланному: да».

— Будет ответ? — спросил меня мальчик.

— Скажи, что да, — отвечал я.

Мальчик убежал.

XIV

Я пришёл к себе в комнату, сел и задумался. Сердце во мне сильно билось. Несколько раз перечёл я записку Аси. Я посмотрел на часы: и двенадцати ещё не было.

Дверь отворилась — вошёл Гагин.

Лицо его было пасмурно. Он схватил меня за руку и крепко пожал её. Он казался очень взволнованным.

— Что с вами? — спросил я.

Гагин взял стул и сел против меня.

— Четвёртого дня, — начал он с принуждённой улыбкой и запинаясь, — я удивил вас своим рассказом; сегодня удивлю ещё более. С другим я, вероятно, не решился бы... так прямо... Но вы благородный человек, вы мне друг, не так ли? Послушайте: моя сестра, Ася, в вас влюблена.

Я весь вздрогнул и приподнялся...

— Ваша сестра, говорите вы...

— Да, да, — перебил меня Гагин. — Я вам говорю, она сумасшедшая и меня с ума сведёт. Но, к счастью, она не умеет лгать — и доверяет мне. Ах, что за душа у этой девочки... но она себя погубит, непременно.

— Да вы ошибаетесь, — начал я.

— Нет, не ошибаюсь. Вчера, вы знаете, она почти целый день пролежала, ничего не ела, впрочем, не жаловалась... Она никогда не жалуется. Я не беспокоился, хотя к вечеру у ней сделался небольшой жар. Сегодня, в два часа ночи, меня разбудила наша хозяйка: «Ступайте, говорит, к вашей сестре: с ней что-то худо». Я побежал к Асе и нашёл её нераздетою, в лихорадке, в слезах: голова у ней горела, зубы стучали. «Что с тобой? — спросил я, — ты больна?» Она бросилась мне на шею и начала умолять меня увезти её как можно скорее, если я хочу, чтобы она осталась в живых... Я ничего не понимаю, стараюсь её успокоить... Рыдания её усиливаются... и вдруг сквозь эти рыдания услышал я... Ну, словом, я услышал, что она вас любит. Уверяю вас, мы с вами, благоразумные люди, и представить себе не можем, как она глубоко чувствует и с какой невероятной силой высказываются в ней эти чувства; это находит на неё так же неожиданно и так же неотразимо, как гроза. Вы очень милый человек, — продолжал Гагин, — но почему она вас так полюбила — этого я, признаюсь, не понимаю. Она говорит, что привязалась к вам с первого взгляда. Оттого она и плакала на днях, когда уверяла меня, что, кроме меня, никого любить не хочет. Она воображает, что вы её презираете, что вы, вероятно, знаете, кто она; она спрашивала меня, не рассказал ли я вам её историю, — я, разумеется, сказал, что нет; но чуткость её — просто страшна. Она желает одного: уехать, уехать тотчас. Я просидел с ней до утра; она взяла с меня слово, что нас завтра же здесь не будет, — и тогда только она заснула. Я подумал, подумал и решился — поговорить

с вами. По-моему, Ася права: самое лучшее — уехать нам обоим отсюда. И я сегодня же бы увёз её, если б не пришла мне в голову мысль, которая меня остановила. Может быть... как знать? — вам сестра моя нравится? Если так, с какой стати я увезу её? Я вот и решился, отбросив в сторону всякий стыд... Притом же я сам кое-что заметил... Я решился... узнать от вас... — Бедный Гагин смутился. — Извините меня, пожалуйста, — прибавил он, — я не привык к таким передрягам.

Я взял его за руку.

— Вы хотите знать, — произнёс я твёрдым голосом, — нравится ли мне ваша сестра? Да, она мне нравится...

Гагин взглянул на меня.

— Но, — проговорил он, запинаясь, — ведь вы не женитесь на ней?

— Как вы хотите, чтобы я отвечал на такой вопрос? Посудите сами, могу ли я теперь...

— Знаю, знаю, — перебил меня Гагин. — Я не имею никакого права требовать от вас ответа, и вопрос мой — верх неприличия... Но что прикажете делать? С огнём шутить нельзя. Вы не знаете Асю; она в состоянии занемочь, убежать, свиданье вам назначить... Другая умела бы все скрыть и выждать — но не она. С нею это в первый раз, — вот что беда! Если б вы видели, как она сегодня рыдала у ног моих, вы бы поняли мои опасения.

Я задумался. Слова Гагина «свиданье вам назначить» кольнули меня в сердце. Мне показалось постыдным не отвечать откровенностью на его честную откровенность.

— Да, — сказал я наконец, — вы правы. Час тому назад я получил от вашей сестры записку. Вот она.

Гагин взял записку, быстро пробежал её и уронил руки на колени. Выражение изумления на его лице было очень забавно, но мне было не до смеху.

— Вы, повторяю, благородный человек, — проговорил он, — но что же теперь делать? Как? она сама хочет уехать, и пишет к вам, и упрекает себя в неосторожности... И когда это она успела написать? Что ж она хочет от вас?

Я успокоил его, и мы принялись толковать, хладнокровно по мере возможности о том, что нам следовало предпринять.

Вот на чём мы остановились наконец: во избежание беды я должен был идти на свиданье и честно объясниться с Асей; Гагин обязался сидеть дома и не подавать вида, что ему известна её записка; а вечером мы положили сойтись опять.

— Я твёрдо надеюсь на вас, — сказал Гагин и стиснул мне руку, — пощадите и её и меня. А уезжаем мы всё-таки завтра, — прибавил он, вставая, — потому что ведь вы на Асе не женитесь.

— Дайте мне сроку до вечера, — возразил я.

— Пожалуйста, но вы не женитесь.

Он ушёл, а я бросился на диван и закрыл глаза. Голова у меня ходила кругом: слишком много впечатлений в неё нахлынуло разом. Я досадовал на откровенность Гагина, я досадовал на Асю, её любовь меня и радовала и смущала. Я не мог понять, что заставило её всё высказать брату; неизбежность скорого, почти мгновенного решения терзала меня...

«Жениться на семнадцатилетней девочке, с её нравом, как это можно!» — сказал я, вставая.

XV

В условленный час переправился я через Рейн, и первое лицо, встретившее меня на противоположном берегу, был тот самый мальчик, который приходил ко мне поутру.

Он, по-видимому, ждал меня.

— От фрейлейн Annette, — сказал он шёпотом и подал мне другую записку.

Ася извещала меня о перемене места нашего свидания. Я должен был прийти через полтора часа не к часовне, а в дом фрау Луизе, постучаться внизу и войти в третий этаж.

— Опять: да? — спросил меня мальчик.

— Да, — повторил я и пошёл по берегу Рейна. Вернуться домой было некогда, я не хотел бродить по улицам.

За городскою стеною находился маленький сад с навесом для кеглей и столами для любителей пива. Я вошёл туда. Несколько уже пожилых немцев играли в кегли; со стуком катились деревянные шары, изредка раздавались одобрительные восклицания. Хорошенькая служанка с заплаканными глазами принесла мне кружку пива; я взглянул в её лицо. Она быстро отворотилась и отошла прочь.

— Да, да, — промолвил тут же сидевший толстый и краснощёкий гражданин, — Ганхен наша сегодня очень огорчена: жених её пошёл в солдаты.

Я посмотрел на неё: она прижалась в уголок и подпёрла рукою щёку; слёзы капали одна за другой по её пальцам. Кто-то спросил пива; она принесла ему кружку и опять вернулась на своё место. Её горе подействовало на меня; я начал думать об ожидавшем меня свидании, но мои думы были заботливые, невесёлые думы. Не с лёгким сердцем шёл я на это свидание, не предаваться радостям взаимной любви предстояло мне; мне предстояло сдержать данное слово, исполнить трудную обязанность. «С ней шутить нельзя» — эти слова Гагина, как стрелы, впились в мою душу. А ещё четвертого дня в этой лодке, уносимой волнами, не томился ли я жаждой счастья? Оно стало возможным — и я колебался, я отталкивал, я должен был оттолкнуть его прочь... Его внезапность меня смущала. Сама Ася, с её огненной головой, с её прошедшим, с её воспитанием, это привлекательное, но странное существо — признаюсь, она меня пугала. Долго боролся во мне чувства. Назначенный срок приближался. «Я не могу на ней жениться, — решил я наконец, — она не узнает, что и я полюбил её».

Я встал — и, положив талер в руку бедной Ганхен (она даже не поблагодарила меня), направился к дому фрау Луизе. Вечерние тени уже разливались в воздухе, и узкая полоса неба, над тёмной улицей, алела отблеском зари. Я слабо стукнул в дверь; она тотчас отворилась. Я переступил порог и очутился в совершенной темноте.

— Сюда! — слышался старушечий голос. — Вас ждут.

Я шагнул раза два ощупью, чья-то костлявая рука взяла мою руку.

— Вы это, фрау Луизе? — спросил я.

— Я, — отвечал мне тот же голос, — я, мой прекрасный молодой человек.

Старуха повела меня опять вверх по крутой лестнице и остановилась на площадке третьего этажа. При слабом свете, падавшем из крошечного окошка, я увидел морщинистое лицо вдовы бургомистра. Приторно лукавая улыбка растягивала её ввалившиеся губы, ёжила тусклые глазки. Она указала мне на маленькую дверь. Судорожным движением руки отворил я её и захлопнул за собою.

XVI

В небольшой комнатке, куда я вошёл, было довольно темно, и я не тотчас увидел Асю. Закутанная в длинную шаль, она сидела на стуле возле окна, отвернув и почти спрятав голову, как испуганная птичка. Она дышала быстро и вся дрожала. Мне стало несказанно жалко её.

Я подошёл к ней. Она ещё больше отвернула голову...

— Анна Николаевна, — сказал я.

Она вдруг вся выпрямилась, хотела взглянуть на меня — и не могла. Я схватил её руку, она была холодна и лежала как мёртвая на моей ладони.

— Я желала... — начала Ася, стараясь улыбнуться, но её бледные губы не слушались её, — я хотела... Нет, не могу, — проговорила она и умолкла. Действительно, голос её прерывался на каждом слове.

Я сел подле неё.

— Анна Николаевна, — повторил я и тоже не мог ничего прибавить.

Настало молчание. Я продолжал держать её руку и глядел на неё. Она по-прежнему вся сжималась, дышала с трудом и тихонько покусывала нижнюю губу, чтобы не заплакать, чтобы удержать накипавшие слёзы... Я глядел на неё: было что-то трогательно-беспомощное в её робкой неподвижности: точно она от усталости едва добралась до стула и так и упала на него. Сердце во мне растаяло...

— Ася, — сказал я едва слышно...

Она медленно подняла на меня свои глаза... О, взгляд женщины, которая полюбила, — кто тебя опишет? Они молили, эти глаза, они доверялись, вопрошали, отдавались... Я не мог противиться их обаянию. Тонкий огонь пробежал по мне жгучими иглами; я нагнулся и приник к её руке...

Послышался трепетный звук, похожий на прерывистый вздох, и я почувствовал на моих волосах прикосновение слабой, как лист, дрожавшей руки. Я поднял голову и увидал её лицо. Как оно вдруг преобразилось! Выражение страха исчезло с него, взор ушёл куда-то далеко и увлекал меня за собою, губы слегка раскрылись, лоб побледнел как мрамор, и кудри отодвинулись назад, как будто ветер их откинул. Я забыл всё, я потянул её к себе — покорно повиновалась

её рука, всё её тело повлеклось вслед за рукою, шаль покатилась с плеч, и голова её тихо легла на мою грудь, легла под мои загоревшиеся губы...

— Ваша... — прошептала она едва слышно.

Уже руки мои скользили вокруг её стана... Но вдруг воспоминание о Гагине, как молния, меня озарило.

— Что мы делаем!.. — воскликнул я и судорожно отодвинулся назад. — Ваш брат... ведь он всё знает... Он знает, что я вижусь с вами.

Ася опустилась на стул.

— Да, — продолжал я, вставая и отходя на другой угол комнаты. — Ваш брат всё знает... Я должен был ему всё сказать.

— Должны? — проговорила она невнятно. Она, видимо, не могла ещё прийти в себя и плохо меня понимала.

— Да, да, — повторил я с каким-то ожесточением, — и в этом вы одни виноваты, вы одни. Зачем вы сами выдали вашу тайну? Кто заставлял вас всё высказать вашему брату? Он сегодня был сам у меня и передал мне ваш разговор с ним. — Я старался не глядеть на Асю и ходил большими шагами по комнате. — Теперь всё пропало, всё, всё.

Ася поднялась было со стула.

— Оставайтесь, — воскликнул я, — оставайтесь, прошу вас. Вы имеете дело с честным человеком — да, с честным человеком. Но, ради бога, что взволновало вас? Разве вы заметили во мне какую перемену? А я не мог скрываться перед вашим братом, когда он пришёл сегодня ко мне.

«Что я такое говорю?» — думал я про себя, и мысль, что я безнравственный обманщик, что Гагин знает о нашем свидании, что всё искажено, обнаружено, — так и звенела у меня в голове.

— Я не звала брата, — слышался испуганный шёпот Аси, — он пришёл сам.

— Посмотрите же, что вы наделали, — продолжал я. — Теперь вы хотите уехать...

— Да, я должна уехать, — так же тихо проговорила она, — я и попросила вас сюда для того только, чтобы проститься с вами.

— И вы думаете, — возразил я, — мне будет легко с вами расстаться?

— Но зачем же вы сказали брату? — с недоумением повторила Ася.

— Я вам говорю — я не мог поступить иначе. Если б вы сами не выдали себя...

— Я заперлась в моей комнате, — возразила она простодушно, — я не знала, что у моей хозяйки был другой ключ...

Это невинное извинение, в её устах, в такую минуту — меня тогда чуть не рассердило... а теперь я без умиления не могу его вспомнить. Бедное, честное, искреннее дитя!

— И вот теперь всё кончено! — начал я снова. — Всё. Теперь нам должно расстаться. — Я украдкой взглянул на Асю... лицо её быстро покраснело. Ей, я это чувствовал, и стыдно становилось и страшно. Я сам ходил и говорил как в лихорадке. — Вы не дали развиться чувству, которое начинало созреть, вы сами разорвали нашу связь, вы не имели ко мне доверия, вы усомнились во мне...

Пока я говорил, Ася всё больше и больше наклонялась вперёд — и вдруг упала на колени, уронила голову на руки и зарыдала. Я подбежал к ней, пытался поднять её, но она мне не давалась. Я не выношу женских слёз: при виде их я теряюсь тотчас.

— Анна Николаевна, Ася, — твердил я, — пожалуйста, умоляю вас, ради бога, перестаньте... — Я снова взял её за руку...

Но, к величайшему моему изумлению, она вдруг вскочила — с быстротою молнии бросилась к двери и исчезла...

Когда несколько минут спустя фрау Луизе вошла в комнату — я всё ещё стоял на самой середине её, уж точно как громом поражённый. Я не понимал, как могло это свидание так быстро, так глупо кончиться — кончиться, когда я и сотовой доли не сказал того, что хотел, что должен был сказать, когда я ещё сам не знал, чем оно могло разрешиться...

— Фрейлейн ушла? — спросила меня фрау Луизе, приподняв свои жёлтые брови до самой накладки.

Я посмотрел на неё как дурак — и вышел вон.

XVII

Я выбрался из города и пустился прямо в поле. Досада, досада бешеная меня грызла. Я осыпал себя укоризнами. Как я мог не понять причину, заставившую Асю переменить место нашего свидания,

как не оценить, чего ей стоило прийти к этой старухе, как я не удержал её! Наедине с ней в той глухой, едва освещённой комнате у меня достало силы, достало духа — оттолкнуть её от себя, даже упрекать её... А теперь её образ меня преследовал, я просил у ней прощения; воспоминания об этом бледном лице, об этих влажных и робких глазах, о развитых волосах на наклонённой шее, о лёгком прикосновении её головы к моей груди — жгли меня. «Ваша...» — слышался мне её шепот. «Я поступил по совести», — уверял я себя... Неправда! Разве я точно хотел такой развязки? Разве я в состоянии с ней расстаться? Разве я могу лишиться её? «Безумец! безумец!» — повторял я с озлоблением...

Между тем ночь наступала. Большими шагами направился я к дому, где жила Ася.

XVIII

Гагин вышел ко мне навстречу.

— Видели вы сестру? — закричал он мне ещё издали.

— Разве её нет дома? — спросил я.

— Нет.

— Она не возвращалась?

— Нет. Я виноват, — продолжал Гагин, — не мог утерпеть: против нашего уговора, ходил к часовне; там её не было; стало быть, она не приходила?

— Она не была у часовни.

— И вы её не видели?

Я должен был сознаться, что я её видел.

— Где?

— У фрау Луизе. Я расстался с ней час тому назад, — прибавил я, — я был уверен, что она домой вернулась.

— Подождём, — сказал Гагин.

Мы вошли в дом и сели друг подле друга. Мы молчали. Нам очень неловко было обоим. Мы беспрестанно оглядывались, посматривали на дверь, прислушивались. Наконец Гагин встал.

— Это ни на что не похоже! — воскликнул он, — у меня сердце не на месте. Она меня уморит, ей-богу... пойдёмте искать её.

Мы вышли. На дворе уже совсем стемнело.

— О чём же вы с ней говорили? — спросил меня Гагин, надвигая шляпу на глаза.

— Я виделся с ней всего минут пять, — отвечал я, — и говорил с ней, как было условлено.

— Знаете ли что? — возразил он, — лучше нам разойтись; так мы скорее на неё наткнуться можем. Во всяком случае, приходите сюда через час.

XIX

Я проворно спустился с виноградника и бросился в город. Быстро обошёл я все улицы, заглянул всюду, даже в окно фрау Луизе, вернулся к Рейну и побежал по берегу... Изредка попадались мне женские фигуры, но Аси нигде не было видно. Уже не досада меня грызла, — тайный страх терзал меня, и не один страх я чувствовал... нет, я чувствовал раскаяние, сожаление самое жгучее, любовь — да! самую нежную любовь. Я ломал руки, я звал Асю посреди надвигавшейся ночной тьмы, сперва вполголоса, потом всё громче и громче; я повторял сто раз, что я её люблю, я клялся никогда с ней не расставаться; я бы дал всё на свете, чтобы опять держать её холодную руку, опять слышать её тихий голос, опять видеть её перед собою... Она была так близка, она пришла ко мне с полной решимостью, в полной невинности сердца и чувств, она принесла мне свою нетронутую молодость... И я не прижал её к своей груди, я лишил себя блаженства увидеть, как её милое лицо расцвело бы радостью и тишиною восторга... Эта мысль меня с ума сводила. «Куда могла она пойти, что она с собою сделала?» — восклицал я в тоске бессильного отчаяния... Что-то белое мелькнуло вдруг на самом берегу реки. Я знал это место; там, над могилой человека, утонувшего лет семьдесят тому назад, стоял до половины вросший в землю каменный крест с старинной надписью. Сердце во мне замерло... Я подбежал к кресту: белая фигура исчезла. Я крикнул: «Ася!» Дикий голос мой испугал меня самого — но никто не отозвался...

Я решил пойти узнать, не нашёл ли её Гагин.

XX

Быстро взбираясь по тропинке виноградника, я увидел свет в комнате Аси... Это меня несколько успокоило.

Я подошёл к дому; дверь внизу была заперта, я постучался. Неосвещённое окошко в нижнем этаже осторожно отворилось, и показалась голова Гагина.

— Нашли? — спросил я его.

— Она вернулась, — отвечал он мне шёпотом, — она в своей комнате и раздевается. Всё в порядке.

— Слава богу! — воскликнул я с несказанным порывом радости, — слава богу! Теперь всё прекрасно. Но вы знаете, мы должны ещё переговорить.

— В другое время, — возразил он, тихо потянув к себе раму, — в другое время, а теперь прощайте.

— До завтра, — промолвил я, — завтра всё будет решено.

— Прощайте, — повторил Гагин. Окно затворилось.

Я чуть было не постучал в окно. Я хотел тогда же сказать Гагину, что я прошу руки его сестры. Но такое сватанье в такую пору... «До завтра, — подумал я, — завтра я буду счастлив...»

Завтра я буду счастлив! У счастья нет завтрашнего дня; у него нет и вчерашнего; оно не помнит прошедшего, не думает о будущем; у него есть настоящее — и то не день, а мгновение.

Я не помню, как дошёл я до З. Не ноги меня несли, не лодка меня везла: меня поднимали какие-то широкие, сильные крылья. Я прошёл мимо куста, где пел соловей, я остановился и долго слушал: мне казалось, он пел мою любовь и моё счастье.

XXI

Когда, на другой день утром, я стал подходить к знакомому домику, меня поразило одно обстоятельство: все окна в нём были растворены, и дверь тоже была раскрыта; какие-то бумажки валялись перед порогом; служанка с метлой показалась за дверью.

Я приблизился к ней...

— Уехали! — брякнула она, прежде чем я успел спросить её: дома ли Гагин?

— Уехали?.. — повторил я. — Как уехали? Куда?

— Уехали сегодня утром, в шесть часов, и не сказали куда. Пойдите, ведь вы, кажется, господин Н.?

— Я господин Н.

— К вам есть письмо у хозяйки. — Служанка пошла наверх и вернулась с письмом. — Вот-с, извольте.

— Да не может быть... Как же это так?.. — начал было я.

Служанка тупо посмотрела на меня и принялась мести.

Я развернул письмо. Ко мне писал Гагин; от Аси не было ни строчки. Он начал с того, что просил не сердиться на него за внезапный отъезд; он был уверен, что, по зрелом соображении, одобрю его решение. Он не находил другого выхода из положения, которое могло сделаться затруднительным и опасным. «Вчера вечером, — писал он, — пока мы оба молча ожидали Асю, я убедился окончательно в необходимости разлуки. Есть предрассудки, которые я уважаю; я понимаю, что вам нельзя жениться на Асе. Она мне всё сказала; для её спокойствия я должен был уступить её повторённым, усиленным просьбам». В конце письма он изъяснял сожаление о том, что наше знакомство так скоро прекратилось, желал мне счастья, дружески жал мне руку и умолял меня не стараться их отыскивать.

«Какие предрассудки? — вскричал я, как будто он мог меня слышать, — что за вздор! Кто дал право похитить её у меня...» Я схватил себя за голову...

Служанка начала громко кликать хозяйку: её испуг заставил меня прийти в себя. Одна мысль во мне загорелась: сыскать их, сыскать во что бы то ни стало. Принять этот удар, примириться с такою развязкой было невозможно. Я узнал от хозяйки, что они в шесть часов утра сели на пароход и поплыли вниз по Рейну. Я отправился в контору: там мне сказали, что они взяли билеты до Кёльна. Я пошёл домой с тем, чтобы тотчас улечься и поплыть вслед за ними. Мне пришлось идти мимо дома фрау Луизе...

Вдруг я слышу: меня кличет кто-то. Я поднял голову и увидел в окне той самой комнаты, где я накануне виделся с Асей, вдову бургомистра. Она улыбалась своей противной улыбкой и звала меня. Я отвернулся и прошёл было мимо; но она мне крикнула вслед, что у ней есть что-то для меня.

Эти слова меня остановили, и я вошёл в её дом. Как передать мои чувства, когда я увидел опять эту комнатку...

— По-настоящему, — начала старуха, показывая маленькую записку, — я бы должна была дать вам это только в случае, если б вы зашли ко мне сами, но вы такой прекрасный молодой человек. Возьмите.

Я взял записку.

На крошечном клочке бумаги стояли следующие слова, торопливо начерченные карандашом:

«Прощайте, мы не увидимся более. Не из гордости я уезжаю — нет, мне нельзя иначе. Вчера, когда я плакала перед вами, если б вы мне сказали одно слово, одно только слово — я бы осталась. Вы его не сказали. Видно, так лучше... Прощайте навсегда!»

Одно слово... О, я безумец! Это слово... я со слезами повторял его накануне, я расточал его на ветер, я твердил его среди пустых полей... но я не сказал его ей, я не сказал ей, что я люблю её... Да я и не мог произнести тогда это слово. Когда я встретился с ней в той роковой комнате, во мне ещё не было ясного сознания моей любви; оно не проснулось даже тогда, когда я сидел с её братом в бессмысленном и тягостном молчании... оно вспыхнуло с неудержимой силой лишь несколько мгновений спустя, когда, испуганный возможностью несчастья, я стал искать и звать её... но уж тогда было поздно. «Да это невозможно!» — скажут мне; не знаю, возможно ли это, — знаю, что это правда. Ася бы не уехала, если б в ней была хоть тень кокетства и если б её положение не было ложно. Она не могла вынести того, что всякая другая снесла бы: я этого не понял. Недобрый мой гений остановил признание на устах моих при последнем свидании с Гагиным перед потемневшим окном, и последняя нить, за которую я ещё мог ухватиться, выскользнула из рук моих.

В тот же день вернулся я с уложенным чемоданом в город Л. и поплыл в Кёльн. Помню, пароход уже отчаливал, и я мысленно прощался с этими улицами, со всеми этими местами, которые я уже никогда не должен был позабыть, — я увидел Ганхен. Она сидела возле берега на скамье. Лицо её было бледно, но не грустно; молодой красивый парень стоял с ней рядом и, смеясь, рассказывал ей что-то; а на другой стороне Рейна маленькая моя мадонна всё так же печально выглядывала из тёмной зелени старого ясеня.

XXII

В Кёльне я напал на след Гагиных; я узнал, что они поехали в Лондон; я пустился вслед за ними; но в Лондоне все мои розыски остались тщетными. Я долго не хотел смириться, долго упорствовал, но я должен был отказаться наконец от надежды настигнуть их.

И я не увидел их более — я не увидел Аси. Тёмные слухи доходили до меня о ней, но она навсегда для меня исчезла. Я даже не знаю, жива ли она. Однажды, несколько лет спустя, я мельком

увидал за границей, в вагоне железной дороги, женщину, лицо которой живо напомнило мне незабвенные черты... но я, вероятно, был обманут случайным сходством. Ася осталась в моей памяти той самой девочкой, какою я знал её в лучшую пору моей жизни, какою я её видел в последний раз, наклонённой на спинку низкого деревянного стула.

Впрочем, я должен сознаться, что я не слишком долго грустил по ней; я даже нашёл, что судьба хорошо распорядилась, не соединив меня с Асей; я утешался мыслию, что я, вероятно, не был бы счастлив с такой женой. Я был тогда молод — и будущее, то короткое, быстрое будущее, казалось мне беспредельным. «Разве не может повториться то, что было», — думал я, и ещё лучше, ещё прекраснее?.. Я знал других женщин, — но чувство, возбуждённое во мне Асей, то жгучее, неясное, глубокое чувство, уже не повторилось. Нет! ни одни глаза не заменили мне тех, когда-то с любовью устремлённых на меня глаз, ни на чьё сердце, припавшее к моей груди, не отвечало моё сердце таким радостным и сладким замиранием! Осуждённый на одиночество бессемейного бобыля, доживаю я скучные годы, но я храню, как святыню, её записочки и высохший цветок гераниума, тот самый цветок, который она некогда бросила мне из окна. Он до сих пор издаёт слабый запах, а рука, мне давшая его, та рука, которую мне только раз пришлось прижать к губам моим, быть может, давно уже тлеет в могиле... И я сам — что случилось со мною? Что осталось от меня, от тех блаженных и тревожных дней, от тех крылатых надежд и стремлений? Так лёгкое испарение ничтожной травки переживает все радости и все горести человека — переживает самого человека.

1858

1. Составьте план повести. Найдите экспозицию, завязку, развитие действия, кульминацию и развязку. Укажите место отдельных глав в композиции произведения, заполнив таблицу «Сюжет и композиция повести “Ася”»:

Номер главы (глав)	Развитие сюжета (план)	Элемент композиции

2. Сравните начало и окончание произведения. Какой тип композиции и почему избран Тургеневым?
3. Где происходит действие повести? В чём главное отличие городков З. и Л.? Перечислите, какие события произошли в каждом из них. Почему в городе Л. появляется Ася?
4. Сравните пейзажи в произведении. Как и почему изменилась природа и её восприятие героем в начале главы I и в конце главы II? Определите символические детали в этих пейзажах. Как описания природы предсказывают тему и сюжет произведения?
5. Какая музыка звучит в повести? Почему и как меняется «музыкальное сопровождение» действия в произведении?
6. От чьего лица ведётся повествование? Что придаёт произведению форма монолога-исповеди героя?
7. Почему у главного героя нет имени, а есть только инициалы? Сколько ему лет? Соберите досье на господина Н. Н., заполнив таблицу:

Критерий для сравнения	В начале повести	В эпилоге
Возраст		
Семейное положение		
Отношение к жизни и т. д.		

8. Перечитайте портрет Гагина. Какое слово является ключевым в его описании? Чем внутренне схожи Гагин и господин Н. Н.? Почему Гагин доверил историю сестры господину Н. Н.?
9. Соберите по тексту повести сведения об Асе. Обратите внимание на имя, возраст, происхождение, особенности воспитания, отношение к людям и миру, литературные вкусы, странности поведения и их причины. Почему Н. Н. называет Асю «совершенно русской девушкой»?
10. Проследите, как меняется состояние Н. Н. в цепочке эпизодов: первое свидание с Асей — в домике Гагиных — сцена у развалин — рассказ Гагина об Асе — начало главы XI — эпилог. Подберите соответствующие цитаты. Изменился ли внутренний мир и жизненные цели Н. Н. под влиянием чувства к Асе? Меняется ли Ася в этих же эпизодах?
11. Когда вы догадались, что герои не будут вместе? Перечитайте главы XI—XII, сравните поведение Аси и Н. Н. Найдите объяснение Гагина, почему свадьбы не будет (глава XII), и реакцию Н. Н. на Асино признание в любви (главы XIII—XIV). Как постепенно И. С. Тургенев разъясняет, почему любовь закончилась ничем? Какие особенности

характера Н. Н. повлияли на его выбор? Сыграл ли свою роль в этом выборе социальный статус Н. Н. и Аси?

12. Сравните две встречи Н. Н. и Аси, заполнив таблицу «Две встречи — два разговора»:

Критерий для сравнения	Свидание (глава IX)	Разрыв (глава XVI)
Цветовая гамма		
Особенности света и тени		
Как говорят герои		
Ключевой образ		
Интонация, общее настроение		

13. Как Тургенев выражает отношение к поступку Н. Н. в главе XX? Ответьте на последний вопрос рассказчика «Что осталось от меня, от тех блаженных и тревожных дней, от тех крылатых надежд и стремлений?» (глава XXII).

14. В литературоведении есть понятие «тургеневская девушка» — особый тип героини, возвышенной, утончённой, образованной, наделённой талантами, способной тонко чувствовать мир и других людей, внешне слабой, но наделённой огромной внутренней силой. Подумайте, можно ли отнести Асю к этому литературному типу. Оформите своё мнение в виде сочинения-рассуждения.

15. По материалам, подготовленным для ответов на вопросы 7, 9, 10, 11, 12, докажите, что Н. Н. и Ася — совершенно разные люди. Напишите сочинение «Сравнительная характеристика главных героев повести “Ася” И. С. Тургенева».

16. Выполните задание «Тест на знание текста повести И. С. Тургенева “Ася”».

«Тайный психологизм» И. С. Тургенева

Психологизм — отражение в произведении внутреннего мира литературного героя, т. е. его мыслей, чувств, переживаний.

Для описания душевного состояния своих героев И. С. Тургенев использует целый ряд приёмов и средств художественной выразительности:

- *портрет*, который может представлять собой полное описание облика человека, а может быть «свёрнутым» — тогда писатель выделяет только некоторые черты, детали внешности (глаза, улыбку, особенности походки и т. п.);
- *имя, фамилия, прозвище* могут подсказать многое в характере человека;
- *предметы*, которые его окружают;
- *род занятий*, профессия или хобби;
- *поступки* героя, их причины и последствия;
- *размышления* героя, передающие внутреннее состояние человека;
- *речь* (важно где, когда и как (темп, интонация, грамотность) говорит человек) позволяет понять особенности любого героя;
- *оценка поступка*, которую дают другие персонажи, что позволяет лучше понять героя;
- *предыстория*, показывающая, в каких условиях формировался характер человека.

Все эти приёмы, кроме, пожалуй, размышлений, указывают на состояние героя не прямо, а косвенно. Читатель должен догадаться по интонациям, паузам, изменениям во внешности и в поступках, что происходит у героя в душе, поэтому психологизм И. С. Тургенева принято называть «тайным».

1. Вспомните и запишите символические детали, встречающиеся в повести «Ася». Какую смысловую нагрузку несёт в себе каждая из них? С кем из героев произведения они связаны?

2. Проанализируйте имена героев повести Тургенева. Кто из них выведен в произведении под настоящим именем? Почему нет имени у Гагина? Почему Гагин свою сестру Анну зовёт Асей (сокращённое от Анастасия)? Почему писатель так и не раскрыл, как зовут господина Н. Н.?

3. Групповая работа. Какие из перечисленных в статье приёмов И. С. Тургенев использовал для характеристики Аси (группа 1), господина Н. Н. (группа 2), Гагина (группа 3)? Подберите примеры для каждого из приёмов.

Стихотворения в прозе

Читай их враздробь: сегодня одно, завтра другое, — и которое-нибудь из них, может быть, заронит тебе что-нибудь в душу.

И. С. Тургенев

Последние четыре года своей жизни Тургенев посвятил созданию особой книги — «Стихотворения в прозе» (1878—1882). Она была написана для себя и небольшого круга единомышленников писателя. В книге собрано 50 стихотворений в прозе, большинство из них автобиографичны и написаны от первого лица.

Стихотворение в прозе — это жанр, в котором сочетаются черты прозы и поэзии. Его отличительные особенности:

- небольшой размер (поэтому его часто называют миниатюрой);
- ослабленный сюжет;
- высокая эмоциональная насыщенность;
- повышенная метафоричность, иносказательность (это приближает его к притче);
- наличие ритма и элементов звукописи.

«Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева напоминают личный дневник, в котором собраны радостные и грустные воспоминания о прошлом, размышления о жизни и смерти, любви и вере, правде и совести.

Писатель долго искал точное название сборнику. Ему предлагали назвать стихотворения в прозе «зигзагами», потому что они «коротки, как молнии, и, как молния, внезапно освещают пред Вами громадные перспективы». Однако писатель назвал свой цикл по-латыни «*Senilia*» — «Старческое»: «...это не что иное, как последние вздохи (вежливо выражаясь) старика», — писал он.

1. Какое название сборнику стихотворений в прозе предложили бы вы? Обоснуйте свой вариант, опираясь на жанровые особенности и тематику произведений Тургенева.

МЫ ЕЩЁ ПОВОЮЕМ

Какая ничтожная малость может иногда перестроить всего человека!

Полный раздумья, шёл я однажды по большой дороге.

Тяжкие предчувствия стесняли мою грудь; унылость овладевала мною.

Я поднял голову... Передо мною, между двух рядов высоких тополей, стрелою уходила вдаль дорога.

И через неё, через эту самую дорогу, в десяти шагах от меня, вся раззолоченная ярким летним солнцем, прыгала гуськом целая семейка воробьёв, прыгала бойко, забавно, самонадеянно!

Особенно один из них так и надсаживал бочком, бочком, выпуча зоб и дерзко чирикавая, словно и чёрт ему не брат! Завоеватель — и полно!

А между тем высоко на небе кружил ястреб, которому, быть может, суждено сожрать именно этого самого завоевателя.

Я поглядел, рассмеялся, встряхнулся — и грустные думы тотчас отлетели прочь: отвагу, удаль, охоту к жизни почувствовал я.

И пускай надо мной кружит мой ястреб...

— Мы ещё повоюем, чёрт возьми!

1879

1. Перескажите сюжет этого стихотворения. Почему это трудно было сделать? Что выступает на первый план в повествовании?
2. В стихотворении часто одна строфа является одним предложением. Соблюдается ли в этом произведении данное правило? Почему так часто Тургенев прибегает к красной строке?
3. Какие образы-символы присутствуют в стихотворении? Как они выражают состояние героя произведения? Как и почему оно изменяется?
4. Поясните финал стихотворения. Что может быть сильнее страха смерти?

ВОРОБЕЙ

Я возвращался с охоты и шёл по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал берёзы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой её мордой — и весь взъерошенный, искажённый, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою своё детище... но всё его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И всё-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущённого пса — и удалился, благоговей.

Да; не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой, героической птицей, перед любовным её порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

1878

1. Найдите слова, характеризующие собаку. К какой части речи относится большинство из них? Что это придаёт пониманию образа собаки?
2. На каких деталях внешности воробышка и старого воробья и почему фиксирует внимание автор?
3. Как в стихотворении «Воробей» использован контраст?
4. Почему действия старого воробья вызвали у автора восхищение?
5. Чем это стихотворение напоминает притчу?

«Стихотворения в прозе» завершает патристическое произведение «Русский язык».

Большую часть жизни Тургенев провёл за границей, сам говорил на многих иностранных языках, но всегда восхищался своим родным. Совершенство и богатство русского языка было для него доказательством духовного здоровья и величия народа.

1880-е годы для России стали эпохой безвременья. В марте 1881 года был убит царь Александр II. Через месяц были казнены организаторы и участники покушения. За этим последовали годы тяжёлой реакции. Усилена цензура, ужесточён надзор за университетами, ограничены возможности для получения образования людям из социальных низов. Стали свёртываться реформы 1860—1870-х годов. Путь развития России вновь менялся.

Изменения в общественной жизни России очень беспокоили писателя. Он искал тот стержень, который поможет любому человеку пережить трудные времена, и нашёл его — это, по мнению И. С. Тургенева, родной язык.

РУССКИЙ ЯЗЫК

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

1882

1. Сформулируйте тему и основную мысль словами из текста.
2. Понаблюдайте за звуковым строем стихотворения: какие гласные и согласные употребляются чаще всего? Определите их роль в создании настроения произведения.
3. Выпишите эпитеты, характеризующие русский язык. Какой из этих эпитетов и почему Тургенев использовал в стихотворении дважды? Как это расширяет тему произведения.

4. Найдите другие высказывания И. С. Тургенева о русском языке. Проследите, менялось ли на протяжении жизни и творчества отношение И. С. Тургенева к русскому языку.
5. Найдите высказывания о русском языке других писателей. Какие особенности русской речи отмечают авторы (большинство из них)? В чём каждый видит уникальность русского языка?

Антон Павлович ЧЕХОВ

1860—1904

...это был человек редкого душевного благородства, воспитанности и изящества в самом лучшем значении этого слова, мягкости и деликатности при необыкновенной искренности и простоте, чуткости и нежности при редкой правдивости.

И. А. Бунин

Чехова считают образцом интеллигентности, но для того, чтобы им стать, писатель прошёл долгий путь, «по каплям выдавливая из себя раба». В своём письме к брату Николаю он замечает: «Чтобы воспитываться и не стоять ниже уровня среды, в которую ты попал, недостаточно прочесть только Пикквика и вызубрить монолог из “Фауста”... Тут нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля». В другом письме 26-летний Антон Чехов объясняет, какими должны быть воспитанные люди:

1. Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы...
2. Они сострадательны не к одним только нищим и кошкам. Они болеют душой и от того, что не увидишь простым глазом...
3. Они уважают чужую собственность, а потому и платят долги.
4. Они чистосердечны и боятся лжи, как огня. Не лгут они даже в пустяках. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет его в глазах говорящего.
5. Они не рисуются, держат себя на улице так же, как дома, не пускают пыли в глаза меньшей братии.
6. Они не уничижают себя с тою целью, чтобы вызвать в другом сочувствие...».

Сохранилось документальное подтверждение того, что лучшие черты своего характера писатель сформировал у себя сам. К. И. Чуковский в очерке «Чехов» так писал об этом: «“Дрессировать”, воспитывать себя, предъявлять к себе почти непосильные моральные

требования и строго следить за тем, чтобы они были выполнены, — здесь основное содержание его жизни, и эту роль он любил больше всего — роль собственного своего воспитателя. Только этим путём он и добыл нравственную свою красоту — путём упорного труда над собою. До нас случайно дошло его собственное признание в том, что одну из лучших черт своей личности он воспитал в себе сам. Когда его жена написала ему, что у него уступчивый, мягкий характер, он ответил ей (в письме 1903 года): “Должен сказать тебе, что от природы характер у меня резкий, я вспыльчив и проч. и проч., но я привык сдерживать себя, ибо распускать себя порядочному человеку не подобает”». Было бы странно, если бы, воспитывая себя, он не показал и другим путь к исправлению. Этому Чехов посвятил значительную часть своего творчества.

В литературу Чехов вошёл как мастер короткого рассказа и блестящий драматург.

Ключ к пониманию творчества Чехова — в словах Максима Горького: «Мимо всей этой скучной, серой толпы бессильных людей прошёл большой, умный, ко всему внимательный человек, посмотрел он на этих скучных жителей своей родины и с грустной улыбкой, тоном мягкого, но глубокого упрёка, с безнадёжной тоской на лице и в груди, красивым искренним голосом сказал: “Скверно вы живёте, господа!”»

1. Какие уроки нравственности преподавал Чехов своей жизнью и творчеством?
2. Обобщите представления писателя о воспитанном человеке. Актуальны ли мысли классика сегодня?
3. Вспомните рассказы А. П. Чехова: «Хамелеон», «Лошадиная фамилия», «Мальчики». Какими особенностями они обладают: в чём специфика их композиции, какую роль играют диалоги, как развивается сюжет, каковы имена и фамилии героев и т. д.?

4. В одном интервью французский драматург Эжен Ионеско на вопрос о том, кто должен стать «главой идеального правительства, которое вершило бы судьбами человечества», ответил: «Чехов». Как вы думаете, почему такое доверие оказали русскому писателю и драматургу? Найдите в других высказываниях о личности Чехова подтверждение выбора Э. Ионеско.

ПЕРЕПОЛОХ

Машенька Павлецкая, молоденькая, едва только кончившая курс институтка, вернувшись с прогулки в дом Кушких, где она жила в гувернантках, застала необыкновенный переполох. Отворявший ей швейцар Михайло был взволнован и красен, как рак.

Сверху доносился шум.

«Вероятно, с хозяйкой припадок... — подумала Машенька, — или с мужем поссорилась...»

В передней и в коридоре встретила она горничных. Одна горничная плакала. Затем Машенька видела, как из дверей её комнаты выбежал сам хозяин Николай Сергеич, маленький, ещё не старый человек с обрюзгшим лицом и с большой плешью. Он был красен. Его передёргивало... Не замечая гувернантки, он прошёл мимо неё и, поднимая вверх руки, воскликнул:

— О, как это ужасно! Как бестактно! Как глупо, дико! Мерзко!

Машенька вошла в свою комнату, и тут ей в первый раз в жизни пришлось испытать во всей остроте чувство, которое так знакомо людям зависимым, безответным, живущим на хлебах у богатых и знатных. В её комнате делали обыск. Хозяйка Федосья Васильевна, полная, плечистая дама с густыми чёрными бровями, простоволосая и угловатая, с едва заметными усиками и с красными руками, лицом и манерами похожая на простую бабу-кухарку, стояла у её стола и вкладывала обратно в рабочую сумку клубки шерсти, лоскутки, бумажки... Очевидно, появление гувернантки было для неё неожиданно, так как, оглянувшись и увидев её бледное, удивлённое лицо, она слегка смутилась и пробормотала:

— Pardon¹, я... я нечаянно рассыпала... зацепила рукавом...

И, сказав ещё что-то, мадам Кушкина зашуршала шлейфом и вышла. Машенька обвела удивлёнными глазами свою комнату и, ничего не понимая, не зная, что думать, пожала плечами, похолодела от страха... Что Федосья Васильевна искала в её сумке? Если действительно, как она говорит, она нечаянно зацепила рукавом и рассыпала, то зачем же выскочил из комнаты такой красный и взволнованный Николай Сергеич? Зачем у стола слегка выдвинут один ящик? Копилка, в которую гувернантка прятала гривенники и старые марки, была отперта. Её отперли, но запереть не сумели,

¹ Извините (франц.).

хотя и исцарапали весь замок. Этажерка с книгами, поверхность стола, постель — всё носило на себе свежие следы обыска. И в корзине с бельём тоже. Бельё было сложено аккуратно, но не в том порядке, в каком оставила его Машенька, уходя из дому. Обыск, значит, был настоящий, самый настоящий, но к чему он, зачем? Что случилось? Машенька вспомнила волнение швейцара, переполох, который всё ещё продолжался, заплаканную горничную; не имело ли всё это связи с только что бывшим у неё обыском? Не замешана ли она в каком-нибудь страшном деле? Машенька побледнела и вся холодная опустилась на корзину с бельём.

В комнату вошла горничная.

— Лиза, вы не знаете, зачем это меня... обыскивали? — спросила у неё гувернантка.

— У барыни пропала брошка в две тысячи... — сказала Лиза.

— Да, но зачем же меня обыскивать?

— Всех, барышня, обыскивали. И меня всю обыскали... Нас раздевали всех догола и обыскивали... А я, барышня, вот как перед богом... Не то чтоб ихнюю брошку, но даже к туалету близко не подходила. Я и в полиции то же скажу.

— Но... зачем же меня обыскивать? — продолжала недоумевать гувернантка.

— Брошку, говорю, украли... Барыня сама своими руками всё обшарила. Даже швейцара Михайлу сами обыскивали. Чистый срам! Николай Сергеич только глядит да кудахчет, как курица. А вы, барышня, напрасно это дрожите. У вас ничего не нашли! Ежели не вы брошку взяли, так вам и бояться нечего.

— Но ведь это, Лиза, низко... оскорбительно! — сказала Машенька, задыхаясь от негодования. — Ведь это подлость, низость! Какое она имела право подозревать меня и рыться в моих вещах?

— В чужих людях живёте, барышня, — вздохнула Лиза. — Хоть вы и барышня, а всё же... как бы прислуга... Это не то, что у папаши с мамашей жить...

Машенька повалилась в постель и горько зарыдала. Никогда ещё над нею не совершали такого насилия, никогда ещё её так глубоко не оскорбляли, как теперь... Её, благовоспитанную, чувствительную девицу, дочь учителя, заподозрили в воровстве, обыскали, как уличную женщину! Выше такого оскорбления, кажется, и придумать нельзя. И к этому чувству обиды присоединился ещё тяжёлый страх:

что теперь будет?! В голову её полезли всякие несообразности. Если её могли заподозрить в воровстве, то, значит, могут теперь арестовать, раздеть догола и обыскать, потом вести под конвоем по улице, засадить в тёмную, холодную камеру с мышами и мокрицами, точь-в-точь в такую, в какой сидела княжна Тараканова. Кто вступится за неё? Родители её живут далеко в провинции; чтобы приехать к ней, у них нет денег. В столице она одна, как в пустынном поле, без родных и знакомых. Что хотят, то и могут с ней сделать.

«Побегу ко всем судьям и защитникам... — думала Машенька, дрожа. — Я объясню им, присягну... Они поверят, что я не могу быть воровкой!»

Машенька вспомнила, что у неё в корзине под простынями лежат сладости, которые она, по старой институтской привычке, прятала за обедом в карман и уносила к себе в комнату. От мысли, что эта её маленькая тайна уже известна хозяевам, её бросило в жар, стало стыдно, и от всего этого — от страха, стыда, от обиды началось сильное сердцебиение, которое отдавало в виски, в руки, глубоко в живот.

— Пожалуйте кушать! — позвали Машеньку.

«Идти или нет?»

Машенька поправила причёску, утёрлась мокрым полотенцем и пошла в столовую. Там уже начали обедать... За одним концом стола сидела Федосья Васильевна, важная, с тупым, серьёзным лицом, за другим — Николай Сергеич. По сторонам сидели гости и дети. Обедать подавали два лакея во фраках и белых перчатках. Все знали, что в доме переполох, что хозяйка в горе, и молчали. Слышны были только жеванье и стук ложек о тарелки.

Разговор начала сама хозяйка.

— Что у нас к третьему блюду? — спросила она у лакея томным, страдальческим голосом.

— Эстуржон аля русс! — ответил лакей.

Ил. Кукрыниксов

— Это, Феня, я заказал... — поторопился сказать Николай Сергеич. — Рыбы захотелось. Если тебе не нравится, *ma chère*¹, то пусть не подают. Я ведь это так... между прочим...

Федосья Васильевна не любила кушаний, которые заказывала не она сама, и теперь глаза у неё наполнились слезами.

— Ну, перестанем волноваться, — сказал сладким голосом Мамиков, её домашний доктор, слегка касаясь её руки и улыбаясь также сладко. — Мы и без того достаточно нервны. Забудем о броши! Здоровье дороже двух тысяч!

— Мне не жалко двух тысяч! — ответила хозяйка, и крупная слеза потекла по её щеке. — Меня возмущает самый факт! Я не потерплю в своём доме воров. Мне не жаль, мне ничего не жаль, но красть у меня — это такая неблагодарность! Так платят мне за мою доброту...

Все глядели в свои тарелки, но Машеньке показалось, что после слов хозяйки на неё все взглянули. Комок вдруг подступил к горлу, она заплакала и прижала платок к лицу.

— Pardon, — пробормотала она. — Я не могу. Голова болит. Уйду.

И она встала из-за стола, неловко гремя стулом и ещё больше смущаясь, и быстро вышла.

— Бог знает что! — проговорил Николай Сергеич, морщась. — Нужно было делать у неё обыск! Как это, право... некстати.

— Я не говорю, что она взяла брошку, — сказала Федосья Васильевна, — но разве ты можешь поручиться за неё? Я, признаюсь, плохо верю этим учёным беднячкам.

— Право, Феня, некстати... Извини, Феня, но по закону ты не имеешь никакого права делать обыски.

— Я не знаю ваших законов. Я только знаю, что у меня пропала брошка, вот и всё. И я найду эту брошку! — она ударила по тарелке вилкой, и глаза у неё гневно сверкнули. — А вы ешьте и не вмешивайтесь в мои дела!

Николай Сергеич кротко опустил глаза и вздохнул. Машенька между тем, придя к себе в комнату, повалилась в постель. Ей уже не было ни страшно, ни стыдно, а мучило её сильное желание пойти и отхлопать по щекам эту чёрствую, эту надменную, тупую, счастливую женщину.

¹ *Моя дорогая* (франц.).

Лёжа, она дышала в подушку и мечтала о том, как бы хорошо было пойти теперь купить самую дорогую брошь и бросить ею в лицо этой самодурке. Если бы бог дал, Федосья Васильевна разорилась, пошла бы по миру и поняла бы весь ужас нищеты и подневольного состояния и если бы оскорблённая Машенька подала ей милостыню! О, если бы получить большое наследство, купить коляску и прокатить с шумом мимо её окон, чтобы она позавидовала!

Но всё это мечты, в действительности же оставалось только одно — поскорее уйти, не оставаться здесь ни одного часа. Правда, страшно потерять место, опять ехать к родителям, у которых ничего нет, но что же делать? Машенька не могла видеть уже ни хозяйки, ни своей маленькой комнаты, ей было здесь душно, жутко. Федосья Васильевна, помешанная на болезнях и на своём мнимом аристократизме, опротивела ей до того, что кажется, всё на свете стало грубо и неприглядно оттого, что живёт эта женщина. Машенька прыгнула с кровати и стала укладываться.

— Можно войти? — спросил за дверью Николай Сергеич; он подошёл к двери неслышно и говорил тихим, мягким голосом. — Можно?

— Войдите.

Он вошёл и остановился у двери. Глаза его глядели тускло и красный носик его лоснился. После обеда он пил пиво, и это было заметно по его походке, по слабым, вялым рукам.

— Это что же? — спросил он, указывая на корзину.

— Укладываюсь. Простите, Николай Сергеич, но я не могу долее оставаться в вашем доме. Меня глубоко оскорбил этот обыск!

— Я понимаю... Только вы это напрасно... Зачем? Обыскали, а вы того... что вам от этого? Вас не убудет от этого.

Машенька молчала и продолжала укладываться. Николай Сергеич пощипал свои усы, как бы придумывая, что сказать ещё, и продолжал заискивающим голосом:

— Я, конечно, понимаю, но надо быть снисходительной. Знаете, моя жена нервная, взбалмошная, нельзя судить строго...

Машенька молчала.

— Если уж вы так оскорблены, — продолжал Николай Сергеич, — то извольте, я готов извиниться перед вами. Извините.

Машенька ничего не ответила, а только ниже нагнулась к своему чемодану. Этот испитой, нерешительный человек ровно ничего

не значил в доме. Он играл жалкую роль приживала и лишнего человека даже у прислуги; и извинение его тоже ничего не значило.

— Гм... Молчите? Вам мало этого? В таком случае я за жену извиняюсь. От имени жены... Она поступила нетактично, я признаю, как дворянин...

Николай Сергеич прошёлся, вздохнул и продолжал:

— Вам надо ещё, значит, чтоб у меня ковыряло вот тут, под сердцем... Вам надо, чтобы меня совесть мучила...

— Я знаю, Николай Сергеич, вы не виноваты, — сказала Машенька, глядя ему прямо в лицо своими большими заплаканными глазами. — Зачем же вам мучиться?

— Конечно... Но вы всё-таки того... не уезжайте... Прошу вас.

Машенька отрицательно покачала головой. Николай Сергеич остановился у окна и забарабанил по стеклу.

— Для меня подобные недоразумения — это чистая пытка, — проговорил он. — Что же мне, на колени перед вами становиться, что ли? Вашу гордость оскорбили, и вот вы плакали, собираетесь уехать, но ведь и у меня тоже есть гордость, а вы её не щадите. Или хотите, чтоб я сказал вам то, чего и на исповеди не скажу? Хотите? Послушайте, вы хотите, чтобы я признался в том, в чём даже перед смертью на духу не признаюсь?

Машенька молчала.

— Я взял у жены брошку! — быстро сказал Николай Сергеич. — Довольны теперь? Удовлетворены? Да, я... взял... Только, конечно, я надеюсь на вашу скромность... Ради бога, никому ни слова, ни полнамёка!

Машенька, удивлённая и испуганная, продолжала укладывать; она хватала свои вещи, мяла их и беспорядочно совала в чемодан и корзину. Теперь, после откровенного признания, сделанного Николаем Сергеичем, она не могла оставаться ни одной минуты и уже не понимала, как она могла жить раньше в этом доме.

— И удивляться нечего... — продолжал Николай Сергеич, помолчав немного. — Обыкновенная история! Мне деньги нужны, а она... не даёт. Ведь этот дом и всё это мой отец наживал, Марья Андреевна! Всё ведь это моё, и брошка принадлежала моей матери, и... всё моё! А она забрала, завладела всем... Не судиться же мне

с ней, согласитесь... Прошу вас, убедительно, извините и... и оставайтесь. *Tout comprendre, tout pardonner.*¹ Остаётесь?

— Нет! — сказала Машенька решительно, начиная дрожать. — Оставьте меня, умоляю вас.

— Ну, бог с вами, — вздохнул Николай Сергеич, садясь на скамеечку около чемодана. — Я, признаться, люблю тех, кто ещё умеет оскорбляться, презирать и прочее. Век бы сидел и на ваше негодующее лицо глядел... Так, стало быть, не остаётесь? Я понимаю... Иначе и быть не может... Да, конечно... Вам-то хорошо, а вот мне так — тпррр!.. Ни на шаг из этого погреба. Поехать бы в какое-нибудь наше имение, да там везде сидят эти женины прохвосты... управляющие, агрономы, чёрт бы их взял. Закладывают, перезакладывают... Рыбы не ловить, травы не топтать, деревьев не ломать.

— Николай Сергеич! — слышался из залы голос Федосьи Васильевны. — Агния, позови барина!

— Так не остаётесь? — спросил Николай Сергеич, быстро поднимаясь и идя к двери. — А то бы остались, ей-богу. Вечерком я заходил бы к вам... толковали бы. А? Оставайтесь! Уйдёте вы, и во всём доме не останется ни одного человеческого лица. Ведь это ужасно!

Бледное, испитое лицо Николая Сергеича умоляло, но Машенька отрицательно покачала головой, и он, махнув рукой, вышел.

Через полчаса она была уже в дороге.

1886

1. Составьте план рассказа. Определите, какая из смысловых частей содержит экспозицию, завязку, развитие действия, кульминацию и развязку.
2. Какие детали создают картину переполоха в доме? Обратите внимание на цветовые детали, интонации, поведение героев.
3. Покажите, как меняются чувства Машеньки в ситуации обыска, составив схему.
4. Перечитайте сцену в столовой. Как раскрываются в ней семейные отношения? По каким деталям читатель догадывается, кто в доме главнее?
5. Кто и почему пришёл к Маше с извинениями? Почему Маша их не приняла и не осталась?

¹ *Всё понять, всё простить* (франц.).

6. Обобщите свои впечатления о героях рассказа, заполнив таблицу:

	Машенька	Николай Сергеевич	Федосья Васильевна
Черты характера			
Жизненные принципы			
Социальное положение			

7. Используя материалы таблицы из задания 6, доказите, что конфликт в рассказе «Переполох» не только нравственный, но и социальный.

Понятие о подтексте

По словам Л. Н. Толстого, А. П. Чехов открыл «новые, совершенно новые для всего мира формы писания». Одно из чеховских открытий — подтекст.

Подтекст — это способ построения текста, который позволяет читателю уловить неявный, скрытый смысл произведения, вытекающий из речевой ситуации, тона, намерений говорящего.

Современные исследователи утверждают, что подтекст есть практически в любом произведении искусства. Американский писатель XX века Э. Хемингуэй сравнивал настоящую прозу с айсбергом, где на поверхности видна только 1/8 её общего объёма, а всё остальное есть скрытая часть повествования (собственно подтекст), в которой содержатся основные смыслы произведения. Подтекст создаётся с помощью ряда средств: художественных деталей, многозначных слов, которые получают дополнительное значение и особую важность в произведении, повторов.

Тема рассказа «Переполох» — человеческое достоинство, право личности на его защиту. Наиболее остро эта тема звучит в ситуации *конфликта* — столкновения жизненных идеалов разных людей. Это нравственный конфликт, который разворачивается между Федосьей Васильевной и её мужем. Но своевольная хозяйка дома приказывает устроить обыск у гувернантки. Они не равны по общественному положению — конфликт становится социальным. В такой ситуации важно показать внутреннее превосходство Машеньки над её более

статусным окружением. Для этого Чехов использует *портретные характеристики*: изящность облика гувернантки ещё более резко выделяется на фоне плечистой, похожей на кухарку мадам Кушкиной и её супруга. Показательны *речевые характеристики*: все герои говорят по-разному: громко и требовательно — Федосья Васильевна, постоянно извиняясь и запинаясь — Николай Сергеевич, вежливо и с достоинством — Машенька. Даже *имена* героев автор делает «говорящими», например для гувернантки использует вариант с уменьшительным суффиксом. Все эти детали подчёркивают, что унижать человеческое достоинство не может никто, а личность определяется вовсе не социальным статусом.

1. Что такое подтекст?

2. Какие художественные детали участвуют в создании подтекста в рассказе «Переполох»? Приведите примеры.

Владимир Галактионович КОРОЛЕНКО

1853—1921

Жизнь вообще, в самых мелких и самых крупных своих явлениях, кажется мне проявлением общего великого закона, главные, основные черты которого — добро и счастье.

В. Г. Короленко

Будущий писатель родился и значительную часть жизни прожил в Украине. Он рано стал разделять революционные взгляды, поэтому много лет провёл под арестом и в ссылках. Но его популярность как общественного деятеля была настолько велика, что к его мнению прислушивалось даже царское правительство. В. Г. Короленко, писатель и человек, не оставил равнодушным никого из своих современников. Л. Н. Толстой говорил о нём как об истинно прекрасном человеке; для А. П. Чехова он был благородным; для Максима Горького — просто учителем.

Очерк «Парадокс» был написан Короленко всего за один день в апреле 1894 года. Это был трудный период в жизни писателя: недавно умерла его маленькая дочь.

Черновик очерка практически не содержит исправлений. После первой публикации было изменено только окончание произведения.

1. Как вы думаете, почему в труднейший момент своей жизни В. Г. Короленко пишет очерк о человеческом счастье?

ПАРАДОКС

Очерк

(В сокращении)

I

Для чего собственно создан человек, об этом мы с братом получили некоторое понятие довольно рано. Мне, если не ошибаюсь, было лет десять, брату около восьми. Сведение это было преподано нам в виде краткого афоризма, или, по обстоятельствам, его сопровождавшим, скорее парадокса. Итак, кроме назначения жизни, мы одновременно обогатили свой лексикон этими двумя греческими словами.

Было это приблизительно около полудня знойного и тихого июньского дня. В глубоком молчании сидели мы с братом на заборе под тенью густого серебристого тополя и держали в руках удочки, крючки которых были опущены в огромную бадью с загнившей водой. О назначении жизни, в то время, мы не имели ещё даже отдалённого понятия, и, вероятно, по этой причине, вот уже около недели любимым нашим занятием было — сидеть на заборе, над бадьёй, с опущенными в неё крючками из простых медных булавок и ждать, что вот-вот, по особой к нам милости судьбы, в этой бадье и на эти удочки клюнет у нас «настоящая», живая рыба.

Правда, уголок двора, где помещалась эта волшебная бадья, и сам по себе, даже и без живой рыбы, представлял много привлекательного и заманчивого. Среди садов, огородов, сараев, дворишков, домов и флигелей, составлявших совокупность близко известного

нам места, этот уголок вырезался как-то так удобно, что никому и ни на что не был нужен; поэтому мы чувствовали себя полными его обладателями, и никто не нарушал здесь нашего одиночества.

Середину этого пространства, ограниченного с двух сторон палисадником и деревьями сада, а с двух других пустыми стенами сараев, оставлявшими узкий проход, занимала большая мусорная куча. Стоптаный лапоть, кем-то перекинутый через крышу сарая, изломанное топорище, побелевший кожаный башмак с отогнувшимся кверху каблуком и безличная масса каких-то истлевших предметов, потерявших уже всякую индивидуальность, — нашли в тихом углу вечный покой после более или менее бурной жизни за его пределами... На вершине мусорной кучи валялся старый-престарый кузов какого-то фантастического экипажа, каких давно уже не бывало в действительности, то есть в каретниках¹, на дворах и на улицах. Это был какой-то призрачный обломок минувших времён, попавший сюда, быть может, ещё до постройки окружающих зданий и теперь лежавший на боку с приподнятой кверху осью, точно рука без кисти, которую калека показывает на паперти, чтобы разжалобить добрых людей. На единственной половинке единственной дверки сохранились ещё остатки красок какого-то герба, и единственная рука, закованная в стальные нарамники и державшая меч, высывалась непонятным образом из тусклого пятна, в котором чуть рисовалось подобие короны. Остальное всё распалось, растрескалось, облупилось и облезло в такой степени, что уже не ставило воображению никаких прочных преград; вероятно, поэтому старый скелет легко принимал в наших глазах все формы, всю роскошь и всё великолепие настоящей золотой кареты.

Когда нам приедались впечатления реальной жизни на больших дворах и в переулке, то мы с братом удалялись в этот уединённый уголок, садились в кузов, — и тогда начинались здесь чудеснейшие приключения <...>. Должно быть, в щелях старого кузова засели с незапамятных времён, — выражаясь по-нынешнему, — какие-то флюиды старинных происшествий, которые и захватывали нас сразу в такой степени, что мы могли молча, почти не двигаясь и сохраняя созерцательный вид, просидеть на своих местах от утреннего чая до

¹ *Каретник* — сарай для карет и других экипажей.

самого обеда. И в этот промежуток от завтрака и до обеда вмещались для нас целые недели путешествий, с остановками в одиноких гостиницах, с ночлегами в поле, с длинными просеками¹ в чёрном лесу, с дальними огоньками, с угасающим закатом, с ночными грозами в горах, с утренней зарёй в открытой степи, с нападениями свирепых бандитов и, наконец, с туманными женскими фигурами, ещё ни разу не открывавшими лица из-под густого покрывала, которых мы, с неопределённым замиранием души, спасали из рук мучителей на радость или на горе в будущем...

И всё это вмещалось в тихом уголке, между садом и сараями, где, кроме бадьи, кузова и мусорной кучи, не было ничего... Впрочем, были ещё лучи солнца, пригревавшие зелень сада и расцветивавшие палисадник яркими, золотистыми пятнами; были ещё две доски около бадьи и широкая лужа под ними. Затем, чуткая тишина, невнятный шёпот листьев, сонное чирикание какой-то птицы в кустах и... странные фантазии, которые, вероятно, росли здесь сами по себе, как грибы в тенистом месте, — потому что нигде больше мы не находили их с такой лёгкостью, в такой полноте и изобилии... Когда, через узкий переулок и через крыши сараев, долетал до нас досадный призыв к обеду или к вечернему чаю, — мы оставляли здесь, вместе с пистолетами и саблями, наше фантастическое настроение, точно скинутое с плеч верхнее платье, в которое наряжались опять тотчас по возвращении.

Однако с тех пор как брату пришла оригинальная мысль вырезать кривые и узловатые ветки тополя, навязать на них белые нитки, навесить медные крючки и попробовать запустить удочки в таинственную глубину огромной бадьи, стоявшей в углу двора, для нас на целую неделю померкли все прелести золотой кареты. Во-первых, мы садились оба, в самых удивительных позах, на верхней перекладине палисадника, углом охватывавшего бадью и у которого мы предварительно обломали верхушки балясин². Во-вторых, над нами качался серебристо-зелёный шатёр тополя, переполнявший окружающий воздух зеленоватыми тенями и бродячими солнечными пятнами. В-третьих, от бадьи отделялся какой-то особенный

¹ *Прóсека* — полоса в лесу, очищенная от деревьев.

² *Баля́сина* — невысокий фигурный столбик.

запах, свойственный загнившей воде, в которой уже завелась своя особенная жизнь, в виде множества каких-то странных существ, вроде головастика, только гораздо меньше... Как ни покажется это странно, но запах этот казался нам, в сущности, приятным и прибавлял, с своей стороны, нечто к прелестям этого угла над бадьёй...

В то время как мы сидели по целым часам на заборе, вглядываясь в зеленоватую воду, из глубины бадьи то и дело подымались стайками эти странные существа, напоминавшие собой гибкие медные булавки, головки которых так тихо шевелили поверхность воды, между тем как хвостики извивались под ними, точно крошечные змейки. Это был целый особый мирок, под этою зелёною тенью, и, если сказать правду, в нас не было полной уверенности в том, что в один прекрасный миг поплавок нашей удочки не вздрогнет, не пойдёт ко дну и что после этого который-нибудь из нас не вытащит на крючке серебристую, трепещущую живую рыбку. Разумеется, рассуждая трезво, мы не могли бы не прийти к заключению, что событие это выходит за пределы возможного. Но мы вовсе не рассуждали трезво в те минуты, а просто сидели на заборе, над бадьёй, под колыхавшимся и шептавшим зелёным шатром, в соседстве с чудесной каретой, среди зеленоватых теней, в атмосфере полусна и полусказки...

Вдобавок мы не имели тогда ни малейшего понятия о назначении жизни...

1. Какое место в композиции очерка отводится главе I?
2. Опишите время и место действия очерка. Как они влияют на настроение и род занятий детей?
3. Какие эмоции возникают у читателя при чтении главы I? Какие средства художественной выразительности помогают автору создавать эти эмоции?

II

Однажды, когда мы сидели таким образом, погружённые в созерцание неподвижных поплавков, с глазами, прикованными к зелёной глубине бадьи, — из действительного мира, то есть со стороны нашего дома, проник в наш фантастический уголок неприятный и резкий голос лакея Павла. Он, очевидно, приближался к нам и кричал:

— Панычи, панычи, э-эй! Идись бо до покою!

«Идти до покою», — значило идти в комнаты, что нас на этот раз несколько озадачило. Во-первых, почему это просто «до покою», а не к обеду, который в этот день действительно должен был происходить ранее обыкновенного, так как отец не уезжал на службу. Во-вторых, почему зовёт именно Павел, которого посылал только отец в экстренных случаях, — тогда как обыкновенно от имени матери звала нас служанка Килимка. В-третьих, всё это было нам очень неприятно, как будто именно этот несвоевременный призыв должен вспугнуть волшебную рыбу, которая как раз в эту минуту, казалось, уже плывёт в невидимой глубине к нашим удочкам. Наконец Павел и вообще был человек слишком трезвый, отчасти даже насмешливый, и его излишне серьёзные замечания разрушили не одну нашу иллюзию.

Через полминуты этот Павел стоял, несколько даже удивлённый, на нашем дворике и смотрел на нас, сильно сконфуженных, своими серьёзно выпученными и слегка глуповатыми глазами. Мы оставались в прежних позах, но это только потому, что нам было слишком совестно, да и некогда уже скрывать от него свой образ действий. В сущности же, с первой минуты появления этой фигуры в нашем мире, мы оба почувствовали с особенной ясностью, что наше занятие кажется Павлу очень глупым, что рыбу в бадьях никто не ловит, что в руках у нас даже и не удочки, а простые ветки тополя, с медными булавками, и что перед нами только старая бадья с загнившей водой.

— Э? — протянул Павел, приходя в себя от первоначального удивления. — А что се вы робите?

— Так... — ответил брат угрюмо.

Павел взял из моих рук удочку, осмотрел её и сказал:

— Разве ж это удилище? Удилища надо делать из орешника.

Потом пощупал нитку и сообщил, что нужен тут конский волос, да его ещё нужно заплести умеючи; потом обратил внимание на булавочные крючки и объяснил, что над таким крючком, без зазубрины, даже и в пруду рыба только смеётся. Стащит червяка и уйдёт. Наконец, подойдя к бадье, он потряхнул её слегка своей сильной рукой. Неизмеримая глубина нашего зелёного омута колыхнулась, помутнела, фантастические существа жалобно заматались и исчезли, как бы сознавая, что их мир колеблется в самых устоях. Обнажилась часть дна, — простые доски, облипшие какой-то зелё-

ной мутью, — а снизу поднялись пузыри и сильный запах, который на этот раз и нам показался уже не особенно приятным.

— Воняет, — сказал Павел презрительно. — От, идите до покою, пан кличе.

— Зачем?

— Идите, то и побачите.

Я и до сих пор очень ясно помню эту минуту столкновения наших иллюзий с трезвою действительностью в лице Павла. Мы чувствовали себя совершенными дураками, нам было совестно оставаться на верхушке забора, в позах рыбаков, но совестно также и слезать под серьёзным взглядом Павла. Однако делать было нечего. Мы спустились с забора, бросив удочки как попало, и тихо побрели к дому. Павел ещё раз посмотрел удочки, пощупал пальцами размокшие нитки, повёл носом около бадьи, в которой вода всё ещё продолжала бродить и пускать пузыри, и, в довершение всего, толкнул ногой старый кузов. Кузов как-то жалко и беспомощно крикнул, шевельнулся, и ещё одна доска вывалилась из него в мусорную кучу...

Таковы были обстоятельства, предшествовавшие той минуте, когда нашему юному вниманию предложен был афоризм о назначении жизни и о том, для чего, в сущности, создан человек...

1. Кто из героев появляется во второй части очерка? Как он воздействует на детей, их мир?
2. Какие слова противопоставлены в главе II? Пользуясь дополнительной литературой, определите лексическое значение слова «иллюзии». В каком значении употребил его автор?
3. Выпишите из главы II выражения, характеризующие поведение Павла. Как относится к нему рассказчик? Поясните свою точку зрения.
4. Какие чувства испытали дети после появления Павла? Почему среди этих чувств есть страх?
5. Перечитайте последний абзац главы II. Какую роль он играет в развитии сюжета очерка?

III

У крыльца нашей квартиры, на мощёном дворе, толпилась куча народа. На нашем дворе было целых три дома, один большой и два флигеля. В каждом жила особая семья, с соответствующим количеством

дворни и прислуги, не считая ещё одиноких жильцов, вроде старого холостяка пана Уляницкого, нанимавшего две комнаты в подвальном этаже большого дома. Теперь почти всё это население высыпало на двор и стояло на солнцепёке, у нашего крыльца. Мы испуганно переглянулись с братом, разыскивая в своём прошлом какой-нибудь проступок, который подлежал бы такому громкому и публичному разбирательству. Однако отец, сидевший на верхних ступеньках, среди привилегированной публики, по-видимому, находился в самом благодушном настроении. Рядом с отцом вилась струйка синего дыма, что означало, что тут же находится полковник Дударев, военный доктор. Немолодой, расположенный к полноте, очень молчаливый, он пользовался во дворе репутацией человека необыкновенно учёного, а его молчаливость и бескорыстие снискали ему общее уважение, к которому примешивалась доля страха, как к явлению, для среднего обывателя не вполне понятному... Иногда, среди других фантазий, мы любили воображать себя доктором Дударевым, и если я замечал, что брат сидит на крыльце или на скамейке, с вишнёвой палочкой в зубах, медленно раздувает щёки и тихо выпускает воображаемый дым, — я знал, что его не следует тревожить. Кроме вишнёвой палочки, требовалось ещё особенным образом наморщить лоб, отчего глаза сами собой немного тускнели, становились задумчивы и как будто печальны. А затем уже можно было сидеть на солнце, затягиваться воображаемым дымом из вишнёвой ветки и думать что-то такое особенное, что, вероятно, думал про себя добрый и умный доктор, молча подававший помощь больным и молча сидевший с трубкой в свободное время. Какие это собственно были мысли, сказать трудно; прежде всего они были важны и печальны, а затем, вероятно, всё-таки довольно приятны, судя по тому, что им можно было предаваться подолгу...

Кроме отца и доктора, среди других лиц, мне бросилось в глаза красивое и выразительное лицо моей матери. Она стояла в белом переднике, с навёрнутыми рукавами, очевидно, только что оторванная от вечных забот по хозяйству. Нас у неё было шестеро, и на её лице ясно виднелось сомнение: стоило ли выходить сюда в самый разгар хлопотливого дня. Однако скептическая улыбка видимо сплывала с её красивого лица, и в синих глазах уже мелькало какое-то испуганное сожаление, обращённое к предмету, стоявшему среди толпы, у крыльца...

Это была небольшая, почти игрушечная телега, в которой как-то странно, — странно почти до болезненного ощущения от этого зрелища, — помещался человек. Голова его была большая, лицо бледно, с подвижными, острыми чертами и большими, пронизательными бегающими глазами. Туловище было совсем маленькое, плечи узкие, груди и живота не было видно из-под широкой, с сильной проседью бороды, а руки я напрасно разыскивал испуганными глазами, которые, вероятно, были открыты так же широко, как и у моего брата. Ноги странного существа, длинные и тонкие, как будто не уместались в тележке и стояли на земле, точно длинные лапки паука. Казалось, они принадлежали одинаково этому человеку, как и тележке, и всё вместе каким-то беспокойным, раздражающим пятном рисовалось под ярким солнцем, точно в самом деле какое-то паукообразное чудовище, готовое внезапно кинуться на окружившую его толпу.

— Идите, идите, молодые люди, скорее. Вы имеете случай увидеть интересную игру природы, — фальшиво-ласкающим голосом сказал нам пан Уляницкий, проталкиваясь за нами через толпу.

Пан Уляницкий был старый холостяк, появившийся на нашем дворе бог весть откуда. Каждое утро, в известный час и даже в известную минуту, его окно открывалось, и из него появлялась сначала красная ермолка с кисточкой, потом вся фигура в халате... Кинув беспокойный взгляд на соседние окна (нет ли где барышень), он быстро выходил из окна, прикрывая что-то полой халата, и исчезал за углом. В это время мы стремглав кидались к окну, чтобы заглянуть в его таинственную квартирку. Но это почти никогда не удавалось, так как Уляницкий быстро, как-то крадучись, появлялся из-за угла, мы кидались врассыпную, а он швырял в нас камнем, палкой, что попадало под руку. В полдень он появлялся одетым с иголочки и очень любезно, как ни в чём не бывало, заговаривал с нами, стараясь навести разговор на живших во дворе невест. В это время в голосе его звучала фальшивая ласковость, которая всегда как-то резала нам уши...

— Уважаемые господа, обыватели и добрые люди! — заговорил вдруг каким-то носовым голосом высокий субъект с длинными усами и беспокойными, впалыми глазами, стоявший рядом с тележкой. — Так как, по-видимому, с прибытием этих двух молодых людей, дай им бог здоровья на радость почтенным родителям...

Все теперь в сборе, то я могу объяснить уважаемой публике, что перед нею находится феномен, или, другими словами, чудо натуры, шляхтич из Заславского повета, Ян Криштоф Залуский. Как видите, у него совершенно нет рук и не было от рождения.

Он скинул с феномена курточку, в которую легко было бы одеть ребёнка, потом расстегнул ворот рубахи. Я зажмурился, — так резко и болезненно ударило мне в глаза обнажённое уродство этих узких плеч, совершенно лишённых даже признаков рук.

— Видели? — повернулся долгоусый к толпе, отступая от тележки, с курткой в руках. — Без обману... — добавил он, — без всякого ощущанья¹... — И его беспокойные глаза обежали публику с таким видом, как будто он не особенно привык к доверию со стороны своих ближних.

— И, однако, уважаемые господа, сказанный феномен, родственник мой, Ян Залуский — человек очень просвещённый. Голова у него лучше, чем у многих людей с руками. Кроме того, он может исполнять всё, что обыкновенные люди делают с помощью рук. Ян, прошу тебя покорно: поклонись уважаемым господам.

Ноги феномена пришли в движение, причём толпа шарахнулась от неожиданности. Не прошло и нескольких секунд, как с правой ноги, при помощи левой, был снят сапог. Затем нога поднялась, захватила с головы феномена большой порыжелый картуз, и он с насмешливой галантностью приподнял картуз над головой. Два чёрных внимательных глаза остро и насмешливо впились в уважаемую публику.

— Господи боже!.. Иисус-Мария... Да будет похвалено имя Господне, — пронеслось на разных языках в толпе, охваченной брезгливым испугом, и только один лакей Павел загоготал в заднем ряду так нелепо и громко, что кто-то из дворни счёл нужным толкнуть его локтем в бок. После этого всё стихло. Чёрные глаза опять внимательно и медленно прошли по нашим лицам, и феномен произнёс среди тишины ясным, хотя слегка дребезжавшим голосом:

— Обойди!

Долгоусый субъект как-то замялся, точно считал приказ преждевременным. Он кинул на феномена нерешительный взгляд, но тот, уже раздражённо, повторил:

¹ *Ощуканьство* — обман, надувательство.

— Ты глуп... обойди!..

Полковник Дударев пустил клуб дыма и сказал:

— Однако, почтенный феномен, вы, кажется, начинаете с того, чем надо кончать.

Феномен быстро взглянул на него, как будто с удивлением, и затем ещё настойчивее повторил долгоусому:

— Обойди, обойди!

Мне казалось, что феномен посылает долгоусого на какие-то враждебные действия. Но тот только снял с себя шляпу и подошёл к лестнице, низко кланяясь и глядя как-то вопросительно, как бы сомневаясь. На лестнице более всего подавали женщины; на лице матери я увидел при этом такое выражение, как будто она всё ещё испытывает нервную дрожь; доктор тоже бросил монету. Уляницкий смерил долгоусого негодующим взглядом и затем стал беспечно смотреть по сторонам. Среди дворни и прислуги не подал почти никто. Феномен внимательно следил за сбором, потом тщательно пересчитал ногами монеты и поднял одну из них кверху, иронически поклонившись Дудареву.

— Пан доктор... Очень хорошо... Благодарю вас.

Дударев равнодушно выпустил очень длинную струйку дыма, которая распустилась султаном на некотором расстоянии, но мне почему-то показалось, что ему досадно или он чего-то слегка застыдился.

— А! То есть удивительное дело, — сказал своим фальшивым голосом пан Уляницкий, — удивительно, как он узнал, что вы — доктор (Дударев был в штатском пиджаке и белом жилете с медными пуговицами).

— О! Он знает прошедшее, настоящее и будущее, а человека видит насквозь, — сказал с убеждением долгоусый, почерпнувший, по видимому, значительную долю этой уверенности в удачном первом сборе.

— Да, я знаю прошедшее, настоящее и будущее, — сказал феномен, поглядев на Уляницкого, и затем сказал долгоусому: — Подойди к этому пану... Он хочет положить монету бедному феномену, который знает прошедшее каждого человека лучше, чем пять пальцев своей правой руки...

И все мы с удивлением увидели, как пан Уляницкий с замешательством стал шарить у себя в боковом кармане. Он вынул медную

монету, подержал её в тонких, слегка дрожавших пальцах с огромными ногтями и... всё-таки опустил её в шляпу.

— Теперь продолжай, — сказал феномен своему провожатому. Долгоусый занял своё место и продолжал:

— Я вожу моего бедного родственника в тележке потому, что ходить ему очень трудно. Бедный Ян, дай я тебя подыму...

Он помог феномену подняться. Калека стоял с трудом, — огромная голова подавляла это тело карлика. На лице виднелось страдание, тонкие ноги дрожали. Он быстро опустилсся опять в свою тележку.

— Однако он может передвигаться и сам.

Колёса тележки вдруг пришли в движение, дворня с криком расступилась; странное существо, перебирая по земле ногами и ещё более походя на паука, сделало большой круг и опять остановилось против крыльца. Феномен побледнел от усилия, и я видел теперь только два огромных глаза, глядевших на меня с тележки...

— Ногами он чешет у себя за спиной и даже совершает свой туалет.

Он подал феномену гребёнку. Тот взял её ногой, проворно расчесал широкую бороду и, опять поискавши глазами в толпе, послал ногой воздушный поцелуй экономке домовладелицы, сидевшей у окна большого дома с несколькими «комнатными барышнями». Из окна слышался визг, Павел фыркнул и опять получил тумака.

— Наконец, господа, ногою он крестится. Он сам скинул с феномена фуражку. Толпа затихла. Калека поднял глаза к небу, на мгновение лицо его застыло в странном выражении. Напряжённая тишина ещё усилилась, пока феномен с видимым трудом поднимал ногу ко лбу, потом к плечам и груди. В задних рядах слышался почти истерический женский плач. Между тем феномен кончил, глаза его ещё злее прежнего бежали по лицам публики, и в тишине резко прозвучал усталый голос:

— Обойди!

На этот раз долгоусый обратился прямо к рядам простой публики. Вздыхая, порой крестясь, кой-где со слезами, простые люди подавали свои крохи, кучера заворачивали полы кафтанов, кухарки наскоро сбегали по кухням и, проталкиваясь к тележке, совали туда свои подаяния. На лестнице преобладало тяжёлое, не совсем

одобрительное молчание. Впоследствии я замечал много раз, что простые сердца менее чутки к кощунству, хотя бы только слегка прикрытому обрядом.

— Пан доктор?.. — вопросительно протянул феномен, но, видя, что Дударев только насупился, он направил долгоусого к Уляницкому и напряжённо, с какой-то злостью следил за тем, как Уляницкий, видимо, против воли, — положил ещё монету.

— Извините, — повернулся вдруг феномен к моей матери... — Человек кормится, как может.

В его голосе была какая-то особенная, жалкая нота. Доктор вдруг выпустил бесконечную струйку синего дыма и, вынув серебряную монету, кинул её на мостовую. Феномен поднял её, поднёс ко рту и сказал:

— Пан доктор, я отдам это первому бедняку, которого встречу... Поверьте слову Яна Залуского. Ну, что же ты стал, продолжай, — накинулся он вдруг на своего долгоусого провожатого.

Впечатление этой сцены ещё некоторое время держалось в толпе, пока феномен принимал ногами пищу, снимал с себя куртку и вдевал нитку в иглу.

— Наконец, уважаемые господа, — провозгласил долгоусый торжественно, ногами он подписывает своё имя и фамилию.

— И пишу поучительные афоризмы, — живо подхватил феномен. — Пишу поучительные афоризмы всем вообще или каждому желающему порознь, ногами, за особую плату, для душевной пользы и утешения. Если угодно, уважаемые господа. Ну, Матвей, доставай канцелярию.

Долгоусый достал из сумки небольшую папку, феномен взял ногой перо и легко написал на бумаге свою фамилию:

«Ян Криштоф Залуский, шляхтич-феномен из Заславского повета».

— А теперь, — сказал он, насмешливо поворачивая голову, — кому угодно получить афоризм!?! Поучительный афоризм, уважаемые господа, от человека, знающего настоящее, прошедшее и будущее.

Острый взгляд феномена пробежал по всем лицам, останавливаясь то на одном, то на другом, точно гвоздь, который он собирался забить глубоко в того, на ком остановится его выбор. Я никогда не забуду этой немой сцены. Урод сидел в своей тележке, держа гусиное

перо в приподнятой правой ноге, как человек, ожидающий вдохновения. Было что-то цинически карикатурное во всей его фигуре и позе, в саркастическом взгляде, как будто искавшем в толпе свою жертву. Среди простой публики взгляд этот вызывал тупое смятение, женщины прятались друг за друга, то смеясь, то как будто плача. Пан Уляницкий, когда очередь дошла до него, растерянно улыбнулся и выразил готовность достать из кармана ещё монету. Долгоусый проворно подставил шляпу... Феномен обменялся взглядом с моим отцом, скользнул мимо Дударева, почтительно поклонился матери, и внезапно я почувствовал этот взгляд на себе...

— Подойди сюда, малец, — сказал он, — и ты тоже, — позвал он также брата.

Все взгляды обратились на нас с любопытством или сожалением. Мы рады были бы провалиться сквозь землю, но уйти было некуда; феномен пронизывал нас чёрными глазами, а отец смеялся.

— Ну, что ж, ступайте, — сказал он таким тоном, каким порой приказывал идти в тёмную комнату, чтобы отучить от суеверного страха.

И мы оба вышли с тем же чувством содрогания, с каким, исполняя приказ, входили в тёмную комнату... Маленькие и смущённые, мы остановились против тележки, под взглядом странного существа, смеявшимся нам навстречу. Мне казалось, что он сделает над нами что-то такое, от чего нам будет после стыдно всю жизнь, стыдно в гораздо большей степени, чем в ту минуту, когда мы слезали с забора под насмешливым взглядом Павла... Может быть, он расскажет... но что же? Что-нибудь такое, что я сделаю в будущем, и все будут смотреть на меня с таким же содроганием, как несколько минут назад при виде его уродливой наготы... Глаза мои застилались слезами, и, точно сквозь туман, мне казалось, что лицо странного человека в тележке меняется, что он смотрит на меня умным, задумчивым и смягчённым взглядом, который становится всё мягче и всё страннее. Потом он быстро заскрипел пером, и его нога протянулась ко мне с белым листком, на котором чернела ровная, красивая строчка. Я взял листок и беспомощно оглянулся кругом.

— Прочитай, — сказал, улыбаясь, отец.

Я взглянул на отца, потом на мать, на лице которой виднелось несколько тревожное участие, и механически произнёс следующую фразу:

— «Человек создан для счастья, как птица для полёта»...

Я не сразу понял значение афоризма и только по благодарному взгляду, который мать кинула на феномена, понял, что всё кончилось для нас благополучно. И тотчас же опять раздался ещё более прежнего резкий голос феномена:

— Обойди!

Долгоусый грациозно кланялся и подставлял шляпу. На этот раз, я уверен, больше всех дала моя мать. Уляницкий эмансипировался¹ и только величественно повёл рукой, показывая, что он и без того был слишком великодушен. Последним кинул монету в шляпу мой отец.

— Хорошо сказано, — засмеялся он при этом, — только, кажется, это скорее парадокс, чем поучительный афоризм, который вы нам обещали.

— Счастливая мысль, — насмешливо подхватил феномен. — Это афоризм, но и парадокс вместе. Афоризм сам по себе, парадокс в устах феномена... Ха-ха! Это правда... Феномен тоже человек, и он менее всего создан для полёта...

Он остановился, в глазах его мелькнуло что-то странное, — они как будто затуманились...

— И для счастья тоже... — прибавил он тише, как будто про себя. Но тотчас же взгляд его сверкнул опять холодным открытым цинизмом. — Га! — сказал он громко, обращаясь к долгоусому. — Делать нечего, Матвей, обойди почтенную публику ещё раз.

Долгоусый, успевший надеть свою шляпу и считавший, по-видимому, представление законченным, опять замялся. По-видимому, несмотря на сильно помятую фигуру и физиономию, не внушавшую ни симпатии, ни уважения, в этом человеке сохранялась доля застенчивости. Он нерешительно смотрел на феномена.

— Ты глуп! — сказал тот жёстко. — Мы получили с уважаемых господ за афоризм, а тут оказался ещё парадокс... Надо получить и за парадокс... За парадокс, почтенные господа!.. За парадокс бедному шляхтичу-феномену, который кормит ногами многочисленное семейство...

¹ Здесь: признал равными права женщин и мужчин, т. е. отказался дать ещё денег.

Шляпа обошла ещё раз по крыльцу и по двору, который к тому времени наполнился публикой чуть не со всего переулка.

1. Кто вышел посмотреть на феномена? Что в характере каждого из этих людей отмечает автор? Кого из них выделяют дети?
2. Соберите досье на феномена: Ф.И.О., социальный статус, возраст, особенности физического состояния, речь, способности.
3. Почему описание пана Уляницкого идёт сразу после знакомства читателя с феноменом? Сравните пана Уляницкого и Яна Залуского. Докажите, что они оба феномены.
4. Выберите цитаты, характеризующие взгляд и глаза феномена, его голос, заполните таблицу. Как они меняются по ходу представления? Что в характере феномена они показывают?

Момент представления	Глаза (взгляд)	Голос

5. Почему для своего последнего фокуса феномен выбрал детей, а перед тем, как вручить им афоризм, обменялся взглядом с их отцом?
6. Как вы понимаете афоризм феномена? В чём состоит его парадокс? Докажите, что не для вознаграждения писал феномен свой афоризм.

IV

После обеда я стоял на крыльце, когда ко мне подошёл брат.

— Знаешь что, — сказал он, — этот... феномен... ещё здесь.

— Где?

— В людской. Мама позвала их обоих обедать... И долгоусый тоже. Он его кормит с ложки...

В эту самую минуту из-за угла нашего дома показалась худощавая и длинная фигура долгоусого. Он шёл, наклонясь, с руками назад, и тащил за собою тележку, в которой сидел феномен, подобравши ноги. Проезжая мимо флигелька, где жил военный доктор, он серьёзно поклонился по направлению к окну, из которого попухивал по временам синий дымок докторской трубки, и сказал долгоусому: «Ну, ну, скорее!» Около низких окон Уляницкого, занавешенных и уставленных геранью, он вдруг зашевелился и крикнул:

— До свиданья, благодетель... Я знаю прошедшее, настоящее и будущее, как пять пальцев моей правой руки... которой у меня, впро-

чем, нет... ха-ха! Которой у меня нет, милостивый мой благодетель... Но это не мешает мне знать прошедшее, настоящее и будущее!

Затем тележка выкатилась за ворота...

Как будто сговорившись, мы с братом бегом обогнули флигель и вышли на небольшой задний дворик за домами. Переулок, обогнув большой дом, подходил к этому месту, и мы могли здесь ещё раз увидеть феномена. Действительно, через полминуты в переулке показалась долговязая фигура, тащившая тележку. Феномен сидел, опустившись. Лицо у него казалось усталым, но было теперь проще, будничнее и приятнее.

С другой стороны, навстречу, в переулок вошёл старый нищий с девочкой лет восьми. Долгоусый кинул на нищего взгляд, в котором на мгновение отразилось беспокойство, но тотчас же он принял беззаботный вид, стал беспечно глядеть по верхам и даже как-то некстати и фальшиво затянул вполголоса песню. Феномен наблюдал все эти наивные эволюции товарища, и глаза его искрились саркастической усмешкой.

— Матвей! — окликнул он, но так тихо, что долгоусый только прибавил шаг.

— Матвей!

Долгоусый остановился, посмотрел на феномена и как-то просительно произнёс:

— А! Ей-богу, глупство!..

— Доставай, — кратко сказал феномен.

Ил. Ю. К. Ливиновского

— Ну!

— Доставай.

— Ну-у? — совсем жалобно протянул долгоусый, однако полез в карман.

— Не там, — сказал холодно феномен. — Сороковец доктора у тебя в правом кармане... Дедушка, постой на минуту.

Нищий остановился, снял шляпу и уставился в него своими выцветшими глазами. Долгоусый, с видом человека, смертельно оскорблённого, достал серебряную монету и кинул в шляпу старика.

— Дьявол вас тут носит, дармоедов, — пробормотал он, принимаясь опять за дышло. Нищий кланялся, держа шляпу в обеих руках. Феномен захохотал, откинув голову назад... Тележка двинулась по переулку, приближаясь к нам.

— А ты сегодня в добром гуморе¹, — угрюмо и язвительно сказал долгоусый.

— А что? — с любопытством сказал феномен.

— Так... пишешь приятные афоризмы и раздаёшь голодранцам по сороковцу... Какой, подумают люди, счастливец!

Феномен захохотал своим резким смехом, от которого у меня что-то прошло по спине, и потом сказал:

— Ха! Надо себе позволить иногда... притом же ничего не потеряли... Ты видишь, и приятные афоризмы иногда делают сбор. У тебя две руки, но твоя голова ничего не стоит, бедный Матвей!.. Человек создан для счастья, только счастье не всегда создано для него. Понял? У людей бывают и головы, и руки. Только мне забыли приклеить руки, а тебе по ошибке поставили на плечи пустую тыкву... Ха! Это неприятно для нас, однако не изменяет общего правила...

Под конец этой речи неприятные ноты в голосе феномена исчезли, и в лице появилось то самое выражение, с каким он писал для меня афоризм. Но в эту минуту тележка поравнялась с тем местом, где мы стояли с братом, держась руками за балясины палисадника и уткнув лица в просветы. Заметив нас, феномен опять захохотал неприятным смехом.

— А! Лоботрясы! Пришли ещё раз взглянуть на феномена бесплатно? Вот я вас тут! У меня есть такие же племянники, я кормлю

¹ Гумор — настроение.

и секу их ногами... Не хотите ли попробовать?.. Это очень интересно. Ха-ха-ха! Ну, бог с вами, не трону... Человек создан для счастья. Афоризм и парадокс вместе, за двойную плату... Кланяйтесь доктору от феномена и скажите, что человеку надо кормиться не тем, так другим, а это трудно, когда природа забыла приклеить руки к плечам... А у меня есть племянники, настоящие, с руками... Ну, прощайте и помните: человек создан для счастья...

Тележка покатила, но уже в конце переулка феномен ещё раз повернулся к нам, кивнул головой кверху, на птицу, кружившуюся высоко в небе, и крикнул ещё раз:

— Создан для счастья. Да, создан для счастья, как птица для полёта.

Затем он исчез за углом, а мы с братом долго ещё стояли, с лицами между балясин, и смотрели то на пустой переулок, то на небо, где, широко раскинув крылья, в высокой синеве, в небесном просторе, вся залитая солнцем, продолжала кружиться и парить большая птица...

А потом мы пошли опять в свой угол, добыли удочки и принялись было в молчании поджидать серебристую рыбу в загнившей бадье...

Но теперь это почему-то не доставляло нам прежнего удовольствия. От бадьи несло вонью, её глубина потеряла свою заманчивую таинственность, куча мусора, как-то скучно освещённая солнцем, как бы распалась на свои составные части, а кузов казался дрянной старой рухлядью. Ночью оба мы спали плохо, вскрикивали и плакали без причины. Впрочем, причина была: в дремоте обоим нам являлось лицо феномена и его глаза, то холодные и циничные, то подёрнутые внутренней болью...

Мать вставала и крестила нас, стараясь этим защитить своих детей от первого противоречия жизни, острой занозой вонзившегося в детские сердца и умы...

1894

1. Почему Ян Залуский устраивает подобные представления? Почему тогда он отдал монету нищему? Почему именно монету, которую получил от доктора Дударева?

2. Какой ещё афоризм произносит феномен? Сравните оба афоризма. Как они помогают понять смысл жизни Яна Залуского?
3. Как изменилась жизнь мальчиков после представления?
4. Какая роль отводится матери в истории с феноменом?
5. Вспомните, что такое очерк, в чём его отличие от жанра рассказа. Почему своей истории Короленко придал форму очерка?
6. Выпишите из текста слова, которые произвели впечатление на главных героев. Дайте им толкование. Как они связаны с героями очерка и проблемами, которые в нём поднял автор?
7. Какой урок преподавал феномен всем, а в первую очередь детям?

Роль композиции в раскрытии авторской концепции

Композиция — построение произведения, последовательность и соотношение отдельных частей в нём.

В очерке «Парадокс» автор выделил 4 части. Действие в них разворачивается последовательно, время течёт линейно. Вторая и третья части повествуют об одном эпизоде из жизни мальчиков, а четвёртая — о том, как он повлиял на их мироощущение. Нетрудно заметить, что очерк начинается и заканчивается описанием уголка детей и их занятий. Однако ощущения, которые они вызывают у мальчиков, прямо противоположные. Очарование детских игр было разрушено столкновением с «суровой реальностью» — встречей с Яном Залуским, который «кормит» своих здоровых племянников, показывая «представления» на улице. Он, как и многие другие герои произведений В. Г. Короленко, борец. Но его подвиг не в том, чтобы спасти кого-то или сражаться на баррикадах. Его героизм в том, что он ежедневно борется со своим физическим недугом и не теряет веры в людей и в будущее. Возвращая мальчиков в финале очерка к прежним играм, В. Г. Короленко словно подтверждает, что человек должен изменяться, расти не только физически, но и духовно. Только так он может стать *личностью*.

1. Почему исследователи говорят о сходстве очерка «Парадокс» с притчей?

Максим ГОРЬКИЙ

1868—1936

Человек — это звучит гордо!

Максим Горький

Однажды Горький заметил, что телом он родился в Нижнем Новгороде, духовно — в Казани, а как писатель — в Самаре. Хотя первый рассказ «Макар Чудра» был напечатан ещё в сентябре 1892 года в Тифлисе и тогда же у Алексея Максимовича Пешкова появился литературный псевдоним — Максим Горький, именно 15 месяцев жизни и работы в Самаре окончательно подтвердили, что в России появился новый талантливый писатель. В самарских газетах Горький печатал стихотворения, фельетоны, театральные рецензии и рассказы. Увидевшие здесь свет «Песня о Соколе» (1894), «Старуха Изергиль» (1895) и другие произведения имели выраженные черты романтизма.

Романтический пафос — эмоциональный подъём, обычно связанный с изображением романтических героев и вызванный пониманием того, что мир можно приблизить к идеалу.

Романтический пафос ранних рассказов Горький определил сам: «Героическое дело требует героического слова»; «Настало время нужды в героическом: все хотят возбуждающего, яркого, такого... чтобы не было похоже на жизнь, а было выше её, лучше, красивее»; романтические образы призваны «запечатлеть в красках, словах, звуках, форме то, что есть в человеке наилучшего, красивого, честного, благородного».

1. Объясните, что такое романтический пафос.
2. Подумайте, какие жизненные обстоятельства могут вызвать у писателя (читателя) потребность в обращении к романтическим образам.

СТАРУХА ИЗЕРГИЛЬ

(В сокращении)

I

Я слышал эти рассказы под Аккерманом, в Бессарабии, на морском берегу.

Однажды вечером, кончив дневной сбор винограда, партия молдаван, с которой я работал, ушла на берег моря, а я и старуха Изергиль остались под густой тенью виноградных лоз и, лёжа на земле, молчали, глядя, как тают в голубой мгле ночи силуэты тех людей, что пошли к морю. <...>

С. А. Сорин.
Старуха Изергиль

— Смотри, вон идёт Ларра!

Я смотрел, куда старуха указывала своей дрожащей рукой с кривыми пальцами, и видел: там плыли тени, их было много, и одна из них, темней и гуще, чем другие, плыла быстрее и ниже сестёр, — она падала от клочка облака, которое плыло ближе к земле, чем другие, и скорее, чем они.

— Никого нет там! — сказал я.

— Ты слеп больше меня, старухи. Смотри — вон, тёмный, бежит степью!

Я посмотрел ещё и снова не видел ничего, кроме тени.

— Это тень! Почему ты зовёшь её Ларра?

— Потому что это — он. Он уже стал теперь как тень, — пора! Он живёт тысячи лет, солнце высушило его тело, кровь и кости, и ветер распылил их. Вот что может сделать Бог с человеком за гордость!..

— Расскажи мне, как это было! — попросил я старуху, чувствуя впереди одну из славных сказок, сложенных в степях.

И она рассказала мне эту сказку.

«Многие тысячи лет прошли с той поры, когда случилось это. Далеко за морем, на восход солнца, есть страна большой реки, в той стране каждый древесный лист и стебель травы даёт столько тени, сколько нужно человеку, чтоб укрыться в ней от солнца, жестоко жаркого там.

Вот такая щедрая земля в той стране!

Там жило могучее племя людей, они пасли стада и на охоту за зверями тратили свою силу и мужество, пировали после охоты, пели песни и играли с девушками.

Однажды, во время пира, одну из них, черноволосую и нежную, как ночь, унёс орёл, спустившись с неба. Стрелы, пущенные в него мужчинами, упали, жалкие, обратно на землю. Тогда пошли искать девушку, но — не нашли её. И забыли о ней, как забывают обо всём на земле».

Старуха вздохнула и замолчала. Её скрипучий голос звучал так, как будто это роптали все забытые века, воплотившись в её груди тенями воспоминаний. Море тихо вторило началу одной из древних легенд, которые, может быть, создались на его берегах.

«Но через двадцать лет она сама пришла, измученная, иссохшая, а с нею был юноша, красивый и сильный, как сама она двадцать лет назад. И, когда её спросили, где была она, она рассказала, что орёл унёс её в горы и жил с нею там, как с женой. Вот его сын, а отца нет уже; когда он стал слабеть, то поднялся в последний раз высоко в небо и, сложив крылья, тяжело упал оттуда на острые уступы горы, насмерть разбился о них...

Все смотрели с удивлением на сына орла и видели, что он ничем не лучше их, только глаза его были холодны и горды, как у царя птиц. И разговаривали с ним, а он отвечал, если хотел, или молчал, а когда пришли старейшие племени, он говорил с ними, как с равными себе. Это оскорбило их, и они, назвав его неоперённой стрелой с неотточенным наконечником, сказали ему, что их чтут, им повинуются тысячи таких, как он, и тысячи вдвое старше его. А он, смело глядя на них, отвечал, что таких, как он, нет больше; и если все чтут их — он не хочет делать этого. О!.. тогда уже совсем рассердились они. Рассердились и сказали:

— Ему нет места среди нас! Пусть идёт куда хочет.

Он засмеялся и пошёл, куда захотелось ему, — к одной красивой девушке, которая пристально смотрела на него; пошёл к ней и,

подойдя, обнял её. А она была дочь одного из старшин, осудивших его. И, хотя он был красив, она оттолкнула его, потому что боялась отца. Она оттолкнула его, да и пошла прочь, а он ударил её и, когда она упала, встал ногой на её грудь, так, что из её уст кровь брызнула к небу, девушка, вздохнув, извилась змеей и умерла.

Всех, кто видел это, оковал страх, — впервые при них так убивали женщину. И долго все молчали, глядя на неё, лежавшую с открытыми глазами и окровавленным ртом, и на него, который стоял один против всех, рядом с ней, и был горд, — не опустил своей головы, как бы вызывая на неё кару. Потом, когда одумались, то схватили его, связали и так оставили, находя, что убить сейчас же — слишком просто и не удовлетворит их».

Ночь росла и крепла, наполняясь странными, тихими звуками. В степи печально посвистывали суслики, в листве винограда дрожал стеклянный стрекот кузнечиков, листва вздыхала и шепталась, полный диск луны, раньше кроваво-красный, бледнел, удаляясь от земли, бледнел и всё обильнее лил на степь голубоватую мглу...

«И вот они собрались, чтобы придумать казнь, достойную преступления... Хотели разорвать его лошадьми — и это казалось мало им; думали пустить в него всем по стреле, но отвергли и это; предлагали сжечь его, но дым костра не позволил бы видеть его мучений; предлагали много — и не находили ничего настолько хорошего, чтобы понравилось всем. А его мать стояла перед ними на коленях и молчала, не находя ни слёз, ни слов, чтобы умолять о пощаде. Долго говорили они, и вот один мудрец сказал, подумав долго:

— Спросим его, почему он сделал это? Спросили его об этом. Он сказал:

— Развяжите меня! Я не буду говорить связанный! А когда развязали его, он спросил:

— Что вам нужно? — спросил так, точно они были рабы...

— Ты слышал... — сказал мудрец.

— Зачем я буду объяснять вам мои поступки?

— Чтоб быть понятым нами. Ты, гордый, слушай! Всё равно ты умрёшь ведь... Дай же нам понять то, что ты сделал. Мы остаёмся жить, и нам полезно знать больше, чем мы знаем...

— Хорошо, я скажу, хотя я, может быть, сам неверно понимаю то, что случилось. Я убил её потому, мне кажется, — что меня оттолкнула она... А мне было нужно её.

— Но она не твоя! — сказали ему.

— Разве вы пользуетесь только своим? Я вижу, что каждый человек имеет только речь, руки и ноги... а владеет он животными, женщинами, землёй... и многим ещё...

Ему сказали на это, что за всё, что человек берёт, он платит собою: своим умом и силой, иногда — жизнью. А он отвечал, что он хочет сохранить себя целым.

Долго говорили с ним и наконец увидели, что он считает себя первым на земле и, кроме себя, не видит ничего. Всем даже страшно стало, когда поняли, на какое одиночество он обрекал себя. У него не было ни племени, ни матери, ни скота, ни жены, и он не хотел ничего этого.

Когда люди увидели это, они снова принялись судить о том, как наказать его. Но теперь недолго они говорили — тот, мудрый, не мешавший им судить, заговорил сам:

— Стойте! Наказание есть. Это страшное наказание; вы не выдумаете такого в тысячу лет! Наказание ему — в нём самом! Пустите его, пусть он будет свободен. Вот его наказание!

И тут произошло великое. Грянул гром с небес, — хотя на них не было туч. Это силы небесные подтверждали речь мудрого. Все поклонились и разошлись. А этот юноша, который теперь получил имя Ларра, что значит: отверженный, выкинутый вон, — юноша громко смеялся вслед людям, которые бросили его, смеялся, оставаясь один, свободный, как отец его. Но отец его — не был человеком... А этот — был человек. И вот он стал жить, вольный, как птица. Он приходил в племя и похищал скот, девушек — всё, что хотел. В него стреляли, но стрелы не могли пронзить его тела, закрытого невидимым покровом высшей кары. Он был ловок, хищен, силен, жесток и не встречался с людьми лицом к лицу. Только издали видели его. И долго он, одинокий, так вился около людей, долго — не один десяток годов. Но вот однажды он подошёл близко к людям и, когда они бросились на него, не тронулся с места и ничем не показал, что будет защищаться. Тогда один из людей догадался и крикнул громко:

— Не троньте его. Он хочет умереть!

И все остановились, не желая облегчить участь того, кто делал им зло, не желая убивать его. Остановились и смеялись над ним.

А он дрожал, слыша этот смех, и всё искал чего-то на своей груди, хватаясь за неё руками. И вдруг он бросился на людей, подняв камень. Но они, уклоняясь от его ударов, не нанесли ему ни одного, и когда он, утомлённый, с тоскливым криком упал на землю, то отошли в сторону и наблюдали за ним. Вот он встал и, подняв потерянный кем-то в борьбе с ним нож, ударил им себя в грудь. Но сломался нож — точно в камень ударили им. И снова он упал на землю и долго бился головой об неё. Но земля отстранялась от него, углублялась от ударов его головы.

— Он не может умереть! — с радостью сказали люди.

И ушли, оставив его. Он лежал кверху лицом и видел — высоко в небе чёрными точками плавали могучие орлы. В его глазах было столько тоски, что можно было бы отравить ею всех людей мира. Так, с той поры остался он один, свободный, ожидая смерти. И вот он ходит, ходит повсюду... Видишь, он стал уже как тень и таким будет вечно! Он не понимает ни речи людей, ни их поступков — ничего. И всё ищет, ходит, ходит... Ему нет жизни, и смерть не улыбается ему. И нет ему места среди людей... Вот как был поражён человек за гордость!»

Старуха вздохнула, замолчала, и её голова, опустившись на грудь, несколько раз странно качнулась.

Я посмотрел на неё. Старуху одолевал сон, показалось мне. И стало почему-то страшно жалко её. Конец рассказа она вела таким возвышенным, угрожающим тоном, а всё-таки в этом тоне звучала боязливая, рабская нота.

На берегу запели, — странно запели. Сначала раздался контральто, — он пропел две-три ноты, и раздался другой голос, начавший песню сначала, а первый всё лился впереди его... — третий, четвёртый, пятый вступили в песню в том же порядке. И вдруг ту же песню, опять-таки сначала, запел хор мужских голосов.

Каждый голос женщины звучал совершенно отдельно, все они казались разноцветными ручьями и, точно скатываясь откуда-то сверху по уступам, прыгая и звеня, вливаясь в густую волну мужских голосов, плавно лившуюся кверху, тонули в ней, вырывались из неё, заглушали её и снова один за другим взвивались, чистые и сильные, высоко вверх.

Шума волн не слышно было за голосами...

1. Отвечая на вопросы, размещённые ниже, заполняйте цитатами соответствующую графу в таблице «Сравнительная характеристика Ларры и Данко»:

Критерий для сравнения	Ларра	Данко
Происхождение		
Общая оценка внешности		
Глаза		
Отношение к окружающим		
Поступки		
Отношение к герою окружающих		
Жизненный финал		
Символическое значение образа		

2. Перескажите историю появления на свет Ларры. Важна ли она для понимания его характера?
3. Какие детали во внешности героя отмечает старуха Изергиль?
4. Что лежит в основе конфликта Ларры и людей? Как разрешается этот конфликт?
5. Объясните, почему наказанием для Ларры стали одиночество и бессмертие — то, к чему стремятся многие люди сознательно. Соответствует ли наказание проступку героя?

II

— Слышал ли ты, чтоб где-нибудь ещё так пели? — спросила Изергиль, поднимая голову и улыбаясь беззубым ртом.

— Не слыхал. Никогда не слыхал...

— И не услышишь. Мы любим петь. Только красавцы могут хорошо петь, — красавцы, которые любят жить. Мы любим жить. Смотри-ка, разве не устали за день те, которые поют там? С восхода по закат работали, взошла луна, и уже — поют! Те, которые не умеют жить, легли бы спать. Те, которым жизнь мила, вот — поют.

— Но здоровье... — начал было я.

— Здоровья всегда хватит на жизнь. Здоровье! Разве ты, имея деньги, не тратил бы их? Здоровье — то же золото. Знаешь ты, что

я делала, когда была молодой? Я ткала ковры с восхода по закат, не вставая почти. Я, как солнечный луч, живая была и вот должна была сидеть неподвижно, точно камень. И сидела до того, что, бывало, все кости у меня трещат. А как придёт ночь, я бежала к тому, кого любила, целоваться с ним. И так я бегала три месяца, пока была любовь; все ночи этого времени бывала у него. И вот до какой поры дожила — хватило крови! А сколько любила! Сколько поцелуев взяла и дала!..

<...> С моря поднималась туча — чёрная, тяжёлая, суровых очертаний, похожая на горный хребет. Она ползла в степь. С её вершины срывались клочья облаков, неслись вперёд её и гасили звёзды одну за другой. Море шумело. Недалеко от нас, в лозах винограда, целовались, шептали и вздыхали. Глубоко в степи выла собака... Воздух раздражал нервы странным запахом, щекотавшим ноздри. От облаков падали на землю густые стаи теней и ползли по ней, ползли, исчезали, являлись снова... На месте луны осталось только мутное опаловое пятно, иногда его совсем закрывал сизый клочок облака. И в степной дали, теперь уже чёрной и страшной, как бы притаившейся, скрывшей в себе что-то, вспыхивали маленькие голубые огоньки. То там, то тут они на миг являлись и гасли, точно несколько людей, рассыпавшихся по степи далеко друг от друга, искали в ней что-то, зажигая спички, которые ветер тотчас же гасил. Это были очень странные голубые языки огня, намекавшие на что-то сказочное.

— Видишь ты искры? — спросила меня Изергиль.

— Вон те, голубые? — указывая ей на степь, сказал я.

— Голубые? Да, это они... Значит, летают всё-таки? Ну-ну...

Я уж вот не вижу их больше. Не могу я теперь многого видеть.

— Откуда эти искры? — спросил я старуху.

Я слышал кое-что раньше о происхождении этих искр, но мне хотелось послушать, как расскажет о том же старая Изергиль.

— Эти искры от горящего сердца Данко. Было на свете сердце, которое однажды вспыхнуло огнём... И вот от него эти искры. Я расскажу тебе про это... Тоже старая сказка... Старое, всё старое! Видишь ты, сколько в старине всего?.. А теперь вот нет ничего такого — ни дел, ни людей, ни сказок таких, как в старину... Почему?.. Ну-ка, скажи! Не скажешь... Что ты знаешь? Что все вы знаете, молодые? Эхе-хе!.. Смотрели бы в старину зорко — там все отгадки

найдутся... А вот вы не смотрите и не умеете жить оттого... Я не вижу разве жизнь? Ох, всё вижу, хоть и плохи мои глаза! И вижу я, что не живут люди, а всё примеряются, примеряются и кладут на это всю жизнь. И когда обворуют сами себя, истратив время, то начнут плакаться на судьбу. Что же тут — судьба? Каждый сам себе судьба! Всяких людей я нынче вижу, а вот сильных нет! Где ж они?.. И красавцев становится всё меньше.

Старуха задумалась о том, куда девались из жизни сильные и красивые люди, и, думая, осматривала тёмную степь, как бы ища в ней ответа.

Я ждал её рассказа и молчал, боясь, что, если спрошу её о чём-либо, она опять отвлечётся в сторону.

И вот она начала рассказ.

III

«Жили на земле в старину одни люди, непроходимые леса окружали с трёх сторон таборы этих людей, а с четвёртой — была степь. Были это весёлые, сильные и смелые люди. И вот пришла однажды тяжёлая пора: явились откуда-то иные племена и прогнали прежних в глубь леса. Там были болота и тьма, потому что лес был старый, и так густо переплелись его ветви, что сквозь них не видать было неба, и лучи солнца едва могли пробить себе дорогу до болот сквозь густую листву. Но когда его лучи падали на воду болот, то подымался смрад, и от него люди гибли один за другим. Тогда стали плакать жёны и дети этого племени, а отцы задумались и впали в тоску. Нужно было уйти из этого леса, и для того были две дороги: одна — назад, — там были сильные и злые враги, другая — вперёд, — там стояли великаны-деревья, плотно обняв друг друга могучими ветвями, опутив узловатые корни глубоко в цепкий ил болота. Эти каменные деревья стояли молча и неподвижно днём в сером сумраке и ещё плотнее сдвигались вокруг людей по вечерам, когда загорались костры. И всегда, днём и ночью, вокруг тех людей было кольцо крепкой тьмы, оно точно собиралось раздавить их, а они привыкли к степному простору. А ещё страшней было, когда ветер бил по вершинам деревьев и весь лес глухо гудел, точно грозил и пел похоронную песню тем людям. Это были всё-таки сильные люди, и могли бы они пойти биться насмерть с теми, что однажды победили их, но они не могли умереть в боях, потому что у них были

заветы¹, и коли б умерли они, то пропали б с ними из жизни и заветы. И потому они сидели и думали в длинные ночи, под глухой шум леса, в ядовитом смраде болота. Они сидели, а тени от костров прыгали вокруг них в безмолвной пляске, и всем казалось, что это не тени пляшут, а торжествуют злые духи леса и болота... Люди всё сидели и думали. Но ничто — ни работа, ни женщины не изнуряют тела и души людей так, как изнуряют тоскливые думы. И ослабили люди от дум... Страх родился среди них, сковал им крепкие руки, ужас родили женщины плачем над трупами умерших от смрада и над судьбой скованных страхом живых, — и трусливые слова стали слышны в лесу, сначала робкие и тихие, а потом всё громче и громче... Уже хотели идти к врагу и принести ему в дар волю свою, и никто уже, испуганный смертью, не боялся рабской жизни... Но тут явился Данко и спас всех один».

Старуха, очевидно, часто рассказывала о горящем сердце Данко. Она говорила певуче, и голос её, скрипучий и глухой, ясно рисовал предо мной шум леса, среди которого умирали от ядовитого дыхания болота несчастные, загнанные люди.

«Данко — один из тех людей, молодой красавец. Красивые — всегда смелы. И вот он говорит им, своим товарищам:

— Не своротить камня с пути думою. Кто ничего не делает, с тем ничего не станется. Что мы тратим силы на думу да тоску? Вставайте, пойдём в лес и пройдем его сквозь, ведь имеет же он конец — всё на свете имеет конец! Идёмте! Ну! Гей!..

Посмотрели на него и увидали, что он лучший из всех, потому что в очах его светилось много силы и живого огня.

— Веди ты нас! — сказали они. Тогда он повёл...»

Старуха помолчала и посмотрела в степь, где всё густела тьма. Искорки горящего сердца Данко вспыхивали где-то далеко и казались голубыми воздушными цветами, расцветая только на миг.

«Повёл их Данко. Дружно все пошли за ним — верили в него. Трудный путь это был! Темно было, и на каждом шагу болото разевало свою жадную гнилую пасть, глотая людей, и деревья заступали дорогу могучей стеной. Переплелись их ветки между собой; как змеи, протянулись всюду корни, и каждый шаг много стоил пота и крови тем людям. Долго шли они... Всё гуще становился

¹ *Завёт* — наставление, совет последователям, потомкам.

лес, всё меньше было сил! И вот стали роптать на Данко, говоря, что напрасно он, молодой и неопытный, повёл их куда-то. А он шёл впереди их и был бодр и ясен.

Но однажды гроза грянула над лесом, зашептали деревья глухо, грозно. И стало тогда в лесу так темно, точно в нём собрались сразу все ночи, сколько их было на свете с той поры, как он родился. Шли маленькие люди между больших деревьев и в грозном шуме молний, шли они, и, качаясь, великаны-деревья скрипели и гудели сердитые песни, а молнии, летая над вершинами леса, освещали его на минутку синим, холодным огнём и исчезали так же быстро, как являлись, пугая людей. И деревья, освещённые холодным огнём молний, казались живыми, простирающими вокруг людей, уходивших из плена тьмы, корявые, длинные руки, сплетая их в густую сеть, пытались остановить людей. А из тьмы ветвей смотрело на идущих что-то страшное, тёмное и холодное. Это был трудный путь, и люди, утомлённые им, пали духом. Но им стыдно было сознаться в бессилии, и вот они в злобе и гнев обрушились на Данко, человека, который шёл впереди их. И стали они упрекать его в неумении управлять ими, — вот как!

Остановились они и под торжествующий шум леса, среди дрожащей тьмы, усталые и злые, стали судить Данко.

— Ты, — сказали они, — ничтожный и вредный человек для нас! Ты повёл нас и утомил, и за это ты погибнешь!

— Вы сказали: “Веди!” — и я повёл! — крикнул Данко, становясь против них грудью. — Во мне есть мужество вести, вот потому я повёл вас! А вы? Что сделали вы в помощь себе? Вы только шли и не умели сохранить силы на путь более долгий! Вы только шли, шли, как стадо овец!

Но эти слова разъярили их ещё более.

— Ты умрёшь! Ты умрёшь! — ревели они.

А лес всё гудел и гудел, вторя их крикам, и молнии разрывали тьму в клочья. Данко смотрел на тех, ради которых он понёс труд, и видел, что они — как звери. Много людей стояло вокруг него, но не было на лицах их благородства, и нельзя было ему ждать пощады от них. Тогда и в его сердце вскипело негодование, но от жалости к людям оно погасло. Он любил людей и думал, что, может быть, без него они погибнут. И вот его сердце вспыхнуло огнём желания спасти их, вывести на лёгкий путь, и тогда в его очах засверкали

И. М. Тондзе.
Легенда о Данко

лучи того могучего огня... А они, увидав это, подумали, что он расвирепел, отчего так ярко и разгорелись очи, и они насторожились, как волки, ожидая, что он будет бороться с ними, и стали плотнее окружать его, чтобы легче им было схватить и убить Данко. А он уже понял их думу, оттого ещё ярче загорелось в нём сердце, ибо эта их дума родила в нём тоску.

А лес всё пел свою мрачную песню, и гром гремел, и лил дождь...

— Что сделаю я для людей?! — сильнее грома крикнул Данко.

И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из неё своё сердце и высоко поднял его над головой.

Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещённый этим факелом великой любви к людям, а тьма разлетелась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зев болота. Люди же, изумлённые, стали как камни.

— Идём! — крикнул Данко и бросился вперёд на своё место, высоко держа горящее сердце и освещая им путь людям.

Они бросились за ним, очарованные. Тогда лес снова зашумел, удивлённо качая вершинами, но его шум был заглушён топотом бегущих людей. Все бежали быстро и смело, увлекаемые чудесным зрелищем горящего сердца. И теперь гибли, но гибли без жалоб и слёз. А Данко всё был впереди, и сердце его всё пылало, пылало!

И вот вдруг лес расступился перед ним, расступился и остался сзади, плотный и немой, а Данко и все те люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, промытого дождём. Гроза была — там, сзади них, над лесом, а тут сияло солнце, вздыхала степь, блестела трава в брильянтах дождя и золотом сверкала река... Был вечер, и от лучей заката река казалась красной, как та кровь, что била горячей струёй из разорванной груди Данко.

Кинул взор вперёд себя на ширь степи гордый смельчак Данко, — кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и — умер.

Люди же, радостные и полные надежд, не заметили смерти его и не видали, что ещё пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце. Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой... И вот оно, рассыпавшись в искры, угасло...»

— Вот откуда они, голубые искры степи, что являются перед грозой!

Теперь, когда старуха кончила свою красивую сказку, в степи стало страшно тихо, точно и она была поражена силой смельчака Данко, который сжёг для людей своё сердце и умер, не прося у них ничего в награду себе. Старуха дремала. Я смотрел на неё и думал: «Сколько ещё сказок и воспоминаний осталось в её памяти?» И думал о великом горящем сердце Данко и о человеческой фантазии, создавшей столько красивых и сильных легенд.

Дунул ветер и обнажил из-под лохмотьев сухую грудь старухи Изергиль, засыпавшей всё крепче. Я прикрыл её старое тело и сам лёг на землю около неё. В степи было тихо и темно. По небу всё ползли тучи, медленно, скучно... Море шумело глухо и печально.

1895

1. Используя слова и выражения из текста, расскажите о внешнем облике Данко. Отвечая на вопросы, продолжите заполнение таблицы (с. 181).
2. Проследите по тексту, как в пути складываются отношения между Данко и толпой. Объясните, почему люди «посмотрели на него и увидели, что он лучший из них».
3. Найдите в тексте ответ на вопрос, почему люди стали роптать на Данко, и объяснение, почему люди «в гневе обрушились на Данко». Какие чувства испытывал Данко к людям?
4. Рассмотрите иллюстрации И. М. Тоидзе (с. 186) и К. В. Безбородова (см. форзац 3). Кто из художников, по вашему мнению, более точно изобразил Данко?

5. Групповая работа. Оцените поступок, совершённый Данко, с позиции толпы (группа 1), «осторожного человека» (группа 2), рассказчика (группа 3) и старухи Изергиль (группа 4).
6. Сравните обе легенды. Установите, чем они похожи и чем различаются. В чём смысл противопоставления Ларры и Данко?
7. В какое время суток и где рассказчик услышал обе легенды? Могли ли быть рассказаны эти истории в другой обстановке? Докажите, что природа — действующее лицо в рассказе.

8. Какие образы-символы присутствуют в произведении? Составьте их список и дайте толкование каждому.
9. Как определяет жанр своих историй старуха Изергиль? Представьте себя литературоведом-критиком: как бы вы определили жанр этих фрагментов? Докажите письменно своё мнение.
10. На какую библейскую историю похожа легенда о Данко? Сравните их, кратко сформулируйте сходства и различия между героями, сюжетом и идеей произведений.

Ритм в прозе

В раннем творчестве Максима Горького наблюдается смешение реализма и романтизма. Его произведения обычно реалистические по сюжету и содержанию, но в них широко использован контраст, действуют романтические герои, присутствуют образы-символы и романтический пафос. Литературоведы указывают также на наличие ритма в ранних рассказах Горького.

Ритм в прозе — присутствие в прозе повторяющихся ритмических отрезков. Иногда ритмообразующими элементами считают повтор образов, тем и других элементов текста, употребление предложений с однородными членами, специфическое расположение определений внутри одного предложения.

Вот так, например, будет выглядеть фрагмент из «Песни о Соколе» Горького, если разбить его на стопы, как в стихотворении: «Высо/ко в го/ры// вполз Уж/ и лёг/ там // в сыром/ уще/лье,// свернув/шись в у/зел// и гля/дя в мо/ре». Не обязательно всё прозаическое произведение пронизывает ритм. В рассказе «Старуха Изергиль» он определяется иначе: «И вдруг он разорвал руками себе грудь// и вырвал из неё своё сердце //и высоко поднял его над головой». Повтор союза *и*, одинаковое построение отрывков фразы создают ритм в этом фрагменте.

1. Выпишите фрагмент из рассказа «Старуха Изергиль», в котором, на ваш взгляд, присутствует ритм. Укажите те элементы построения фразы (предложения), которые образуют этот ритм. Ответьте письменно, что придаёт выбранному вами фрагменту наличие в нём ритма.

Литература первой половины XX века

В начале XX века во многих сферах жизни произошли изменения, существенным образом повлиявшие на жизнь всего человечества (табл. 5).

Таблица 5

Важнейшие научно-технические достижения и исторические события конца XIX — начала XX века

Сфера человеческой деятельности	Основные открытия/события
Физика	1900 год — М. Планк открыл мельчайшие частицы — кванты и фотоны, с помощью которых А. Эйнштейн объяснил природу света. 1895 год — открытие рентгеновского излучения (X-лучей) В. Рентгеном. 1896 год — открыта радиоактивность. 1905 год — А. Эйнштейн обосновал теорию относительности, которая объяснила, например, суть гравитации
Астрономия	1903 год — К. Циолковский заложил начало ракетодинамике, в 1911 году он же вычислил вторую космическую скорость. 1915 год — К. Шварцшильд предсказал существование чёрных дыр
География	1912 год — А. Вегенер обосновал теорию дрейфа материков
Биология и медицина	1901 год — К. Ландштейнер открыл 4 группы крови, стало возможным правильное переливание крови человеку. 1922 год — Ф. Бантинг получил инсулин. 1929 год — П. Флемминг открыл первый антибиотик — пенициллин

Сфера человеческой деятельности	Основные открытия/события
Техника	1896 год — Г. Марконе запатентовал радиотелеграф, одновременно в этой области работал А. С. Попов. 1903 год — братья Райт создали самолёт, его первый полёт продолжался 12 секунд. 1907 год — Б. Л. Розинг запатентовал лучевую трубку — основной элемент телевизора. 1910 год — А. Фишер запатентовал электрическую стиральную машину. 1912 год — первый прыжок с парашютом с самолёта
Исторические события	Русско-японская война (1904—1905). Первая русская революция (1905—1907). Февральская и Октябрьская революции 1917 года в России. Первая мировая война (1914—1918). Гражданская война в России (1917—1922)

В искусстве возникают новые способы создания художественной действительности, формируется «новое искусство» — модернизм.

Модернизм (от лат. *modern* — новый, современный) — новое направление, сложившееся во всех видах искусства в конце XIX — начале XX века. Этим термином объединяется ряд течений в литературе, живописи, музыке: символизм, экспрессионизм, авангардизм и др.

Самыми видными представителями разных течений модернизма в русской литературе начала XX века были А. А. Блок, В. В. Маяковский, Б. Л. Пастернак, Н. С. Гумилёв, А. А. Ахматова и др. Их писательская деятельность была настолько плодотворной и новой, что исследователи сопоставили по значимости в развитии литературы начало XX века с началом XIX и назвали первые десятилетия нового столетия Серебряным веком.

1. По материалам таблицы 5 подготовьте устное сообщение (презентацию). Подумайте, как открытия науки могли повлиять на развитие искусства в начале XX века.
2. Рассмотрите форзац 4. Какие течения в живописи представляют размещённые здесь картины? Какие из течений модернизма существовали и в живописи, и в литературе?

Владимир Владимирович МАЯКОВСКИЙ

1893—1930

Я поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу.

В. В. Маяковский

Б. Л. Пастернак, поэт и современник, так описывал В. В. Маяковского: «...красивый, мрачного вида юноша с басом протодиакона и кулаком боксёра, неистоимо, убийственно остроумный, нечто среднее между мифическим героем Александра Грина и испанским тореадором». «Грубый гунн», «горлан» — писал о себе Маяковский, и современники воспринимали его как литературного хулигана. Но Максим Горький сразу разглядел тонкую, ранимую душу поэта: «Такой талантливый! Грубый? Это от застенчивости. Знаю по себе». Внимательный читатель за громкими необычными стихами, которые прошли сквозь «громаду лет», почувствует трепетную «бабочку поэтиного сердца». В стихах Маяковский неоднократно подчеркнёт своё одиночество, противопоставив авторское «я» миру обывателей и злобной толпе.

1. Ознакомьтесь с автобиографией В. В. Маяковского «Я сам». Какие факты из жизни поэта вас поразили? Расскажите о них в классе.

В октябре 1919 года в Российское телеграфное агентство (РОСТА) приходит работать 25-летний поэт Маяковский. Два с половиной года он рисует агитационные плакаты, придумывает меткие подписи к ним, создавая оригинальный жанр плакатного искусства — «Окна сатиры РОСТА». Маяковский называл их фантастической вещью. Газет и журналов было мало, поэтому плакаты «Окон РОСТА» заменяли их. Маяковский ежедневно рано утром, с рассветом, уезжал на дачном поезде в город, а возвращался поздно, когда солнце садилось. Эти впечатления отразились в «Необычайном приключении...».

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ, БЫВШЕЕ С ВЛАДИМИРОМ МАЯКОВСКИМ ЛЕТОМ НА ДАЧЕ

*(Пушкино, Акулова гора, дача Румянцева,
27 вёрст по Ярославской жел. дор.)*

В сто сорок солнц закат пылал,
в июль катилось лето,
была жара,
жара плыла —
на даче было это.
Пригорок Пушкино горбил
Акуловой горою,
а низ горы —
деревней был,
кривился крыш корою.
А за деревнею —
дыра,
и в ту дыру, наверно,
спускалось солнце каждый раз,
медленно и верно.
А завтра
снова
мир залить
вставало солнце ало.
И день за днём
ужасно злить
меня
вот это
стало.
И так однажды разозлясь,
Что в страхе всё поблекло,
в упор я крикнул солнцу:
«Слазь!
довольно шлаться в пекло!»
Я крикнул солнцу:
«Дармоед!

занежен в облака ты,
а тут — не знай ни зим,
ни лет,
сиди, рисуй плакаты!»
Я крикнул солнцу:
«Погоди!
послушай, златолобо,
чем так,
без дела заходить,
ко мне
на чай зашло бы!»
Что я наделал!
Я погиб!

А. А. Дейнека.
Владимир Маяковский в РОСТА

Ил. Д. Д. Бурлюка

Ко мне,
по доброй воле,
само,
раскинув луч-шаги,
шагает солнце в поле.
Хочу испуг не показать —
и ретируюсь¹ задом.
Уже в саду его глаза.
Уже проходит садом.
В окошки,
в двери,
в щель войдя,
ввалилась солнца масса,
ввалилось;
дух перевода,
заговорило басом:
«Гоню обратно я огни
впервые с сотворенья.
Ты звал меня?
Чай гони,
Гони, поэт, варенье!»

¹ Рети́руюсь — отступаю.

² Ясь — здесь: ясность.

³ Степе́нность — рассудительность, серьёзность.

Слеза из глаз у самого —
жара с ума сводила,
но я ему —
на самовар:
«Ну что ж,
садись, светило!»
Чёрт дёрнул дерзости мои
орать ему, —
сконфужен,
я сел на уголок скамьи,
боюсь — не вышло б хуже!
Но странная из солнца ясь²
струилась, —
и степенность³
забыв,
сизжу, разговорясь
с светилом постепенно.
Про то,
про это говорю,
что-де заела РОСТА,
а солнце:
«Ладно,
не горюй,
смотри на вещи просто!
А мне, ты думаешь,
светить
легко?
— Поди попробуй! —
А вот идёшь —
взялось идти,
идёшь — и светишь в оба!»
Болтали так до темноты —
до бывшей ночи то есть.
Какая тьма уж тут?

На «ты»
 мы с ним, совсем освоюсь.
 И скоро,
 дружбы не тая,
 бью по плечу его я.
 А солнце тоже:
 «Ты да я,
 Нас, товарищ, двое!
 Пойдём, поэт,
 взорим,
 вспоём
 у мира в сером хламе.
 Я буду солнце лить своё,
 а ты — своё,
 стихами».
 Стена теней,
 ночей тюрьма

под солнц двустволкой пала.
 Стихов и света кутерьма —
 сияй во что попало!
 Устанет то,
 и хочет ночь
 прилечь,
 тупая сонница.
 Вдруг — я
 во всю светаю мочь —
 и снова день трезвонится.
 Светить всегда,
 светить везде,
 до дней последних донца,
 светить —
 и никаких гвоздей!
 Вот лозунг мой —
 и солнца!

1920

1. Что может удивить читателя в заглавии и подзаголовке стихотворения? Какими особенностями может обладать произведение с таким началом?
2. Составьте цитатный план стихотворения, определив в нём экспозицию, завязку, кульминацию и развязку. Перескажите кратко произведение.
3. Выпишите слова, отражающие изменение отношения поэта к солнцу до чаепития. Почему сначала используются резкие, грубые слова?
4. Можно ли считать разговор солнца с поэтом кульминацией стихотворения? Как чувствует себя поэт в удивительном соседстве? С помощью каких деталей фантастическая ситуация приобретает оттенок обыденности?
5. О чём говорят поэт и солнце? Почему они так легко нашли общий язык?
6. Какие художественные приёмы для создания образа солнца использовал поэт? Выпишите примеры олицетворения, гиперболы, метафоры, сравнения. Объясните их роль.
7. Рассмотрите иллюстрацию на с. 193. Какие из выписанных выражений наиболее подходят к ней? В какой цветовой гамме вы бы оформили иллюстрацию Д. Д. Бурлюка?
8. Подготовьтесь к выразительному чтению стихотворения, учитывая информацию, помещённую ниже.

Сам Маяковский, читая это стихотворение со сцены, старался не повышать голоса, произносил слова и фразы, адресованные солнцу, спокойно, с едва заметным пренебрежением.

9. Определите, кто и почему в стихотворении сравнивает поэзию и солнце. В чём Маяковский видит свой общественный долг и как понимает предназначение поэзии?

Однажды В. В. Маяковский стал свидетелем уличного происшествия, нередкого в голодающей Москве 1918 года: обессиленная лошадь упала на обледеневшую мостовую.

9 июня 1918 года в московском издании газеты «Новая жизнь» № 8 было напечатано стихотворение В. В. Маяковского «Хорошее отношение к лошадям».

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ЛОШАДЯМ

Били копыта.

Пели будто:

— Гриб.

Грабь.

Гроб.

Груб. —

Ветром опита,

льдом обута,

улица скользила.

Лошадь на круп¹

грохнулась,

и сразу

за зевакой зевака,

штаны пришедшие Кузнецким²
клёшить³,

сгрудились,

смех зазвенел и зазвякал:

— Лошадь упала! —

— Упала лошадь! —

Смеялся Кузнецкий.

Лишь один я

голос свой не вмешивал в вой
ему.

Подошёл

и вижу

глаза лошадиные...

¹ *Круп* — задняя часть туловища.

² *Кузнёцкий мост* — улица в Москве.

³ *Клёшить* — неологизм Маяковского, от *клёш* — широкие книзу брюки; употреблено в значении «гулять».

Улица опрокинулась,
течёт по-своему...
Подошёл и вижу —
за каплицей каплица
по морде катится,
прячется в шерсти...

И какая-то общая
звериная тоска плеча
вылилась из меня
и расплылась в шелесте.
«Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте —
чего вы думаете, что вы их плоше?
Деточка,
все мы немножко лошади,
каждый из нас по-своему лошадь».
Может быть, — старая —
и не нуждалась в няньке,
может быть, и мысль ей моя
казалась пошла¹,
только
лошадь
рванулась,
встала на ноги,
ржанула
и пошла.

Ил. А. Г. Тышлера

Хвостом помахивала,
рыжий ребёнок.
Пришла весёлая,
стала в стойло.
И всё ей казалось —
она жеребёнок,
и стоило жить,
и работать стоило.

1918

1. О каком происшествии рассказано в стихотворении? Есть ли в нём черты эпохи первых лет после Октябрьской революции 1917 года?
2. Что необычного в построении стихотворной строки? Для чего автор использовал форму «лесенки»? Какие ассоциации вызывает у вас звучание этих строк?

¹ *Пошла́* — краткая форма прилагательного *по́шлый*.

3. Какие художественные средства помогают автору передать стук копыт по мостовой? Найдите другие повторяющиеся согласные. Какие ещё звуки городской жизни присутствуют в стихотворении?
4. Почему дважды употреблено выражение «Подошёл и вижу...»? Что отличает лирического героя от толпы зевак? Что увидел он и почему этого не заметили другие?
5. Перечитайте слова, обращённые к лошади. Произносятся ли они вслух? Какими средствами создаётся интонация искреннего сочувствия к лошади?
6. Как и почему изменилась лошадь в конце стихотворения? Почему упавшая лошадь ощутила себя рыжим жеребёнком?
7. Какие три смысловые части можно выделить в стихотворении? Какой образ в каждой из них будет ключевым? Обобщите свои наблюдения над стихотворением, заполнив таблицу:

Критерий для описания	«Лошадь упала»	«Глаза лошадиные»	«Лошадь пошла»
Ключевой образ			
Средства создания ключевого образа (с примерами)			
Эмоциональное наполнение образа			
Отношение к образу			

8. Рассмотрите иллюстрацию А. Г. Тышлера на с. 196. Какому эпизоду стихотворения Маяковского она соответствует? Какие строки из текста можно использовать для заголовка к рисунку? Есть ли у поэта и художника сходство в использовании средств для создания образа лошади?
9. Письменно порассуждайте над словами В. В. Маяковского: «...Все мы немножко лошади, каждый из нас по-своему лошадь». В какой жизненной ситуации правомерно подобное сопоставление?
10. Найдите и самостоятельно прочитайте произведения о лошадях других авторов (классиков и наших современников). Сравните их со стихотворением В. В. Маяковского по тематике, проблематике и/или системе образов.

Средства выразительности и интонационно-ритмические особенности стихотворений В. В. Маяковского

Маяковский буквально ворвался в поэзию в начале XX века, сильно преобразив систему стихосложения. Его стихотворения отличала яркая образность. Он использовал необычные *метафоры* (улица «ветром опита, льдом обута», «ночей тюрьма под солнц двустволкой пала», «улица опрокинулась»), *гиперболы* («в сто сорок солнц закат пылал», «ввалилась солнца масса»), придумывал *новые слова* («занежен в облака», «ясь струилась»), часто применяя при этом увеличительные суффиксы («каплища», «шажище», «адище»).

Стих В. В. Маяковского опирался на *ритм*, созданный не равномерным чередованием ударных и безударных слогов, а смысловым ударением и интонацией. Эту особенность ритма передавала знаменитая *лесенка* Маяковского — особое расположение слов в строке. Строка разрывалась на слове (и даже на его части), её продолжение записывалось с новой строки. Количество слогов в строке утратило ритмообразующее значение.

Большое значение В. В. Маяковский придавал *рифме*. Неповторима оригинальность его рифм: «копыта» — «опита», «будто» — «обута», «за зевакой зевака» — «зазвенел и зазвякал», «лишь один я» — «лошадиные», «в вой ему» — «по-своему», «каплища» — «тоска плеща», «стойло» — «стоило». Даже в них, а также в самом строе стихотворной строки резко проявился *разговорный характер стиха* Маяковского.

1. Пользуясь материалами статьи учебного пособия, составьте схему «Особенности поэзии В. В. Маяковского». Подготовьте на её основании сообщение.

2. Коллективно создайте словарь неологизмов В. В. Маяковского. В словарной статье объясните значение и способ образования неологизма, приведите фрагмент с неологизмом, укажите название произведения и год создания.

3. Выполните задание «Лирическое “я” поэта».

Тема Великой Отечественной войны в русской литературе

Великая Отечественная война (1941—1945) является центральным событием XX века. По сей день она считается самой разрушительной и кровопролитной войной в истории человечества. Возможно, именно поэтому о войне ещё долго будут писать.

Произведения о Великой Отечественной создавались с первых её дней, по горячим следам. С 1941 по 1945 год А. Т. Твардовский писал по главам поэму «Василий Тёркин». Первая повесть о войне «Народ бессмертен» В. С. Гроссмана, пьесы «Русские люди» К. М. Симонова и «Фронт» А. Е. Корнейчука были опубликованы в 1942 году. Тогда же появилась поэма М. И. Алигер «Зоя», несколько позже — «Февральский дневник» О. Ф. Берггольц и др.

Практически сразу были написаны стихотворения, ставшие популярными песнями: «Землянка» А. А. Суркова, «Огонёк» и «В лесу прифронтовом» М. В. Исаковского, «Соловьи» А. И. Фатьянова, «Моя любимая» Е. А. Долматовского и др. Стремясь укрепить боевой дух и веру в победу на первом этапе войны, писатели обратились к публицистике («Родина» А. Н. Толстого, «Слава России» и «Наша Москва» Л. М. Леонова, «Наука ненависти» М. А. Шолохова).

Все эти произведения и многие другие объединяет глубокий патриотизм и стремление передать правду о войне, какой бы трагической и страшной она ни была. А главное — война изображалась как испытание на человечность. Писатели изучали, как ведёт себя человек в экстремальной ситуации, что побуждает одних к подвигу и почему другие становятся предателями.

«Многие из нас будут сражаться с оружием в руках, а многие будут сражаться пером», — в первые дни войны заявил писатель А. А. Фадеев. Так и было в реальности: военными журналистами

были А. Т. Твардовский, М. А. Шолохов, К. М. Симонов. В создании плакатов «Окна ТАСС» принимали участие поэты С. Я. Маршак, Д. Бедный, В. И. Лебедев-Кумач, С. В. Михалков и др.

1418 дней и ночей длилась Великая Отечественная война. Число жертв до сих пор не определено, но это более 30 миллионов жизней. В среднем ежедневно погибало 19 тысяч человек, в час — 800 человек, в минуту — 13.

До Великой Отечественной войны в СССР насчитывалось 2186 писателей и поэтов, 944 человека ушли на фронт, не вернулись с войны — 417.

Многие писатели погибли в боях за Родину, а некоторые пришли в литературу «из окопов»: В. В. Быков, Г. Я. Бакланов, Ю. В. Бондарев и др.

1. Расскажите, каким образом поэты и писатели внесли свой вклад в общую победу над фашизмом.
2. Вспомните книги о Великой Отечественной войне, которые вы читали раньше. О каких эпизодах войны рассказывалось в них? Кто был их героями? Подумайте, что объединяет произведения разных авторов о Великой Отечественной войне.

Анна Андреевна АХМАТОВА

1889—1966

В самой Анне Андреевне всё было значительно: и внешний облик, и духовный мир. Никакие жизненные невзгоды не могли сломить её. Она всегда была прямой и строгой, величественной и мужественной.

Родилась Анна Андреевна (наст. фамилия — Горенко) под Одессой в семье отставного флотского инженера-механика. Вскоре её

родители переехали в Царское Село (под Петербургом), где она росла и училась в гимназии. По семейным обстоятельствам заканчивать гимназию Ахматовой пришлось в Киеве.

Много испытаний выпало на долю Ахматовой. И смерть сестёр от чахотки, и гибель мужа — поэта Николая Гумилёва, и мучительные переживания за сына, и несправедливая критика. Две революции, две страшные войны. Суровое время не щадило её нежную душу.

Любовь к Родине была её характернейшей чертой. И когда пришла великая беда — Вторая мировая война, Анна Ахматова вместе со своим народом боролась против самого страшного зла двадцатого века — фашизма.

По М. А. Дудину

В годы войны А. А. Ахматова писала патриотические стихи, которые составили цикл «Ветер войны». Некоторые из них она читала по ленинградскому радио в самом начале войны. В июле 1941 года именно по радио голос Ахматовой произнёс её знаменитую «Клятву». Осенью 1941 года тяжело больная Ахматова была эвакуирована из осаждённого Ленинграда в Москву, а потом — в Ташкент. Там после тяжёлой болезни она продолжила писать о войне.

1. Опираясь на материалы учебной статьи, расскажите, что отличало Анну Ахматову как человека и поэта.

КЛЯТВА

И та, что сегодня прощается с милым,
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянёмся, клянёмся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

1941

1. К кому обращено стихотворение?
2. Объясните, почему это четверостишие обладает большим эмоциональным воздействием.
3. Какие средства художественной выразительности помогают передать глубину патриотического чувства?

Поэтесса Ольга Берггольц, вспоминая Анну Ахматову в начальные месяцы ленинградской блокады, пишет: «С лицом, замкнутым в суровости и гневности, с противогазом через плечо, она несла дежурство как рядовой боец противопожарной обороны. Она шила мешки для песка, которыми обкладывали траншеи — убежища в саду того же Фонтанного дома, под клёном, воспетым ею в “Поэме без героя”».

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что́ ныне лежит на весах
И что́ совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!

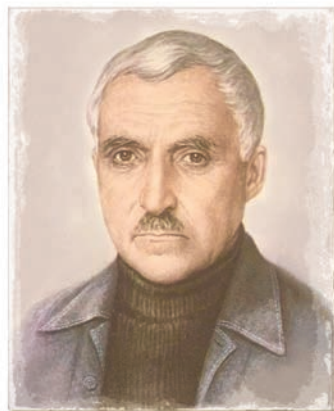
1942

1. Определите значение слова «мужество». Почему именно оно внесено в заглавие произведения?
2. Дайте толкование первым двум строкам. Почему Ахматова употребляет местоимение «что»? Расшифруйте, что стоит за ним.
3. Найдите строки, в которых автор отмечает, на какие жертвы готов пойти народ. Насколько они велики? Соразмерны ли они тому, что пытаются сохранить люди?
4. Почему Ахматова говорит не о защите Родины, а о сохранении русской речи?
5. Определите стихотворный размер. Как он влияет на темп чтения и на восприятие текста читателем/слушателем?

Константин Михайлович СИМОНОВ

1915—1979

С первых дней войны Константин (наст. имя — Кирилл) Симонов был призван в армию как военный корреспондент газеты «Красная Звезда», где и публиковались почти все его произведения военных лет. За 4 года Симонов побывал на всех фронтах, отступал по Могилёвщине и Смоленщине в первые месяцы войны, прошёл по землям Румынии, Болгарии, Югославии, Польши и Германии, был свидетелем последних боёв за Берлин. «О войне необходимо знать всё, — утверждал К. М. Симонов. — Надо знать, и чем она была, с какой безмерной душевной тяжестью были связаны для нас дни отступлений и поражений, и каким безмерным счастьем для нас была Победа. Надо знать и о том, какие разрушения она принесла, оставив раны и в душах людей, и на теле земли, каких жертв нам стоила война».

В конце июля 1941 года Симонов на неделю вернулся в Москву с Западного фронта. «За эти семь дней, — вспоминал поэт, — кроме фронтовых баллад для газеты, я вдруг за один присест написал “Жди меня...”, “Майор привёз мальчишку на лафете...” и “Не сердитесь, к лучшему...”. Я ночевал на даче у Льва Кассиля в Переделкине и утром остался там, никуда не поехал. Сидел на даче один и писал стихи. Кругом были высокие сосны, много земляники, зелёная трава. Был жаркий летний день. И тишина. На несколько часов даже захотелось забыть, что на свете есть война. Наверно, в тот день больше, чем в другие, я думал не столько о войне, сколько о своей собственной судьбе на ней. И вообще, война, когда писались эти стихи, уже предчувствовалась долгой». Стихотворение «Жди меня...» отказались напечатать в «Красной звезде». Её редактор решил, что «эти стихи не для военной газеты». Однако уже в январе 1942 года стихотворение «Жди меня...» было опубликовано в «Правде», где ему отвели целую полосу.

В. С.

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Жёлтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придёт,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждёт.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,

Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

1941

1. Стихотворение «Жди меня...» было очень популярным в годы войны. Как вы думаете почему? В какие моменты жизни может вспомниться это стихотворение?
2. Каким вы увидели лирического героя? Каково его душевное состояние?
3. С помощью каких языковых средств автору удалось так ярко выразить основную мысль? Найдите строки, где автор выражает надежду на то, что ничто не должно поколебать веру любимой.
4. В чём особенности звукового строя и рифмы стихотворения?
5. Выпишите слова, которые повторяются в стихотворении. Сколько раз и в каких фрагментах используется повтор? Объясните его значение.
6. Определите, слова каких частей речи преобладают в стихотворении. Почему в любовном послании так много глаголов и местоимений?
7. Писатель Лев Кассиль — первый слушатель этого стихотворения — сказал Симонову, что оно очень похоже на заклинание. Согласны ли вы с мнением Кассиля? Аргументируйте свою точку зрения.

8. Стихотворение «Жди меня...» Симонов посвятил Валентине Серовой — звезде советского кино тех лет, своей будущей жене. В 1943 году вышел одноимённый фильм, где актриса играла главную роль. Посмотрите фильм самостоятельно. Совпало ли ваше представление о женщине, которой посвящено стихотворение, с кинообразом?

Михаил Васильевич ИСАКОВСКИЙ

1900—1973

Со второй половины 1930-х годов Михаил Исаковский становится одним из самых популярных и любимых в народе поэтов-песенников. Из-за тяжёлой болезни глаз он не мог надеть солдатскую шинель и всю войну прожил в небольшом городе Чистополе (Татарстан). Родился поэт на Смоленщине. Его родная деревня Глотовка оказалась на оккупированной территории, а отчий дом был сожжён врагами.

В годы войны на территории СССР фашистами было разрушено и сожжено 1710 городов и посёлков, более 70 тысяч сёл и деревень, оставлено без крова 25 миллионов человек.

* * *

Враги сожгли родную хату,
Стубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошёл солдат в глубоком горе
На перекрёсток двух дорог,
Нашёл солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя — мужа своего.

Готовь для гостя угощение,
Накрой в избе широкий стол, —
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришёл...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только тёплый летний ветер
Траву могильную качал.

Вздохнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой.

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришёл к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шёл к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

1945

1. Чья история рассказана в стихотворении? Соберите по стихотворению сведения о лирическом герое. В чём типичность его судьбы для человека, жившего в 1940-х годах?
2. Опишите состояние лирического героя, используя наиболее яркие цитаты из текста. Обратите внимание также на жесты и речь героя.
3. Проанализируйте звуковой строй стихотворения. Как он передаёт горе солдата?
4. Стихотворение написано в год Победы. Почему для лирического героя война словно бы не закончилась?

5. Стихотворение получило отрицательную оценку советских идеологов, и на долгое время оно и одноимённая песня (муз. М. И. Блантера) находились под запретом. Предположите (установите по дополнительным источникам), в чём была «вина» Исаковского и почему стихотворение «Враги сожгли родную хату...» вернулось к читателям и слушателям.

Выражение патриотического пафоса в лирическом стихотворении

Пафос (от греч. *pathos* — страдание, воодушевление, страсть) — это эмоциональное содержание художественного произведения, чувства и эмоции, которые автор вкладывает в текст, ожидая вызвать их у читателя. В литературоведении выделяют несколько видов пафоса: героический, трагический, драматический, романтический и т. п.

Пафос — это свойство всего произведения в целом. Он тесно связан с темой и основной мыслью (идеей) произведения, изображением персонажей, их поступков и переживаний, событий их жизни, всем образным строем произведения.

Патриотический пафос изученных стихотворений о войне связан с выражением духовного единства народа. Герои произведений ставили перед собой задачу выиграть войну. Но при этом они в первую очередь хотели спасти близких, остановить кровопролитие и отстоять свободу страны, которая давала им возможность мирно жить и трудиться.

1. Дайте определение понятию «пафос». Придумайте схему, которая показывает связь пафоса с другими элементами произведения.
2. Можно ли утверждать, что в произведении проявляется только один вид пафоса? Докажите на примере любого из изученных произведений свою точку зрения.

Михаил Александрович ШОЛОХОВ

1905—1984

М. А. Шолохов ушёл на войну в 1941-м, будучи очень известным писателем, автором «Донских рассказов», «Тихого Дона», «Поднятой целины». Он прошёл её в качестве военного корреспондента, был ранен сам, потерял мать (она погибла во время обстрела родной станицы писателя — Вёшенской). Шолохов четыре военных года писал репортажи для центральных газет, публицистические очерки; начал работу над романом «Они сражались за Родину» (он остался неоконченным).

Сюжет рассказа «Судьба человека» основан на реальных событиях: весной 1946 года на охоте Шолохов встретил человека, который поведал ему историю своей жизни. Писателя захватил этот сюжет, и он принял решение: «Напишу рассказ об этом, обязательно напишу». Через 10 лет Шолохов за семь дней написал рассказ «Судьба человека».

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

*Евгении Григорьевне Левицкой,
члену КПСС¹ с 1903 года*

Первая послевоенная весна была на Верхнем Дону на редкость дружная и напористая. В конце марта из Приазовья подули тёплые ветры, и уже через двое суток начисто оголились пески левобережья Дона, в степи вспухли набитые снегом лога² и балки, взломав лёд, бешено взыграли степные речки, и дороги стали почти совсем непроездны.

¹ *КПСС* — Коммунистическая партия Советского Союза, единственная правящая политическая партия в Союзе Советских Социалистических Республик в 1918—1991 годах.

² *Лог* — широкий и длинный овраг.

В эту недобрую пору бездорожья мне пришлось ехать в станицу Букановскую. И расстояние небольшое — всего лишь около шести-десяти километров, — но одолеть их оказалось не так-то просто. Мы с товарищем выехали до восхода солнца. Пара сытых лошадей, в струну натягивая постромки¹, еле тащила тяжёлую бричку. Колёса по самую ступицу проваливались в отсыревший, перемешанный со снегом и льдом песок, и через час на лошадиных боках и стёгнах², под тонкими ремнями шлеек, уже показались белые пышные хлопья мыла, а в утреннем свежем воздухе остро и пьяняще запахло лошадиным потом и согретым деготьком щедро смазанной конской сбруи.

Там, где было особенно трудно лошадям, мы слезали с брички, шли пешком. Под сапогами хлюпал размокший снег, идти было тяжело, но по обочинам дороги всё ещё держался хрустально поблёскивавший на солнце ледок, и там пробираться было ещё труднее. Только часов через шесть покрыли расстояние в тридцать километров, подъехали к переправе через речку Еланку.

Небольшая, местами пересыхающая летом речушка против хутора Моховского в заболоченной, поросшей ольхами пойме разлилась на целый километр. Переправляться надо было на утлой плоскодонке, поднимавшей не больше трёх человек. Мы отпустили лошадей. На той стороне в колхозном сарае нас ожидал старенький, выдавший виды «виллис»³, оставленный там ещё зимою. Вдвоём с шофёром мы не без опасения сели в ветхую лодчонку. Товарищ с вещами остался на берегу. Едва отчалили, как из прогнившего днища в разных местах фонтанчиками забила вода. Подручными средствами конопатили ненадёжную посудину и вычерпывали из неё воду, пока не доехали. Через час мы были на той стороне Еланки. Шофёр пригнал из хутора машину, подошёл к лодке и сказал, берясь за весло:

— Если это проклятое корыто не развалится на воде, — часа через два приедем, раньше не ждите.

Хутор раскинулся далеко в стороне, и возле причала стояла такая тишина, какая бывает в безлюдных местах только глухою осенью и в самом начале весны. От воды тянуло сыростью, терпкой горечью гниющей ольхи, а с дальних прихопёрских степей, тонувших

¹ *Пострómка* — часть конской упряжи.

² *Стегно́* — бедро.

³ *Вíллис* — армейский автомобиль повышенной проходимости.

в сиреновой дымке тумана, лёгкий ветерок нёс извечно юный, еле уловимый аромат недавно освободившейся из-под снега земли.

Неподалёку, на прибрежном песке, лежал поваленный плетень. Я присел на него, хотел закурить, но, сунув руку в правый карман ватной стёганки¹, к великому огорчению, обнаружил, что пачка «Беломора» совершенно размокла. Во время переправы волна хлестнула через борт низко сидевшей лодки, по пояс окатила меня мутной водой. Тогда мне некогда было думать о папиросах, надо было, бросив весло, побыстрее вычерпывать воду, чтобы лодка не затонула, а теперь, горько досадуя на свою оплошность, я бережно извлёк из кармана раскисшую пачку, присел на корточки и стал по одной раскладывать на плетне влажные, побуревшие папиросы.

Был полдень. Солнце светило горячо, как в мае. Я надеялся, что папиросы скоро высохнут. Солнце светило так горячо, что я уже пожалел о том, что надел в дорогу солдатские ватные штаны и стёганку. Это был первый после зимы по-настоящему тёплый день. Хорошо было сидеть на плетне вот так, одному, целиком покорясь тишине и одиночеству, и, сняв с головы старую солдатскую ушанку, сушить на ветерке мокрые после тяжёлой гребли волосы, бездумно следить за проплывающими в блёклой синеве белыми грудастыми облаками.

Вскоре я увидел, как из-за крайних дворов хутора вышел на дорогу мужчина. Он вёл за руку маленького мальчика, судя по росту — лет пяти-шести, не больше. Они устало брели по направлению к переправе, но, поравнявшись с машиной, повернули ко мне. Высокий, сутуловатый мужчина, подойдя вплотную, сказал приглушённым баском:

— Здорово, браток!

— Здравствуй. — Я пожал протянутую мне большую, чёрствую руку.

Мужчина наклонился к мальчику, сказал:

— Поздоровайся с дядей, сынок. Он, видать, такой же шофёр, как и твой папанька. Только мы с тобой на грузовой ездили, а он вот эту маленькую машину гоняет.

Глядя мне прямо в глаза светлыми, как небушко, глазами, чуть-чуть улыбаясь, мальчик смело протянул мне розовую холодную ручонку. Я легонько потряс её, спросил:

¹ Стёганка — телогрейка, стёганая куртка.

— Что же это у тебя, старик, рука такая холодная? На дворе теплынь, а ты замерзаешь?

С трогательной детской доверчивостью малыш прижался к моим коленям, удивлённо приподнял белёсые бровки.

— Какой же я старик, дядя? Я вовсе мальчик, и я вовсе не замерзаю, а руки холодные — снежки катал потому что.

Сняв со спины тощий вещевой мешок, устало присаживаясь рядом со мною, отец сказал:

— Беда мне с этим пассажиром. Через него и я подбился. Широко шагнёшь — он уже на рысь переходит, вот и изволь к такому пехотинцу приноравливаться. Там, где мне надо раз шагнуть, — я три раза шагаю, так и идём с ним враздробь, как конь с черепахой. А тут ведь за ним глаз да глаз нужен. Чуть отвернёшься, а он уже по лужине бредёт или леденику отломит и сосёт вместо конфеты. Нет, не мужчинское это дело с такими пассажирами путешествовать, да ещё походным порядком. — Он помолчал немного, потом спросил: — А ты что же, браток, своё начальство ждёшь?

Мне было неудобно разуверять его в том, что я не шофёр, и я ответил:

— Приходится ждать.

— С той стороны подъедут?

— Да.

— Не знаешь, скоро ли подойдёт лодка?

— Часа через два.

— Порядком. Ну что ж, пока отдохнём, спешить мне некуда. А я иду мимо, гляжу: свой брат-шофёр загорает. Дай, думаю, зайду, перекурим вместе. Одному-то и курить, и помирать тошно. А ты богато живёшь, папироски куришь. Подмочил их, стало быть? Ну, брат, табак мочёный, что конь лечёный, никуда не годится. Давай-ка лучше моего крепачка закурим.

Он достал из кармана защитных летних штанов свёрнутый в трубку малиновый шёлковый потёртый кисет, развернул его, и я успел прочитать вышитую на уголке надпись: «Дорогому бойцу от ученицы 6-го класса Лебедянской средней школы».

Мы закурили крепчайшего самосада и долго молчали. Я хотел было спросить, куда он идёт с ребёнком, какая нужда его гонит в такую распутицу, но он опередил меня вопросом:

— Ты что же, всю войну за баранкой?

— Почти всю.
— На фронте?
— Да.
— Ну, и мне там пришлось, браток, хлебнуть горюшка по ноздри и выше.

Он положил на колени большие тёмные руки, сгорбился. Я сбoku взглянул на него, и мне стало что-то не по себе... Видали вы когда-нибудь глаза, словно присыпанные пеплом, наполненные такой неизбывной смертной тоской, что в них трудно смотреть? Вот такие глаза были у моего случайного собеседника.

Выломав из плетня сухую искривлённую хворостинку, он с минуту молча водил ею по песку, вычерчивая какие-то замысловатые фигуры, а потом заговорил:

— Иной раз не спишь ночью, глядишь в темноту пустыми глазами и думаешь: «За что же ты, жизнь, меня так покалечила? За что так исказила?» Нету мне ответа ни в темноте, ни при ясном солнышке... Нету и не дождусь! — И вдруг спохватился: ласково подталкивая сынишку, сказал: — Пойди, милок, поиграйся возле воды, у большой воды для ребятишек всегда какая-нибудь добыча найдётся. Только, гляди, ноги не промочи!

Ещё когда мы в молчании курили, я, украдкой рассматривая отца и сынишку, с удивлением отметил про себя одно, странное, на мой взгляд, обстоятельство. Мальчик был одет просто, но добротно: и в том, как сидела на нём подбитая лёгкой, поношенной цигейкой длиннополая курточка, и в том, что крохотные сапожки были сшиты с расчётом надевать их на шерстяной носок, и очень искусный шов на разорванном когда-то рукаве курточки — всё выдавало женскую заботу, умелые материнские руки. А отец выглядел иначе: прожжённый в нескольких местах ватник был небрежно и грубо заштопан, латка на выношенных защитных штанах не пришита как следует, а скорее наживлена широкими, мужскими стежками; на нём были почти новые солдатские ботинки, но плотные шерстяные носки изъедены молью, их не коснулась женская рука... Ещё тогда я подумал: «Или вдовец, или живёт не в ладах с женой».

Но вот он, проводив глазами сынишку, глухо покашлял, снова заговорил, и я весь превратился в слух.

— Поначалу жизнь моя была обыкновенная. Так я уроженец Воронежской губернии, с тысяча девятьсотого года рождения. В граж-

Ил. С. Трофимова

данскую войну был в Красной Армии, в дивизии Киквидзе. В голодный двадцать второй год подался на Кубань, ишачить на кулаков, потому и уцелел. А отец с матерью и сестрёнкой дома померли от голода. Остался один. Родни — хоть шаром покати, — нигде, никого, ни одной души. Ну, через год вернулся с Кубани, хатёнку продал, поехал в Воронеж. Поначалу работал в плотницкой артели¹, потом пошёл на завод, выучился на слесаря. Вскоро женился. Жена воспитывалась в детском доме. Сиротка. Хорошая попалась мне девка! Смирная весёлая, угодливая и умница, не мне чета. Она с детства узнала, почём фунт лиха стоит, может, это и сказалось на её характере. Со стороны глядеть — не так уж она была из себя видная, но ведь я-то не со стороны на неё глядел, а в упор. И не было для меня красивее и желанней её, не было на свете и не будет!

Придёшь с работы усталый, а иной раз и злой, как чёрт. Нет, на грубое слово она тебе не нагрубит в ответ. Ласковая, тихая, не знает, где тебя усадить, бьётся, чтобы и при малом недостатке сладкий кусок тебе сготовить. Смотришь на неё и отходишь сердцем, а спустя немного обнимешь её, скажешь: «Прости, милая Иринка, нахамил я тебе. Понимаешь, с работой у меня нынче не заладилось». И опять у нас мир, и у меня покой на душе. А ты знаешь, браток,

¹ *Артель* — добровольное объединение людей для выполнения какой-либо, часто временной, работы.

что это означает для работы? Утром я встаю как встрёпанный, иду на завод, и любая работа у меня в руках кипит и спорится! Вот что это означает — иметь умную жену-подругу.

Приходилось кое-когда после получки и выпивать с товарищами. Кое-когда бывало и так, что идёшь домой и такие кренделя ногами выписываешь, что со стороны, небось, глядеть страшно. Тесна тебе улица, да и шабаш, не говоря уже про переулки. Парень я был тогда здоровый и сильный, как дьявол, выпить мог много, а до дому всегда добирался на своих ногах. Но случалось иной раз и так, что последний перегон шёл на первой скорости, то есть на четвереньках, однако же добирался. И опять же ни тебе упрёка, ни крика, ни скандала. Только посмеивается моя Иринка, да и то осторожно, чтобы я спяну не обиделся. Разует меня и шепчет: «Ложись к стенке, Андрюша, а то сонный упадёшь с кровати». Ну, я, как куль с овсом, упаду, и всё поплывёт перед глазами. Только слышу сквозь сон, что она по голове меня тихонько гладит рукою и шепчет что-то ласковое, жалеет, значит...

Утром она меня часа за два до работы на ноги подымет, чтобы я размялся. Знает, что на похмелье я ничего есть не буду, ну, достанет огурец солёный или ещё что-нибудь по лёгости, нальёт гранёный стаканчик водки. «Похмелись, Андрюша, только больше не надо, мой милый». Да разве же можно не оправдать такого доверия? Выпью, поблагодарю её без слов, одними глазами, поцелую и пошёл на работу, как миленький. А скажи она мне, хмельному, слово поперёк, крикни или обругайся, и я бы, как бог свят, и на второй день напился. Так бывает в иных семьях; посмотрелся я, знаю.

Вскорости дети у нас пошли. Сначала сынишка родился, через год ещё две девочки... Тут я от товарищей откололся. Всю получку домой несу, семья стала числом порядочная, не до выпивки. В выходной кружку пива выпью и на этом ставлю точку.

В двадцать девятом году завлекли меня машины. Изучил автодело, сел за баранку на грузовой. Потом втянулся и уже не захотел возвращаться на завод. За рулём показалось мне веселее. Так и прожил десять лет и не заметил, как они прошли. Прошли как будто во сне. Да что десять лет! Спроси у любого пожилого человека — приметил он, как жизнь прожил? Ни черта он не приметил! Прошное — вот как та дальняя степь в дымке. Утром я шёл по ней,

всё было ясно кругом, а отшагал двадцать километров, и вот уже затянула степь дымка, и отсюда уже не отличишь лес от бурьяна, пашню от травокоса...

Работал я эти десять лет и день и ночь. Зарабатывал хорошо, и жили мы не хуже людей. И дети радовали: все трое учились на «отлично», а старшенький, Анатолий, оказался таким способным к математике, что про него даже в центральной газете писали. Откуда у него проявился такой огромный талант к этой науке, я и сам, браток, не знаю. Только очень мне это было лестно, и гордился я им, страсть как гордился!

За десять лет скопили мы немного деньжонок и перед войной поставили себе домишко об двух комнатах, с кладовкой и коридорчиком. Ирина купила двух коз. Чего ещё больше надо? Дети кашу едят с молоком, крыша над головою есть, одеты, обуты, стало быть, всё в порядке. Только построился я неловко. Отвели мне участок в шесть соток неподалёку от авиазавода. Будь моя хибарка в другом месте, может, и жизнь сложилась бы иначе...

А тут вот она, война. На второй день повестка из военкомата, а на третий — пожалуйста в эшелон. Провожали меня все четверо моих: Ирина, Анатолий и дочери — Настенька и Олюшка. Все ребята держались молодцом. Ну, у дочерей — не без того, посверкивали слезинки. Анатолий только плечами передёргивал, как от холода, ему к тому времени уже семнадцатый год шёл, а Ирина моя... Такой я её за все семнадцать лет нашей совместной жизни ни разу не видал. Ночью у меня на плече и на груди рубаха от её слёз не просыхала, и утром такая же история... Пришли на вокзал, а я на неё от жалости глядеть не могу: губы от слёз распухли, волосы из-под платка выбились, и глаза мутные, несмысленные, как у тронутого умом человека. Командиры объявляют посадку, а она упала мне на грудь, руки на моей шее сцепила и вся дрожит, будто подрубленное дерево... И детишки её уговаривают, и я, — ничего не помогает! Другие женщины с мужьями, с сыновьями разговаривают, а моя прижалась ко мне, как лист к ветке, и только вся дрожит, а слова вымолвить не может. Я и говорю ей: «Возьми же себя в руки, милая моя Иринка! Скажи мне хоть слово на прощанье». Она и говорит, и за каждым словом всхлипывает: «Родненький мой... Андрюша... не увидимся мы с тобой... больше... на этом... свете...»

Тут у самого от жалости к ней сердце на части разрывается, а тут она с такими словами. Должна бы понимать, что мне тоже нелегко с ними расставаться, не к тётке на блины собрался. Зло меня тут взяло! Силой я разнял её руки и легонько толкнул в плечи. Толкнул вроде легонько, а сила-то у меня была дурачья; она попятилась, шага три ступнула назад и опять ко мне идёт мелкими шажками, руки протягивает, а я кричу ей: «Да разве же так прощаются? Что ты меня раньше времени заживо хоронишь?!» Ну, опять обнял её, вижу, что она не в себе...

Он на полуслове резко оборвал рассказ, и в наступившей тишине я услышал, как у него что-то клокочет и булькает в горле. Чужое волнение передалось и мне. Искоса взглянул я на рассказчика, но ни единой слезинки не увидел в его словно бы мёртвых, потухших глазах. Он сидел, понуро склонив голову, только большие, безвольно опущенные руки мелко дрожали, дрожал подбородок, дрожали твёрдые губы...

— Не надо, друг, не вспоминай! — тихо проговорил я, но он, наверное, не слышал моих слов и, каким-то огромным усилием воли поборов волнение, вдруг сказал охрипшим, странно изменившимся голосом:

— До самой смерти, до последнего моего часа, помирать буду, а не прощу себе, что тогда её оттолкнул!..

Он снова и надолго замолчал. Пытался свернуть папиросу, но газетная бумага рвалась, табак сыпался на колени. Наконец он всё же кое-как сделал кручёнку, несколько раз жадно затянулся и, покашливая, продолжал:

— Оторвался я от Ирины, взял её лицо в ладони, целую, а у неё губы как лёд. С детишками попрощался, бегу к вагону, уже на ходу вскочил на подножку. Поезд взял с места тихо-тихо; проезжать мне — мимо своих. Гляжу, детишки мои осиротелые в кучку сбились, руками мне машут, хотят улыбаться, а оно не выходит. А Ирина прижала руки к груди; губы белые, как мел, что-то она ими шепчет, смотрит на меня, не сморгнёт, а сама вся вперёд клонится, будто хочет шагнуть против сильного ветра... Такой она и в памяти мне на всю жизнь осталась: руки, прижатые к груди, белые губы и широко раскрытые глаза, полные слёз... По большей части такой я её и во сне всегда вижу... Зачем я её тогда оттолкнул? Сердце до сих пор, как вспомню, будто тупым ножом режут...

Формировали нас под Белой Церковью, на Украине. Дали мне ЗИС-5. На нём и поехал на фронт. Ну, про войну тебе нечего рассказывать, сам видал и знаешь, как оно было поначалу. От своих письма получал часто, а сам крылатки¹ посылал редко. Бывало, напишешь, что, мол, всё в порядке, помаленьку воюем, и хотя сейчас отступаем, но скоро соберёмся с силами и тогда дадим фрицам прикурить. А что ещё можно было писать? Тошное время было, не до писаний было. Да и признаться, и сам я не охотник был на жалобных струнах играть и терпеть не мог этаких слюнявых, какие каждый день, к делу и не к делу, жёнам писали, сопли по бумаге размазывали. Трудно, дескать, ему, тяжело, того и гляди убьют. И вот он жалуется, сочувствия ищет, слюнявится, а того не хочет понять, что этим несчастным бабёнкам и детишкам не слаже нашего в тылу приходилось. Вся держава на них оперлась! Какие же это плечи нашим женщинам и детишкам надо было иметь, чтобы под такой тяжестью не согнуться? А вот не согнулись, выстояли! А такой хлюст, мокрая душонка, напишет жалостное письмо — и трудящую женщину, как рюхой под ноги. Она после этого письма, горемыка, и руки опустит, и работа ей не в работу. Нет! На то ты и мужчина, на то ты и солдат, чтобы всё вытерпеть, всё снести, если к этому нужда позвала. А если в тебе бабьей закваски больше, чем мужской, то надевай юбку со сборками, чтобы свой тощий зад прикрыть попышнее, чтобы хоть сзади на бабу был похож, и ступай свёклу полоть или коров доить, а на фронте ты такой не нужен, там и без тебя вони много!

Только не пришлось мне и года повоевать... Два раза за это время был ранен, но оба раза по лёгости: один раз — в мякоть руки, другой — в ногу; первый раз — пулей с самолёта, другой — осколком снаряда. Дырявил немец мою машину и сверху и с боков, но мне, браток, везло на первых порах. Везло-везло, да и довезло до самой ручки... Попал я в плен под Лозовеньками в мае сорок второго года при таком неловком случае: немец тогда здорово наступал, и оказалась одна наша стодвадцатидвухмиллиметровая гаубичная батарея почти без снарядов; нагрузили мою машину снарядами по самую завязку, и сам я на погрузке работал так, что гимнастёрка к лопаткам прикипала. Надо было сильно спешить потому, что бой

¹ *Крылатка* — здесь: письмо.

приближался к нам: слева чьи-то танки гремят, справа стрельба идёт, впереди стрельба, и уже начало пахнуть жареным...

Командир нашей автороты спрашивает: «Проскочишь, Соколов?» А тут и спрашивать нечего было. Там товарищи мои, может, погибают, а я тут чухаться буду? «Какой разговор! — отвечаю ему. — Я должен проскочить, и баста!» — «Ну, — говорит, — дуй! Жми на всю железку!»

Я и подул. В жизни так не ездил, как на этот раз! Знал, что не картошку везу, что с этим грузом осторожность в езде нужна, но какая же тут может быть осторожность, когда там ребята с пустыми руками воют, когда дорога вся насквозь артогнём простреливается. Пробежал километров шесть, скоро мне уже на просёлок сворачивать, чтобы пробраться к балке, где батарея стояла, а тут гляжу — мать честная — пехотка наша и справа и слева от грейдера по чистому полю сыплет, и уже мины рвутся по их порядкам. Что мне делать? Не поворачивать же назад? Давлю вовсю! И до батареи остался какой-нибудь километр, уже свернул я на просёлок, а добраться до своих мне, браток, не пришлось... Видно, из дальнобойного тяжёлый положил он мне возле машины. Не слышал я ни разрыва, ничего, только в голове будто что-то лопнуло, и больше ничего не помню. Как остался я живой тогда — не понимаю, и сколько времени пролежал метрах в восьми от кювета — не соображу. Очнулся, а встать на ноги не могу: голова у меня дёргается, всего трясёт, будто в лихорадке, в глазах темень, в левом плече что-то скрипит и похрустывает, и боль во всём теле такая, как, скажи, меня двое суток подряд били чем попадая. Долго я по земле на животе елозил, но кое-как встал. Однако опять же ничего не пойму, где я и что со мной стряслось. Память-то мне начисто отшибло. А обратно лечь боюсь. Боюсь, что лягу и больше не встану, помру. Стою и качаюсь из стороны в сторону, как тополь в бурю.

Когда пришёл в себя, опомнился и огляделся как следует, — сердце будто кто-то плоскогубцами сжал: кругом снаряды валяются, какие я вёз, неподалёку моя машина, вся в клочья побитая, лежит вверх колёсами, а бой-то, бой-то уже сзади меня идёт... Это как?

Нечего греха таить, вот тут-то у меня ноги сами собою подкосились, и я упал, как срезанный, потому что понял, что я — в плену у фашистов. Вот как оно на войне бывает...

Ох, браток, нелёгкое это дело понять, что ты не по своей воле в плену. Кто этого на своей шкуре не испытал, тому не сразу в душу въедешь, чтобы до него по-человечески дошло, что означает эта штука.

Ну вот, стало быть, лежу я и слышу: танки гремят. Четыре немецких средних танка на полном газу прошли мимо меня туда, откуда я со снарядами выехал... Каково это было переживать? Потом тягачи с пушками потянулись, полевая кухня проехала, потом пехота пошла, не густо, так, не больше одной битой роты. Погляжу, погляжу на них краем глаза и опять прижмусь щекой к земле, глаза закрою: тошно мне на них глядеть, и на сердце тошно...

Думал, все прошли, приподнял голову, а их шесть автоматчиков — вот они, шагают метрах в ста от меня. Гляжу, сворачивают с дороги и прямо ко мне. Идут молчаком. «Вот, — думаю, — и смерть моя на подходе». Я сел, неохота лёжа помирать, потом встал. Один из них, не доходя шагов нескольких, плечом дёрнул, автомат снял. И вот как потешно человек устроен: никакой паники, ни сердечной робости в эту минуту у меня не было. Только гляжу на него и думаю: «Сейчас даст он по мне короткую очередь, а куда будет бить? В голову или поперёк груди?» Как будто мне это не один чёрт, какое место он в моём теле прострочит.

Молодой парень, собою ладный такой, чернявый, а губы тонкие, в нитку, и глаза с прищуром. «Этот убьёт и не задумается», — сообщаю про себя. Так оно и есть: вскинул автомат — я ему прямо в глаза гляжу, молчу, а другой, ефрейтор, что ли, постарше его возрастом, можно сказать пожилой, что-то крикнул, отодвинул его в сторону, подошёл ко мне, лопочет по-своему и правую руку мою в локте сгибает, мускул, значит, щупает. Попробовал и говорит: «О-о-о!» — и показывает на дорогу, на заход солнца. Топай, мол, рабочая скотинка, трудиться на наш райх. Хозяином оказался!

Но чернявый присмотрелся на мои сапоги, а они у меня с виду были добрые, показывает рукой: «Сымай». Сел я на землю, снял сапоги, подаю ему. Он их из рук у меня прямо-таки выхватил. Размотал я портянки, протягиваю ему, а сам гляжу на него снизу вверх. Но он заорал, заругался по-своему и опять за автомат хватается. Остальные ржут. С тем по-мирному и отошли. Только этот чернявый, пока дошёл до дороги, раза три оглянулся на меня, глазами сверкает, как волчонок, злится, а чего? Будто я с него сапоги снял, а не он с меня.

Что ж, браток, деваться мне было некуда. Вышел я на дорогу, выругался страшным кучерявым, воронежским матом и зашагал на запад, в плен!.. А ходок тогда из меня был никудышный, в час по километру, не больше. Ты хочешь вперёд шагнуть, а тебя из стороны в сторону качает, возит по дороге, как пьяного. Прошёл немного, и догоняет меня колонна наших пленных, из той же дивизии, в какой я был. Гонят их человек десять немецких автоматчиков. Тот, какой впереди колонны шёл, поравнялся со мною и, не говоря худого слова, наотмашь хлыстнул меня ручкой автомата по голове. Упав я, — и он пришил бы меня к земле очередью, но наши подхватили меня на лету, затолкали в середину и с полчаса вели под руки. А когда я очухался, один из них шепчет: «Боже тебя упаси падать! Иди из последних сил, а не то убьют». И я из последних сил, но пошёл.

Как только солнце село, немцы усилили конвой, на грузовой подкинули ещё человек двадцать автоматчиков, погнали нас ускоренным маршем. Сильно раненные наши не могли поспевать за остальными, и их пристреливали прямо на дороге. Двое попытались бежать, а того не учли, что в лунную ночь тебя в чистом поле чёрт-те насколько видно, ну, конечно, и этих постреляли. В полночь пришли мы в какое-то полусожжённое село. Ночевать загнали нас в церковь с разбитым куполом. На каменном полу — ни клочка соломы, а все мы без шинелей, в одних гимнастёрках и штанах, так что постелить и разу нечего. Кое на ком даже и гимнастёрки не было, одни бязевые исподние рубашки. В большинстве это были младшие командиры. Гимнастёрки они посымали, чтобы их от рядовых нельзя было отличить. И ещё артиллерийская прислуга была без гимнастёрки. Как работали возле орудий растелешённые, так и в плен попали. Ночью полил такой сильный дождь, что все мы промокли насквозь. Тут купол снесло тяжёлым снарядом или бомбой с самолёта, а тут крыша вся начисто побитая осколками, сухого места даже в алтаре не найдёшь. Так всю ночь и прослонялись мы в этой церкви, как овцы в тёмном котухе. Среди ночи слышу, кто-то трогает меня за руку, спрашивает: «Товарищ, ты не ранен?» Отвечаю ему: «А тебе что надо, браток?» Он и говорит: «Я — военврач, может быть, могу тебе чем-нибудь помочь?» Я пожаловался ему, что у меня левое плечо скрипит и пухнет и ужасно как болит. Он твёрдо так говорит: «Сымай гимнастёрку и нижнюю рубашку». Я снял всё это с себя, он и начал руку в плече прощупывать своими тон-

кими пальцами, да так, что я света не взвидел. Скриплю зубами и говорю ему: «Ты, видно, ветеринар, а не людской доктор. Что же ты по больному месту давишь так, бессердечный ты человек?» А он всё щупает и злобно так отвечает: «Твоё дело помалкивать! Тоже мне, разговорчики затеял. Держись, сейчас ещё больнее будет». Да с тем как дёрнет мою руку, аж красные искры у меня из глаз посыпались.

Опомнился я и спрашиваю: «Ты что же делаешь, фашист несчастный? У меня рука вдребезги разбитая, а ты её так рванул». Слышу, он засмеялся потихоньку и говорит: «Думал, что ты меня ударишь с правой, но ты, оказывается, смирный парень. А рука у тебя не разбита, а выбита была, вот я её на место и поставил. Ну, как теперь, полегче тебе?» И в самом деле, чувствую по себе, что боль куда-то уходит. Поблагодарил я его душевно, и он дальше пошёл в темноте, потихоньку спрашивает: «Раненые есть?» Вот что значит настоящий доктор! Он и в плену и в потёмках своё великое дело делал.

Беспокойная это была ночь. До ветру не пускали, об этом старший конвоя предупредил, ещё когда попарно загоняли нас в церковь. И, как на грех, приспичило одному богомольному из наших выйти по нужде. Крепился-крепился он, а потом заплакал. «Не могу, — говорит, — осквернять святой храм! Я же верующий, я христианин! Что мне делать, братцы?» А наши, знаешь, какой народ? Одни смеются, другие ругаются, третьи всякие шуточные советы ему дают. Развеселил он всех нас, а кончилась эта канитель очень даже плохо: начал он стучать в дверь и просить, чтобы его выпустили. Ну, и допросился: дал фашист через дверь, во всю её ширину, длинную очередь, и богомольца этого убил, и ещё трёх человек, а одного тяжело ранил, к утру он скончался.

Убитых сложили мы в одно место, присели все, притихли и призадумались: начало-то не очень весёлое... А немного погодя заговорили вполголоса, зашептались: кто откуда, какой области, как в плен попал; в темноте товарищи из одного взвода или знакомцы из одной роты порастерялись, начали один одного потихоньку окликать. И слышу я рядом с собой такой тихий разговор. Один говорит: «Если завтра, перед тем как гнать нас дальше, нас выстроят и будут выкликать комиссаров, коммунистов и евреев, то ты, взводный, не прячься! Из этого дела у тебя ничего не выйдет. Ты думаешь, если гимнастёрку снял, так за рядового сойдёшь? Не выйдет! Я за тебя отвечать не намерен. Я первый укажу на тебя! Я же знаю, что ты

коммунист и меня агитировал вступать в партию, вот и отвечай за свои дела». Это говорит ближний ко мне, какой рядом со мной сидит, слева, а с другой стороны от него чей-то молодой голос отвечает: «Я всегда подозревал, что ты, Крыжнёв, нехороший человек. Особенно, когда ты отказался вступать в партию, ссылаясь на свою неграмотность. Но никогда я не думал, что ты сможешь стать предателем. Ведь ты же окончил семилетку?» Тот лениво так отвечает своему взводному: «Ну, окончил, и что из этого?» Долго они молчали, потом, по голосу, взводный тихо так говорит: «Не выдавай меня, товарищ Крыжнёв». А тот засмеялся тихонько. «Товарищи, — говорит, — остались за линией фронта, а я тебе не товарищ, и ты меня не проси, всё равно укажу на тебя. Своя рубашка к телу ближе».

Замолчали они, а меня озноб колотит от такой подлостью. «Нет, — думаю, — не дам я тебе, сучьему сыну, выдать своего командира! Ты у меня из этой церкви не выйдешь, а вытянут тебя, как падлу, за ноги!» Чуть-чуть рассвело — вижу: рядом со мной лежит на спине мордатый парень, руки за голову закинул, а около него сидит в одной исподней рубашке, колени обнял, худенький такой, курносенький парнишка, и очень собою бледный. «Ну, — думаю, — не справится этот парнишка с таким толстым мерином. Придётся мне его кончать».

Тронул я его рукою, спрашиваю шёпотом: «Ты — взводный?» Он ничего не ответил, только головою кивнул. «Этот хочет тебя выдать?» — показываю я на лежащего парня. Он обратно головою кивнул. «Ну, — говорю, — держи ему ноги, чтобы не брыкался! Да поживей!» — а сам упал на этого парня, и замерли мои пальцы у него на глотке. Он и крикнуть не успел. Подержал его под собой минут несколько, приподнялся. Готов предатель, и язык набоку!

До того мне стало нехорошо после этого, и страшно захотелось руки помыть, будто я не человека, а какого-то гада ползучего душил... Первый раз в жизни убил, и то своего... Да какой же он свой? Он же хуже чужого, предатель. Встал и говорю взводному: «Пойдём отсюда, товарищ, церковь велика».

Как и говорил этот Крыжнёв, утром всех нас выстроили возле церкви, оцепили автоматчиками, и трое эсэсовских офицеров начали отбирать вредных им людей. Спросили, кто коммунисты, командиры, комиссары, но таковых не оказалось. Не оказалось и сволочи, какая могла бы выдать, потому что и коммунистов среди нас было

чуть не половина, и командиры были, и, само собою, и комиссары были. Только четырёх и взяли из двухсот с лишним человек. Одного еврея и трёх русских рядовых. Русские попали в беду потому, что все трое были чернявые и с кучерявинкой в волосах. Вот подходят к такому, спрашивают: «Юде?» Он говорит, что русский, но его и слушать не хотят. «Выходи» — и всё.

Расстреляли этих бедолаг, а нас погнали дальше. Взводный, с каким мы предателя придушили, до самой Познани возле меня держался и в первый день нет-нет да и пожмёт мне руку. В Познани нас разлучили по одной такой причине.

Видишь, какое дело, браток, ещё с первого дня задумал я уходить к своим. Но уходить хотел наверняка. До самой Познани, где разместили нас в настоящем лагере, ни разу не предоставился мне подходящий случай. А в Познанском лагере вроде такой случай нашёлся: в конце мая послали нас в лесок возле лагеря рыть могилы для наших же умерших военнопленных, много тогда нашего брата мёрло от дизентерии; рою я познанскую глину, а сам посматриваю кругом и вот приметил, что двое наших охранников сели закусывать, а третий придремал на солнышке. Бросил я лопату и тихо пошёл за куст... А потом — бегом, держу прямо на восход солнца...

Видать, не скоро они спохватились, мои охранники. А вот откуда у меня, у такого тощалого, силы взялись, чтобы пройти за сутки почти сорок километров, — сам не знаю. Только ничего у меня не вышло из моего мечтания: на четвёртые сутки, когда я был уже далеко от проклятого лагеря, поймали меня. Собаки сыскные шли по моему следу, они меня и нашли в некошеном овсе. На заре побоялся я идти чистым полем, а до леса было не меньше трёх километров, я залёг в овсе на днёвку. Намял в ладонях зёрен, пожевал немного и в карманы насыпал про запас и вот слышу собачий брех, и мотоцикл трещит... Оборвалось у меня сердце, потому что собаки всё ближе голоса подают. Лёг я плашмя и закрылся руками, чтобы они мне хоть лицо не обгрызли. Ну, добежали и в одну минуту спустили с меня всё моё рваньё. Остался в чём мать родила. Катали они меня по овсу, как хотели, и под конец один кобель стал мне на грудь передними лапами и целится в глотку, но пока ещё не трогает.

На двух мотоциклах подъехали немцы. Сначала сами били в полную волю, а потом натравили на меня собак, и с меня только кожа с мясом полетели клочьями. Голого, всего в крови и привезли

в лагерь. Месяц отсидел в карцере за побег, но всё-таки живой... живой я остался!..

Тяжело мне, браток, вспоминать, а ещё тяжелее рассказывать о том, что довелось пережить в плену. Как вспомнишь нелюдские муки, какие пришлось вынести там, в Германии, как вспомнишь всех друзей-товарищей, какие погибли, замученные там, в лагерях, — сердце уже не в груди, а в глотке бьётся, и трудно становится дышать...

Куда меня только не гоняли за два года плена! Половину Германии объехал за это время: и в Саксонии был, на силикатном заводе работал, и в Рурской области на шахте уголёк откатывал, и в Баварии на земляных работах горб наживал, и в Тюрингии побыл, и чёрт-те где только не пришлось по немецкой земле походить. Природа везде там, браток, разная, но стреляли и били нашего брата везде одинаково. А били богом проклятые гады и паразиты так, как у нас сроду животину не бьют. И кулаками били, и ногами топтали, и резиновыми палками били, и всяческим железом, какое под руку попадётся, не говоря уже про винтовочные приклады и прочее дерево.

Били за то, что ты — русский, за то, что на белый свет ещё смотришь, за то, что на них, сволочей, работаешь. Били и за то, что не так взглянешь, не так ступнёшь, не так повернёшься. Били запросто, для того чтобы когда-нибудь да убить до смерти, чтобы захлебнулся своей последней кровью и подох от побоев. Печей-то, наверное, на всех нас не хватало в Германии.

И кормили везде, как есть, одинаково: полтораста грамм эрзац-хлеба пополам с опилками и жидкая баланда¹ из брюквы. Кипяток — где давали, а где нет. Да что там говорить, суди сам: до войны весил я восемьдесят шесть килограмм, а к осени тянул уже не больше пятидесяти. Одна кожа осталась на костях, да и кости-то свои носить было не под силу. А работу давай, и слова не скажи, да такую работу, что ломовой лошади и то не в пору.

В начале сентября из лагеря под городом Кюстрином перебросили нас, сто сорок два человека советских военнопленных, в лагерь Б-14, неподалёку от Дрездена. К тому времени в этом лагере было около двух тысяч наших. Все работали на каменном карьере, вруч-

¹ *Баланда* — здесь: в годы Великой Отечественной войны очень жидкая, невкусная похлёбка.

ную долбили, резали, крошили немецкий камень. Норма — четыре кубометра в день на душу, заметь, на такую душу, какая и без этого чуть-чуть, на одной ниточке, в теле держалась. Тут и началось: через два месяца от ста сорока двух человек нашего эшелона осталось нас пятьдесят семь. Это как, браток? Лихо? Тут своих не успеваешь хоронить, а тут слух по лагерю идёт, будто немцы уже Сталинград взяли и прут дальше, на Сибирь. Одно горе к другому, да так гнут, что глаз от земли не поднимаешь, вроде и ты туда, в чужую, немецкую землю, просишься. А лагерная охрана каждый день пьёт, песни горланят, радуются, ликуют.

И вот как-то вечером вернулись мы в барак с работы. Целый день дождь шёл, лохмотья на нас хоть выжми; все мы на холодном ветру продрогли как собаки, зуб на зуб не попадает. А обсушиться негде, согреться — то же самое, и к тому же голодные не то что до смерти, а даже ещё хуже. Но вечером нам еды не полагалось.

Снял я с себя мокрое рваньё, кинул на нары и говорю: «Им по четыре кубометра выработки надо, а на могилу каждому из нас и одного кубометра через глаза хватит». Только и сказал, но ведь нашёлся же из своих какой-то подлец, донёс коменданту лагеря про эти мои горькие слова.

Комендантом лагеря, или, по-ихнему, лагерфюрером, был у нас немец Мюллер. Невысокого роста, плотный, белобрысый и сам весь какой-то белый: и волосы на голове белые, и брови, и ресницы, даже глаза у него были белёсые, навывкате. По-русски говорил, как мы с тобой, да ещё на «о» налегал, будто коренной волжанин. А матершинничать был мастер ужасный. И где он, проклятый, только и учился этому ремеслу? Бывало, выстроит нас перед блоком — барак они так называли, — идёт перед строем со своей сворой эсэсовцев, правую руку держит на отлёте. Она у него в кожаной перчатке, а в перчатке свинцовая прокладка, чтобы пальцев не повредить. Идёт и бьёт каждого второго в нос, кровь пускает. Это он называл «профилактикой от гриппа». И так каждый день. Всего четыре блока в лагере было, и вот он нынче первому блоку «профилактику» устраивает, завтра второму и так далее. Аккуратный был гад, без выходных работал. Только одного он, дурак, не мог сообразить: перед тем как идти ему руки прикладывать, он, чтобы распалить себя, минут десять перед строем ругается. Он матершинничает почём зря, а нам от этого легче становится: вроде слова-то наши, природные, вроде

ветерком с родной стороны подует... Знал бы он, что его ругань нам одно удовольствие доставляет, — уж он по-русски не ругался бы, а только на своём языке. Лишь один мой приятель-москвич злился на него страшно. «Когда он ругается, — говорит, — я глаза закрою и вроде в Москве, на Зацепе, в пивной сижу, и до того мне пива захочется, что даже голова закружится».

Так вот этот самый комендант на другой день после того, как я про кубометры сказал, вызывает меня. Вечером приходят в барак переводчик и с ним два охранника. «Кто Соколов Андрей?» Я отозвался. «Марш за нами, тебя сам герр лагерфюрер требует». Понятно, зачем требует. На распыл¹. Попрощался я с товарищами, все они знали, что на смерть иду, вздохнул и пошёл. Иду по лагерному двору, на звёзды поглядываю, прощаюсь и с ними, думаю: «Вот и отмучился ты, Андрей Соколов, а по-лагерному — номер триста тридцать первый». Что-то жалко стало Иринку и детишек, а потом жаль эта утихла и стал я собираться с духом, чтобы глянуть в дырку пистолета бесстрашно, как и подобает солдату, чтобы враги не увидели в последнюю мою минуту, что мне с жизнью расставаться всё-таки трудно...

В комендантской — цветы на окнах, чистенько, как у нас в хорошем клубе. За столом — всё лагерное начальство. Пять человек сидят, шнапс глушат и салом закусывают. На столе у них початая здоровенная бутылъ со шнапсом, хлеб, сало, мочёные яблоки, открытые банки с разными консервами. Мигом оглядел я всю эту жратву, и — не поверишь — так меня замутило, что за малым не вырвало. Я же голодный, как волк, отвык от человеческой пищи, а тут столько добра перед тобою... Кое-как задавил тошноту, но глаза оторвал от стола через великую силу.

Прямо передо мною сидит полупьяный Мюллер, пистолетом играет, перекидывает его из руки в руку, а сам смотрит на меня и не моргнёт, как змея. Ну, я руки по швам, стоптанными каблуками щёлкнул, громко так докладываю: «Военнопленный Андрей Соколов по вашему приказанию, герр комендант, явился». Он и спрашивает меня: «Так что же, русс Иван, четыре кубометра выработки — это много?» — «Так точно, — говорю, — герр комендант, много». — «А одного тебе на могилу хватит?» — «Так точно, герр комендант, вполне хватит и даже останется».

¹ *Распыл* — расстрел.

Он встал и говорит: «Я окажу тебе великую честь, сейчас лично расстреляю тебя за эти слова. Здесь неудобно, пойдём во двор, там ты и распишешься». — «Воля ваша», — говорю ему. Он постоял, подумал, а потом кинул пистолет на стол и наливает полный стакан шнапса, кусочек хлеба взял, положил на него ломтик сала и всё это подаёт мне и говорит: «Перед смертью выпей, русс Иван, за победу немецкого оружия».

Я было из его рук и стакан взял, и закуску, но как только услышал эти слова, — меня будто огнём обожгло! Думаю про себя: «Чтобы я, русский солдат, да стал пить за победу немецкого оружия?! А кое-чего ты не хочешь, герр комендант? Один чёрт мне умирать, так провались ты пропадом со своей водкой!»

Поставил я стакан на стол, закуску положил и говорю: «Благодарствую за угощение, но я непьющий». Он улыбается: «Не хочешь пить за нашу победу? В таком случае выпей за свою гибель». А что мне было терять? «За свою гибель и избавление от мук я выпью», — говорю ему. С тем взял стакан и в два глотка вылил его в себя, а закуску не тронул, вежливенько вытер губы ладонью и говорю: «Благодарствую за угощение. Я готов, герр комендант, пойдёмте, распишете меня».

Но он смотрит внимательно так и говорит: «Ты хоть закуси перед смертью». Я ему на это отвечаю: «Я после первого стакана не закусываю». Наливает он второй, подаёт мне. Выпил я и второй и опять же закуску не трогаю, на отвагу бью, думаю: «Хоть напьюсь перед тем, как во двор идти, с жизнью расставаться». Высоко поднял комендант свои белые брови, спрашивает: «Что же не закусываешь, русс Иван? Не стесняйся!» А я ему своё: «Извините, герр комендант, я и после второго стакана не привык закусывать». Надул он щёки, фыркнул, а потом как захохочет и сквозь смех что-то быстро говорит по-немецки: видно, переводит мои слова друзьям. Те тоже рассмеялись, стульями задвигали, поворачиваются ко мне мордами и уже, замечаю, как-то иначе на меня поглядывают, вроде помягче.

Наливает мне комендант третий стакан, а у самого руки трясутся от смеха. Этот стакан я выпил вразяжку, откусил маленький кусочек хлеба, остаток положил на стол. Захотелось мне им, проклятым, показать, что хотя я и с голоду пропадаю, но давиться ихней подачкой не собираюсь, что у меня есть своё, русское достоинство и гордость и что в скотину они меня не превратили, как ни старались.

После этого комендант стал серьёзный с виду, поправил у себя на груди два железных креста, вышел из-за стола безоружный и говорит: «Вот что, Соколов, ты — настоящий русский солдат. Ты храбрый солдат. Я — тоже солдат и уважаю достойных противников. Стрелять я тебя не буду. К тому же сегодня наши доблестные войска вышли к Волге и целиком овладели Сталинградом. Это для нас большая радость, а потому я великодушно дарю тебе жизнь. Ступай в свой блок, а это тебе за смелость», — и подаёт мне со стола небольшую буханку хлеба и кусок сала.

Прижал я хлеб к себе изо всей силы, сало в левой руке держу и до того растерялся от такого неожиданного поворота, что и спасибо не сказал, сделал налево кругом, иду к выходу, а сам думаю: «Засветит он мне сейчас промеж лопаток, и не донесу ребятам этих харчей». Нет, обошлось. И на этот раз смерть мимо меня прошла, только холодком от неё потянуло...

Вышел я из комендантской на твёрдых ногах, а во дворе меня развезло. Ввалился в барак и упал на цементованный пол без памяти. Разбудили меня наши ещё в потёмках: «Рассказывай!» Ну, я припомнил, что было в комендантской, рассказал им. «Как будем харчи делить?» — спрашивает мой сосед по нарам, а у самого голос дрожит. «Всем поровну», — говорю ему. Дождались рассвета. Хлеб и сало резали суровой ниткой. Досталось каждому хлеба по кусочку со спичечную коробку, каждую крошку брали на учёт, ну а сала, сам понимаешь, — только губы помазать. Однако поделили без обиды.

Вскорости перебросили нас, человек триста самых крепких, на осушку болот, потом — в Рурскую область на шахты. Там и пробыл я до сорок четвёртого года. К этому времени наши уже своротили Германии скулу набок и фашисты перестали пленными брезговать. Как-то выстроили нас, всю дневную смену, и какой-то приезжий оберлейтенант говорит через переводчика: «Кто служил в армии или до войны работал шофёром, — шаг вперёд». Шагнуло нас семь человек бывшей шоферни. Дали нам поношенную спецовку, направили под конвоем в город Потсдам. Приехали туда, и растрясли нас всех врозь. Меня определили работать в «Тодте» — была у немцев такая шарашкина контора по строительству дорог и оборонительных сооружений.

Возил я на «оппель-адмирале» немца инженера в чине майора армии. Ох, и толстый же был фашист! Маленький, пузатый, что в ширину, что в длину одинаковый и в задку плечистый, как справная

Ю. И. Пиминов. Фронтальная дорога

баба. Спереди у него над воротником мундира три подбородка висят и позади на шее три толстючих складки. На нём, я так определял, не менее трёх пудов чистого жира было. Ходит, пыхтит, как паровоз, а жрать сядет — только держись! Целый день, бывало, жуёт да коньяк из фляжки потягивает. Кое-когда и мне от него перепало: в дороге остановится, колбасы нарежет, сыру, закусывает и выпивает; когда в добром духе, — и мне кусок кинет, как собаке. В руки никогда не давал, нет, считал это для себя за низкое. Но как бы то ни было, а с лагерем же не сравнить, и понемногу стал я запохаживаться на человека, помалу, но стал поправляться.

Недели две возил я своего майора из Потсдама в Берлин и обратно, а потом послали его в прифронтовую полосу на строительство оборонительных рубежей против наших. И тут я спать окончательно разучился: ночи напролёт думал, как бы мне к своим, на родину сбежать.

Приехали мы в город Полоцк. На заре услышал я в первый раз за два года, как громыхает наша артиллерия, и знаешь, браток, как сердце забилося? Холостой ещё ходил к Ирине на свиданья, и то оно так не стучало! Бои шли восточнее Полоцка уже километрах в восемнадцати. Немцы в городе злые стали, нервные, а толстяк мой всё чаще стал напиваться. Днём за городом с ним ездим, и он распоряжается, как укрепления строить, а ночью в одиночку пьёт. Опух весь, под глазами мешки повисли...

«Ну, — думаю, — ждать больше нечего, пришёл мой час! И надо не одному мне бежать, а прихватить с собою и моего толстяка, он нашим сгодится!»

Нашёл в развалинах двухкилограммовую гирьку, обмотал её обтирочным тряпьем, на случай, если придётся ударить, чтобы крови не было, кусок телефонного провода поднял на дороге, всё, что мне надо, усердно приготовил, схоронил под переднее сиденье. За два дня перед тем как распрощался с немцами, вечером еду с заправки, вижу, идёт пьяный, как грязь, немецкий унтер, за стенку руками держится. Остановил я машину, завёл его в развалины и вытряхнул из мундира, пилотку с головы снял. Всё это имущество тоже под сиденье сунул и был таков.

Утром двадцать девятого июня приказывает мой майор везти его за город, в направлении Тросницы. Там он руководил постройкой укреплений. Выехали. Майор на заднем сиденье спокойно дремлет, а у меня сердце из груди чуть не выскакивает. Ехал я быстро, но за городом сбавил газ, потом остановил машину, вылез, огляделся: далеко сзади две грузовых тянутя. Достал я гирьку, открыл дверцу пошире. Толстяк откинулся на спинку сиденья, похрапывает, будто у жены под боком. Ну, я его тюкнул гирькой в левый висок. Он и голову уронил. Для верности я его ещё раз стукнул, но убивать до смерти не захотел. Мне его живого надо было доставить, он нашим должен был много кое-чего порассказать. Вынул я у него из кобуры «парабеллум», сунул себе в карман, монтировку вбил за спинку заднего сиденья, телефонный провод накинуд на шею майору и завязал глухим узлом на монтировке. Это чтобы он не свалился на бок, не упал при быстрой езде. Скоренько напялил на себя мундир и пилотку, ну, и погнал машину прямиком туда, где земля гудит, где бой идёт.

Немецкий передний край проскакивал меж двух дзотов¹. Из блиндажа автоматчики выскочили, и я нарочно сбавил ход, чтобы они видели, что майор едет. Но они крик подняли, руками махают, мол, туда ехать нельзя, а я будто не понимаю, подкинул газку и пошёл на все восемьдесят. Пока они опомнились и начали бить из пулемётов по машине, а я уже на ничьей земле между воронками петляю не хуже зайца.

¹ *Дзот* — сокращение от долговременная замаскированная огневая точка; в годы войны так называлась укрепленная землянка, покрытая сверху слоем брёвен и замаскированная под местность.

Тут немцы сзади бьют, а тут свои очертели, из автоматов мне навстречу строчат. В четырёх местах ветровое стекло пробили, радиатор пропороли пулями... Но вот уже лесок над озером, наши бегут к машине, а я вскочил в этот лесок, дверцу открыл, упал на землю и целую её, и дышать мне нечем...

Молодой парнишка, на гимнастёрке у него защитные погоны, каких я ещё в глаза не видал, первым подбегает ко мне, зубы скалит: «Ага, чёртов фриц, заблудился?» Рванул я с себя немецкий мундир, пилотку под ноги кинул и говорю ему: «Милый ты мой губошлёп! Сынок дорогой! Какой же я тебе фриц, когда я природный воронежец? В плену я был, понятно? А сейчас отвяжите этого борова, какой в машине сидит, возьмите его портфель и ведите меня к вашему командиру». Сдал я им пистолет и пошёл из рук в руки, а к вечеру очутился уже у полковника — командира дивизии. К этому времени меня и накормили, и в баню сводили, и допросили, и обмундирование выдали, так что явился я в блиндаж к полковнику, как и полагается, душой и телом чистый, и в полной форме. Полковник встал из-за стола, пошёл мне навстречу. При всех офицерах обнял и говорит: «Спасибо тебе, солдат, за дорогой гостинец, какой привёз от немцев. Твой майор с его портфелем нам дороже двадцати “языков”. Буду ходатайствовать перед командованием о представлении тебя к правительственной награде». А я от этих слов его, от ласки, сильно волнуюсь, губы дрожат, не повинуются, только и мог из себя выдавить: «Прошу, товарищ полковник, зачислить меня в стрелковую часть». Но полковник засмеялся, похлопал меня по плечу: «Какой из тебя вояка, если ты на ногах еле держишься? Сегодня же отправлю тебя в госпиталь. Подлечат тебя там, подкормят, после этого домой к семье на месяц в отпуск съездишь, а когда вернёшься к нам, посмотрим, куда тебя определить».

И полковник, и все офицеры, какие у него в блиндаже были, душевно попрощались со мной за руку, и я вышел окончательно разволнованный, потому что за два года отвык от человеческого обращения. И заметь, браток, что ещё долго я, как только с начальством приходилось говорить, по привычке невольно голову в плечи втягивал, вроде боялся, что ли, как бы меня не ударили. Вот как образовали нас в фашистских лагерях...

Из госпиталя сразу же написал Ирине письмо. Описал все коротко, как был в плену, как бежал вместе с немецким майором.

И, скажи на милость, откуда эта детская похвальба у меня взялась? Не утерпел-таки, сообщил, что полковник обещал меня к награде представить...

Две недели спал и ел. Кормили помалу, но часто, иначе, если бы давали еды вволю, я бы мог загнуться, так доктор сказал. Набрался силёнок вполне. А через две недели куска в рот взять не мог. Ответа из дома нет, и я, признаться, затосковал. Еда и на ум не идёт, сон от меня бежит, всякие дурные мыслишки в голову лезут... На третьей неделе получаю письмо из Воронежа. Но пишет не Ирина, а сосед мой, столяр Иван Тимофеевич. Не дай бог никому таких писем получать!.. Сообщает он, что ещё в июне сорок второго года немцы бомбили авиазавод и одна тяжёлая бомба попала прямо в мою хатёнку. Ирина и дочери как раз были дома... Ну, пишет, что не нашли от них и следа, а на месте хатёнки — глубокая яма... Не дочитал я в этот раз письмо до конца. В глазах потемнело, сердце сжалось в комок и никак не разжимается. Прилёг я на койку, немного отлежался, дочитал. Пишет сосед, что Анатолий во время бомбёжки был в городе. Вечером вернулся в посёлок, посмотрел на яму и в ночь опять ушёл в город. Перед уходом сказал соседу, что будет проситься добровольцем на фронт. Вот и всё.

Когда сердце разлезлось и в ушах зашумела кровь, я вспомнил, как тяжело расставалась со мною моя Ирина на вокзале. Значит, ещё тогда подсказало ей бабье сердце, что больше не увидимся мы с ней на этом свете. А я её тогда оттолкнул... Была семья, свой дом, всё это лепилось годами, и всё рухнуло в единый миг, остался я один. Думаю: «Да уж не приснилась ли мне моя нескладная жизнь?» А ведь в плену я почти каждую ночь, про себя, конечно, и с Ириной, и с детишками разговаривал, подбадривал их, дескать, я вернусь, мои родные, не горюйте обо мне, я крепкий, я выживу, и опять мы будем все вместе... Значит, я два года с мёртвыми разговаривал?!

Рассказчик на минуту умолк, а потом сказал уже иным, прерывистым и тихим голосом:

— Давай, браток, перекурим, а то меня что-то удушие давит.

Мы закурили. В залитом полрой водою лесу звонко выстукивал дятел. Всё так же лениво шевелил сухие серёжки на ольхе тёплый ветер; всё так же, словно под тугими белыми парусами, проплывали в вышней синеве облака, но уже иным показался мне в эти минуты

скорбного молчания безбрежный мир, готовящийся к великим свершениям весны, к вечному утверждению живого в жизни.

Молчать было тяжело, и я спросил:

— Что же дальше?

— Дальше-то? — нехотя отозвался рассказчик. — Дальше получил я от полковника месячный отпуск, через неделю был в Воронеже. Пешком дотопал до места, где когда-то семейно жил. Глубокая воронка, налитая ржавой водой, кругом бурьян по пояс... Глушь, тишина кладбищенская. Ох, и тяжело же было мне, браток! Посто-ял, поскорбел душою и опять пошёл на вокзал. И часу оставаться там не мог, в этот же день уехал обратно в дивизию.

Но месяца через три и мне блеснула радость, как солнышко из-за тучи: нашёлся Анатолий. Прислал письмо мне на фронт, видать, с другого фронта. Адрес мой узнал от соседа, Ивана Тимофеевича. Оказывается, попал он поначалу в артиллерийское училище; там-то и пригодились его таланты к математике. Через год с отличием закончил училище, пошёл на фронт и вот уже пишет, что получил звание капитана, командует батареей «сорокапяток», имеет шесть орденов и медали. Словом, обштопал родителя со всех концов. И опять я возгордился им ужасно! Как ни крути, а мой родной сын — капитан и командир батареи, это не шутка! Да ещё при таких орденах. Это ничего, что отец его на «студебеккере» снаряды возит и прочее военное имущество. Отцово дело отжитое, а у него, у капитана, всё впереди.

И начались у меня по ночам стариковские мечтания: как война кончится, как я сына женю и сам при молодых жить буду, плотничать и внучат нянчить. Словом, всякая такая стариковская штука. Но и тут получилась у меня полная осечка. Зимой наступали мы без передышки, и особо часто писать друг другу нам было некогда, а к концу войны, уже возле Берлина, утром послал Анатолию письмишко, а на другой день получил ответ. И тут я понял, что подошли мы с сыном к германской столице разными путями, но находимся один от одного поблизости. Жду не дождусь, прямо-таки не чаю, когда мы с ним свидимся. Ну и свиделись... Аккурат девятого мая, утром, в День Победы, убил моего Анатолия немецкий снайпер...

Во второй половине дня вызывает меня командир роты. Гляжу, сидит у него незнакомый мне артиллерийский подполковник. Я вошёл в комнату, и он встал, как перед старшим по званию. Командир

моей роты говорит: «К тебе, Соколов», — а сам к окну отвернулся. Пронизало меня, будто электрическим током, потому что почувал я недоброе. Подполковник подошёл ко мне и тихо говорит: «Мужайся, отец! Твой сын, капитан Соколов, убит сегодня на батарее. Пойдём со мной!»

Качнулся я, но на ногах устоял. Теперь и то как сквозь сон вспоминаю, как ехал вместе с подполковником на большой машине, как пробирались по заваленным обломками улицам, туманно помню солдатский строй и обитый красным бархатом гроб. А Анатолия вижу вот как тебя, браток. Подошёл я к гробу. Мой сын лежит в нём и не мой. Мой — это всегда улыбчивый, узкоплечий мальчишка, с острым кадыком на худой шее, а тут лежит молодой, плечистый, красивый мужчина, глаза полуприкрыты, будто смотрит он куда-то мимо меня, в неизвестную мне далёкую даль. Только в уголках губ так навеки и осталась смешинка прежнего сынишки, Тольки, какого я когда-то знал... Поцеловал я его и отошёл в сторонку. Подполковник речь сказал. Товарищи-друзья моего Анатолия слёзы вытирают, а мои невыплаканные слёзы, видно, на сердце засохли. Может, поэтому оно так и болит?..

Похоронил я в чужой, немецкой земле последнюю свою радость и надежду, ударила батарея моего сына, провожая своего командира в далёкий путь, и словно что-то во мне оборвалось... Приехал я в свою часть сам не свой. Но тут вскорости меня демобилизовали. Куда идти? Неужто в Воронеж? Ни за что! Вспомнил, что в Урюпинске живёт мой дружок, демобилизованный ещё зимою по ранению, — он когда-то приглашал меня к себе, — вспомнил и поехал в Урюпинск.

Приятель мой и жена его были бездетные, жили в собственном домике на краю города. Он хотя и имел инвалидность, но работал шофёром в автороте, устроился и я туда же. Поселился у приятеля, приютили они меня. Разные грузы перебрасывали мы в районы, осенью переключились на вывозку хлеба. В это время я и познакомился с моим новым сынком, вот с этим, какой в песке играет.

Из рейса, бывало, вернёшься в город — понятно, первым делом в чайную: перехватить чего-нибудь, ну, конечно, и сто грамм выпить с устатка¹. К этому вредному делу, надо сказать, я уже пристрастился как следует... И вот один раз вижу возле чайной этого парнишку, на

¹ Уста́ток (устар.) — усталость.

другой день — опять вижу. Этаким маленький оборвыш: личико всё в арбузном соку, покрытом пылью, грязный, как прах, нечёсанный, а глазёнки — как звёздочки ночью после дождя! И до того он мне полюбился, что я уже, чудное дело, начал скучать по нём, спешу из рейса поскорее его увидеть. Около чайной он и кормился — кто что даст.

На четвёртый день прямо из совхоза, гружённый хлебом, подворачиваю к чайной. Парнишка мой там сидит на крыльце, ножонками болтает и, по всему видать, голодный. Высунулся я в окошко, кричу ему: «Эй, Ванюшка! Садись скорее на машину, прокачу на элеватор, а оттуда вернёмся сюда, пообедаем». Он от моего окрика вздрогнул, соскочил с крыльца, на подножку вскарабкался и тихо так говорит: «А вы откуда знаете, дядя, что меня Ваней зовут?» И глазёнки широко раскрыл, ждёт, что я ему отвечу. Ну, я ему говорю, что я, мол, человек бывалый и всё знаю.

Зашёл он с правой стороны, я дверцу открыл, посадил его рядом с собой, поехали. Шустрый такой парнишка, а вдруг чего-то притих, задумался и нет-нет да и взглянет на меня из-под длинных своих загнутых кверху ресниц, вздохнёт. Такая мелкая птаха, а уже научилась вздыхать. Его ли это дело? Спрашиваю: «Где же твой отец, Ваня?» Шепчет: «Погиб на фронте». — «А мама?» — «Маму бомбой убило в поезде, когда мы ехали». — «А откуда вы ехали?» — «Не знаю, не помню...» — «И никого у тебя тут родных нету?» — «Никого». — «Где же ты ночуешь?» — «А где придётся».

Закипела тут во мне горячая слеза, и сразу я решил: «Не бывать тому, чтобы нам порознь пропадать! Возьму его к себе в дети». И сразу у меня на душе стало легко и как-то светло. Наклонился я к нему, тихонько спрашиваю: «Ванюшка, а ты знаешь, кто я такой?» Он и спросил, как выдохнул: «Кто?» Я ему и говорю так же тихо: «Я — твой отец».

Боже мой, что тут произошло! Кинулся он ко мне на шею, целует в щёки, в губы, в лоб, а сам, как свиристель, так звонко и тоненько кричит, что даже в кабинке глушно: «Папка родненький! Я знал! Я знал, что ты меня найдёшь! Всё равно найдёшь! Я так долго ждал, когда ты меня найдёшь!» Прижался ко мне и весь дрожит, будто травинка под ветром. А у меня в глазах туман, и тоже всего дрожь бьёт, и руки трясутся... Как я тогда руля не упустил, диву можно дать! Но в кювет всё же нечаянно съехал, заглушил мотор. Пока туман в глазах не прошёл, — побоялся ехать, как бы на кого не наскочить.

Постоял так минут пять, а сынок мой всё жмётся ко мне изо всех силёнок, молчит, вздрагивает. Обнял я его правой рукою, потихоньку прижал к себе, а левой развернул машину, поехал обратно, на свою квартиру. Какой уж там мне элеватор, тогда мне не до элеватора было.

Бросил машину возле ворот, нового своего сынишку взял на руки, несу в дом. А он как обвил мою шею ручонками, так и не оторвался до самого места. Прижался своей щекой к моей небритой щеке, как прилип. Так я его и внёс. Хозяин и хозяйка в аккурат дома были. Вошёл я, моргаю им обоими глазами, бодро так говорю: «Вот и нашёл я своего Ванюшку! Принимайте нас, добрые люди!» Они, оба мои бездетные, сразу сообразили, в чём дело, засуетились, забегали. А я никак сына от себя не оторву. Но кое-как уговорил. Помыл ему руки с мылом, посадил за стол. Хозяйка щей ему в тарелку налила, да как глянула, с какой он жадностью ест, так и залилась слезами. Стоит у печки, плачет себе в передник. Ванюшка мой увидел, что она плачет, подбежал к ней, дёргает её за подол и говорит: «Тётя, зачем же вы плачете? Папа нашёл меня возле чайной, тут всем радоваться надо, а вы плачете». А той — подай бог, она ещё пуще разливается, прямо-таки размокла вся!

После обеда повёл я его в парикмахерскую, постриг, а дома сам искупал в корыте, завернул в чистую простыню. Обнял он меня и так на руках моих и уснул. Осторожно положил его на кровать, поехал на элеватор, сгрузил хлеб, машину отогнал на стоянку — и бегом по магазинам. Купил ему штанишки суконные, рубашонку, сандали и картуз из мочалки. Конечно, всё это оказалось и не по росту, и качеством никуда не годное. За штанишки меня хозяйка даже разругала. «Ты, — говорит, — с ума спятил, в такую жару одевать дитя в суконные штаны!» И моментально — швейную машинку на стол, порылась в сундуке, а через час моему Ванюшке уже сатиновые трусики были готовы и беленькая рубашонка с короткими рукавами. Спать я лёг вместе с ним и в первый раз за долгое время уснул спокойно. Однако ночью раза четыре вставал. Проснусь, а он у меня под мышкой приютится, как воробей под застрехой, тихонько посапывает, и до того мне становится радостно на душе, что и словами не скажешь! Норовишь не ворохнуться, чтобы не разбудить его, но всё-таки не утерпишь, потихоньку встанешь, зажжёшь спичку и любишься на него...

Перед рассветом проснулся, не пойму, с чего мне так душно стало? А это сынок мой вылез из простыни и поперёк меня улёгся, раскинулся и ножонкой горло мне придавил. И беспокойно с ним спать, а вот привык, скучно мне без него. Ночью то погладишь его сонного, то волосёнки на вихрах понюхаешь, и сердце отходит, становится мягче, а то ведь оно у меня закаменело от горя...

Первое время он со мной на машине в рейсы ездил, потом понял я, что так не годится. Одному мне что надо? Краюшку хлеба и луковицу с солью, вот и сыт солдат на целый день. А с ним — дело другое: то молока ему надо добыть, то яичко сварить, опять же без горячего ему никак нельзя. Но дело-то не ждёт. Собрался с духом, оставил его на попечение хозяйки, так он до вечера слёзы точил, а вечером удрал на элеватор встречать меня. До поздней ночи ожидал там. Трудно мне с ним было на первых порах. Один раз легли спать ещё засветло, днём наморился я очень, и он — то всегда щебечет, как воробушек, а то что-то примолчался. Спрашиваю: «Ты о чём думаешь, сынок?» А он меня спрашивает, сам в потолок смотрит: «Папка, ты куда своё кожаное пальто дел?» В жизни у меня никогда не было кожаного пальто! Пришлось изворачиваться: «В Воронеже осталось», — говорю ему. «А почему ты меня так долго искал?» Отвечаю ему: «Я тебя, сынок, и в Германии искал, и в Польше, и всю Белоруссию прошёл и проехал, а ты в Урюпинске оказался». — «А Урюпинск — это ближе Германии? А до Польши далеко от нашего дома?» Так и болтаем с ним перед сном.

А ты думаешь, браток, про кожаное пальто он зря спросил? Нет, всё это неспроста. Значит, когда-то отец его настоящий носил такое пальто, вот ему и запомнилось. Ведь детская память, как летняя зарница: вспыхнет, накоротке осветит всё и потухнет. Так и у него память, вроде зарницы, проблесками работает.

Может, и жили бы мы с ним ещё с годик в Урюпинске, но в ноябре случился со мной грех: ехал по грязи, в одном хуторе машину мою занесло, а тут корова подвернулась, я и сбил её с ног. Ну, известное дело, бабы крик подняли, народ сбежался, и автоинспектор тут как тут. Отобрал у меня шофёрскую книжку, как я ни просил его смириться. Корова поднялась, хвост задрала и пошла скакать по переулкам, а я книжки лишился. Зиму проработал плотником, а потом списался с одним приятелем, тоже сослуживцем, — он

в вашей области, в Кашарском районе, работает шофёром, — и тот пригласил меня к себе. Пишет, что, мол, поработаешь полгода по плотницкой части, а там в нашей области выдадут тебе новую книжку. Вот мы с сынком и командирuemся в Кашары походным порядком.

Да оно, как тебе сказать, и не случись у меня этой аварии с коровой, я всё равно подался бы из Урюпинска. Тоска мне не даёт на одном месте долго засиживаться. Вот уже когда Ванюшка мой подрастёт и придётся определять его в школу, тогда, может, и я угомонюсь, осяду на одном месте. А сейчас пока шагаем с ним по русской земле.

— Тяжело ему идти, — сказал я.

— Так он вовсе мало на своих ногах идёт, всё больше на мне едет. Посажу его на плечи и несу, а захочет промяться, — слезает с меня и бежит сбоку дороги, взбрыкивает, как козлёнок. Всё это, браток, ничего бы, как-нибудь мы с ним прожили бы, да вот сердце у меня раскачалось, поршня надо менять... Иной раз так схватит и прижмёт, что белый свет в глазах меркнет. Боюсь, что когда-нибудь во сне помру и напугаю своего сынишку. А тут ещё одна беда: почти каждую ночь своих покойников дорогих во сне вижу. И всё больше так, что я — за колючей проволокой, а они на воле, по другую сторону... Разговариваю обо всём и с Ириной, и с детишками, но только хочу проволоку руками раздвинуть, — они уходят от меня, будто тают на глазах... И вот удивительное дело: днём я всегда крепко себя держу, из меня ни «оха», ни вздоха не выжмешь, а ночью проснусь, и вся подушка мокрая от слёз...

В лесу послышался голос моего товарища, плеск весла по воде.

Чужой, но ставший мне близким человек поднялся, протянул большую, твёрдую, как дерево, руку:

— Прощай, браток, счастливо тебе!

— И тебе счастливо добраться до Кашар.

— Благодарствую. Эй, сынок, пойдём к лодке.

Мальчик подбежал к отцу, пристроился справа и, держась за полу отцовского ватника, засеменял рядом с широко шагавшим мужчиной.

Два осиротевших человека, две песчинки, заброшенные в чужие края военным ураганом невиданной силы... Что-то ждёт их

впереди? И хотелось бы думать, что этот русский человек, человек несгибаемой воли, выдюжит и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет всё вытерпеть, всё преодолеть на своём пути, если к этому позовёт его Родина.

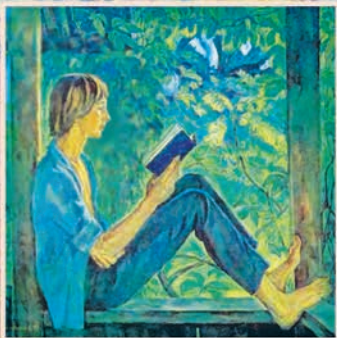
С тяжёлой грустью смотрел я им вслед... Может быть, всё и обошлось бы благополучно при нашем расставании, но Ванюшка, отойдя несколько шагов и заплетая куцыми ножками, повернулся на ходу ко мне лицом, помахал розовой ручонкой. И вдруг словно мягкая, но когтистая лапа сжала мне сердце, и я поспешно отвернулся. Нет, не только во сне плачут пожилые, поседевшие за годы войны мужчины. Плачут они и наяву. Тут главное — уметь вовремя отвернуться. Тут самое главное — не ранить сердце ребёнка, чтобы он не увидел, как бежит по твоей щеке жгучая и скупая мужская слеза...

1956

1. Перескажите кратко сюжет рассказа. Назовите композиционные элементы рассказа. Какую композицию использует автор в рассказе?
2. Найдите портрет Андрея Соколова. Какие детали подчёркивает в нём автор? Какие особенности внешности и характера героя точно переданы на иллюстрации С. Трофимова (с. 212)?
3. Назовите самые драматические эпизоды военной судьбы Андрея Соколова. Охарактеризуйте поведение героя в них.
4. Перечитайте сцену противостояния русского солдата Соколова и коменданта концлагеря Мюллера (с. 226—228). Какое значение она имеет для понимания образа Андрея Соколова? Докажите, что это нравственный поединок персонажей.
5. В каких словах выражена основная мысль военных сцен рассказа? Как создаётся впечатление достоверности описанных событий?
6. Какие испытания выпали на долю Соколова после удавшегося побега? Покажите, что сюжетно и эмоционально образ Соколова похож на лирического героя стихотворения М. В. Исаковского «Враги сожгли родную хату...».
7. Что помогло Соколову начать новую жизнь после войны? Откуда появился Ванюша? Какую роль играет образ этого мальчика в рассказе?
8. Как соотносится название рассказа «Судьба человека» и история главного героя?

Литература второй половины XX века

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА 1950—1990-х ГОДОВ

Во второй половине XX века жизнь в СССР была очень изменчивой. Сначала надежду на перемены людям подарил XX съезд КПСС, где были признаны ошибки, совершённые в 1930—1940-е годы под руководством Сталина: всеобщая коллективизация, репрессии видных учёных, деятелей культуры и искусства, которые были не согласны с политикой коммунистов, неоправданно высокие жертвы, которые понесла страна в Великой Отечественной войне, особенно на её начальном этапе. Люди почувствовали глоток свободы — и очень быстро на это отреагировала литература, в частности — поэзия. В ней произошёл *«лирический взрыв»*.

Центром поэтической жизни страны стали Москва и Ленинград. Громадные залы Лужников, площадь имени В. В. Маяковского, концертный зал имени П. И. Чайковского, Политехнический музей в Москве, театральные и концертные залы Ленинграда, да и других городов страны, заполнялись до отказа, когда объявлялся вечер поэзии. Начался своеобразный поэтический бум. В литературу пришли новые авторы.

Представителями *«эстрадной» поэзии* считались Р. И. Рождественский, Б. А. Ахмадулина, Е. А. Евтушенко, А. А. Вознесенский и т. д. *«Тихая» поэзия* — это творчество Н. М. Рубцова, В. Н. Соколова, Я. В. Смелякова и др. Родоначальниками *авторской песни* стали Б. Ш. Окуджава, В. В. Высоцкий, А. А. Галич, Ю. И. Визбор.

Но уже в 1970-е годы поэзия утратила свою массовость. Заметное место в ней стало отводиться социальным и моральным проблемам современности, одним из самых распространённых жанров становится поэма. В 1970—1980-е годы появляется и приобретает большую популярность так называемая рок-поэзия (А. В. Макаревич, Б. Б. Гребенщиков и др.), представители которой часто бросали вызов современникам и официальным общественным ценностям.

Новый виток в развитии поэтического творчества дала перестройка (1985—1991). На Родине были опубликованы впервые произведения А. А. Ахматовой, Б. Л. Пастернака и других — это так называемая *возвращённая литература*. Советскому читателю стали доступны произведения оказавшихся по разным причинам за рубежом писателей: И. А. Бродского, В. В. Набокова, А. А. Галича и др. В поэзии вновь наблюдается подъём, вызвавший разнообразие художественных течений, жанров и литературных направлений, поэтому последнюю треть XX столетия всё чаще называют бронзовым веком русской поэзии.

1. Выпишите названия направлений в лирике 1950—1990-х годов. Назовите представителей каждого направления.

Николай Алексеевич ЗАБОЛОЦКИЙ

1903—1958

Талант Н. А. Заболоцкого был велик и разносторонен: он известен как поэт, смело экспериментировавший со словом и формой, автор ряда блестящих пародий на стихотворные произведения поэтов начала XX века, детский писатель и переводчик. Жизненной установкой его был постоянный труд — именно это помогало поэту выживать в сталинских лагерях на протяжении пяти лет (1939—1944), а после реабилитации в 1953 году вновь занять достойное место в русской поэзии.

О КРАСОТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЛИЦ

Есть лица, подобные пышным порталам¹,
Где всюду великое чудится в малом.
Есть лица — подобия жалких лачуг,
Где варится печень и мокнет сычуг².
Иные холодные, мёртвые лица
Закрыты решётками, словно темница.
Другие — как башни, в которых давно
Никто не живёт и не смотрит в окно.
Но малую хижинку знал я когда-то,
Была неказиста она, небогата,
Зато из окошек её на меня
Струилось дыхание весеннего дня.
Поистине мир и велик и чудесен!
Есть лица — подобья ликующих песен.
Из этих, как солнце, сияющих нот
Составлена песня небесных высот.

1955

1. Почему в стихотворении поэт уподобил человеческие лица именно архитектурным строениям, а не произведениям других видов искусства (живопись, скульптура, музыка)?
2. Н. А. Заболоцкий рисует 6 человеческих типов, характерные черты которых запечатлены в их лицах. Охарактеризуйте эти лица по следующим признакам: форма, внешняя привлекательность, цветовая гамма. Как выражается внутренняя сущность этих человеческих типов в их внешнем облике?
3. Как вы думаете, почему Н. А. Заболоцкий не разделил стихотворение на строфы?

4. Придумайте историю (эпизод из жизни) людей, чьи лица изображены в стихотворении.

¹ *Портáл* — большие ворота; главный вход в большом архитектурном сооружении.

² *Сычúг* — часть желудка у животных.

НЕКРАСИВАЯ ДЕВОЧКА

Среди других играющих детей
Она напоминает лягушонка.
Заправлена в трусы худая рубашонка,
Колечки рыжеватые кудрей
Рассыпаны, рот длинен, зубки кривы,
Черты лица остры и некрасивы.
Двум мальчуганам, сверстникам её,
Отцы купили по велосипеду.
Сегодня мальчики, не торопясь к обеду,
Гоняют по двору, забывши про неё,
Она ж за ними бегают по следу.
Чужая радость, так же, как своя,
Томит её и вон из сердца рвётся,
И девочка ликует и смеётся.
Охваченная счастьем бытия.

Ни тени зависти, ни умысла худого
Ещё не знает это существо.
Ей всё на свете так безмерно ново,
Так живо всё, что для иных мертво!
И не хочу я думать, наблюдая,
Что будет день, когда она, рыдая,
Увидит с ужасом, что посреди подруг
Она всего лишь бедная дурнушка!
Мне верить хочется, что сердце не игрушка,
Сломать его едва ли можно вдруг!
Мне верить хочется, что чистый этот пламень,
Который в глубине её горит.
Всю боль свою один переболит
И перетопит самый тяжкий камень!
И пусть черты её не хороши
И нечем ей прельстить воображение, —
Младенческая грация души
Уже сквозит в любом её движении.

А если так, то что есть красота
И почему её обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, блистающий в сосуде?

1955

1. Сколько смысловых частей можно выделить в стихотворении? Какие средства художественной выразительности определяют настроение каждой части?
2. Найдите описание девочки. О чём говорит эпитет «худая»? Какой смысл приобретает первая строка «Среди других играющих детей»?
3. Каков внутренний мир у этой девочки?
4. В чём заключается счастье бытия, по мысли автора? Какую основную мысль выражает автор?
5. Дайте свой ответ на последний вопрос стихотворения «Что есть красота и почему её обожествляют люди?».

НЕ ПОЗВОЛЯЙ ДУШЕ ЛЕНИТЬСЯ

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Гони её от дома к дому,
Тащи с этапа на этап,
По пустырю, по бурелому,
Через сугроб, через ухаб!

Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,
Держи лентяйку в чёрном теле
И не снимай с неё узды!

Коль дать ей вздумаешь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвёт.

А ты хватай её за плечи.
Учи и мучай дотемна,
Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она.

Она рабыня и царица,
Она работница и дочь.
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

1958

1. В каких образах и картинах поэт изображает душу? Выпишите существительные, которые передают этот образ. Проанализируйте их и подумайте, что произойдёт с душой, если она не будет трудиться.
2. Обратите внимание на роль глаголов в стихотворении: в какой форме они употреблены и почему?
3. Почему первая и последняя строфы похожи по содержанию, но различны по интонации?

Особенности философской лирики

Философская лирика — разновидность лирических произведений, в которых поэты рассуждают о вечных вопросах: о смысле и предназначении человеческой жизни, выборе жизненной позиции каждым человеком, добре и зле и т. д.

В русской поэзии одним из первых к философской лирике обратился Ф. И. Тютчев. Известны философские стихотворения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова. Многие произведения Н. А. Заболоцкого тоже относят к философской лирике, поскольку они составляют целостную картину мира, где чётко определено место человека, осмысливаются ценности, управляющие миром.

1. На примере одного из изученных стихотворений Н. А. Заболоцкого покажите особенности философской лирики.
2. Подумайте, почему лирику Заболоцкого иногда определяют как пейзажно-философскую.

Роберт Иванович РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

1932—1994

Роберт Рождественский родился в небольшом селе на Алтае. Детство поэта совпало с Великой Отечественной войной. Родители ушли на фронт, поэтому мальчик остался с бабушкой. Но в 1943 году она умерла, и мать приняла трудное решение — оформила родного сына как сына полка и повезла с собой через всю страну на фронт. Однако «поезд больше стоял», как вспоминал сам поэт, мать успела изменить решение и определила сына в детский дом. Первое стихотворение он написал в 11 лет. Со второй попытки поступил в Литературный институт в Москве, где учился вместе с Е. А. Евтушенко и другими выдающимися писателями.

ЗА ТОГО ПАРНЯ

Я сегодня до зари
встану.
По широкому пройду
полю.
Что-то с памятью моей
стало:
всё, что было не со мной,
помню.
Бьют дождинки по щекам
впалым.
Для вселенной двадцать лет —
мало.
Даже не был я знаком
с парнем,
обещавшим:
«Я вернусь, мама!..»

1. При каких обстоятельствах вдруг в памяти человека может зазвучать неизвестная песня незнакомого человека?

2. Каким образом поэт приближает тему войны к современности?

3. Докажите, что Рождественский — «мастер неожиданных рифм и ритмических рисунков, стройных композиций и удачных рефренов¹». Выпишите примеры названных средств художественной выразительности из стихотворения «За того парня».

4. Выполните задание «Р. Рождественский. “За того парня”. Творческое задание».

Всё начинается с любви...

Твердят:

«В начале

было

слово...»

А я провозглашаю снова:

всё начинается с любви!..

Всё начинается с любви:

и озаренье,

и работа,

глаза цветов,

глаза ребёнка —

всё начинается с любви.

Всё начинается с любви.

С любви!

Я это точно знаю.

Всё,

даже ненависть —

родная

и вечная

сестра любви.

Всё начинается с любви:

мечта и страх,

вино и порох.

Трагедия,

тоска

и подвиг —

всё начинается с любви...

Весна шепнёт тебе:

«Живи...»

И ты от шёпота качнёшься.

И выпрямишься.

И начнёшься.

Всё начинается

с любви!

1974

¹ *Рефрэн* — строка, повторяющаяся в конце каждой строфы и содержащая в себе главную мысль произведения.

1. Какое библейское выражение по-новому осмысливает поэт?
2. Выпишите из второй строфы понятия, которые поэт связывает с любовью. В какие тематические группы можно объединить эти слова?
3. Проанализируйте предложенный в четвёртой строфе ассоциативный ряд. Какие из понятий, включённых автором в текст, кажутся вам спорными или, возможно, слишком оригинальными?

Евгений Александрович ЕВТУШЕНКО

1933—2017

Поэтический дар Евтушенко развился рано благодаря отцу — поэту-любителю — и матери — актрисе, солистке театра имени К. Станиславского. Вместе с отцом будущий поэт посещал вечера поэзии в МГУ, где читали стихи А. А. Ахматова, А. Т. Твардовский, а в доме матери часто бывали Б. А. Ахмадулина, Р. И. Рождественский и др.

Простота и доступность стихотворений Евгения Евтушенко способствовали чрезвычайной их популярности. В 1952 году поэта приняли в Союз писателей без обязательного в то время условия — предварительного вступления в ряды КПСС.

Стихотворения Е. А. Евтушенко стали поэтической летописью своего времени. Часто поэт обращался к вопросам политики и экономики, но более всего поэта волновала история человеческой души.

* * *

Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы как истории планет.
У каждой всё особое, своё,
и нет планет, похожих на неё.

И если кто-то незаметно жил
и с этой незаметностью дружил,
он интересен был среди людей
самою незаметностью своей.

У каждого — свой тайный личный мир.
Есть в мире этом самый лучший миг.
Есть в мире этом самый страшный час,
но это всё неведомо для нас.

И если умирает человек,
с ним умирает первый его снег,
и первый поцелуй, и первый бой...
Всё это забирает он с собой.

Да, остаются книги и мосты,
машины и художников холсты,
да, многому остаться суждено,
но что-то ведь уходит всё равно!

Таков закон безжалостной игры.
Не люди умирают, а миры.
Людей мы помним, грешных и земных.
А что мы знали, в сущности, о них?

Что знаем мы про братьев, про друзей,
что знаем о единственной своей?
И про отца родного своего
мы, зная всё, не знаем ничего.

Уходят люди... Их не вернуть.
Их тайные миры не возродить.
И каждый раз мне хочется опять
от этой невозвратности кричать...

1962

1. Определите тему стихотворения.
2. С чем сравнивает поэт отдельного человека? Как доказывается уникальность каждого человека, важность именно его жизни для всей вселенной? Подберите цитаты, иллюстрирующие ваш ответ.
3. Что изменяется в мире, когда человек уходит из жизни? Каким чувством окрашены строки о наследии, оставшемся после смерти других людей?

4. Какое значение для понимания идеи стихотворения имеет сравнение человека с целым миром?

* * *

Я не сдаюсь, но всё-таки сдаю,
Я в руки брать перо перестаю,
И на мои усталые уста
Пугающе нисходит немота.

Но слышу я, улёгшийся в постель,
Как что-то хочет рассказать метель.
И как трамваи в шуме городском
Звенят печально каждый о своём.

Пытаются шептать клочки афиш,
Пытается кричать железо крыш.
И в трубах петь пытается вода.
И так мычат беззвучно провода.

Вот также люди, если плохо им,
Не могут рассказать всего другим.
Наедине с собой они молчат
Или вот так же горестно мычат.

И вот я снова за столом своим.
Я как возможность высказаться им.
А высказать других, о них скорбя,
И есть возможность высказать себя.

1989

1. Как в стихотворении раскрывается тема поэта и поэзии?
2. Откуда поэт черпает вдохновение, сюжеты для своего творчества?
3. Как произведение о сущности поэтического творчества связано с темой одиночества?
4. Перечитайте последнюю строфу. Нет ли в ней парадоксальности? Какие слова и почему повторяются почти в каждой строке этой строфы?

Николай Михайлович РУБЦОВ

1936—1971

Детство будущего поэта было трудным: частые переезды из-за работы отца, начавшаяся война, смерть матери, гибель отца на фронте — всё это привело к тому, что мальчик оказался в детском доме. Село Никольское, где был расположен детдом, стало для Н. М. Рубцова малой родиной, которую он воспевал в своих стихах. Четырнадцатилетний мальчишка, бредивший морем, пытался в Риге попасть во флот, но из-за малолетства его не взяли. Мечта стать моряком осуществилась в 1955 году. Четыре года Рубцов служил во флоте. В это же время произошло его рождение как поэта.

РУССКИЙ ОГОНЁК

1

Погружены

 в томительный мороз,
Вокруг меня снега оцепенели!
Оцепенели маленькие ели,
И было небо тёмное, без звёзд.
Какая глушь! Я был один живой.
Один живой в бескрайнем мёртвом поле!
Вдруг тихий свет — пригрезившийся, что ли? —
Мелькнул в пустыне,
 как сторожевой...

Я был совсем как снежный человек,
Входя в избу, — последняя надежда! —
И услышал, отряхивая снег:
— Вот печь для вас... И тёплая одежда...
Потом хозяйка слушала меня,

Но в тусклом взгляде жизни было мало,
И, неподвижно сидя у огня,
Она совсем, казалось, задремала...

2

Как много жёлтых снимков на Руси
В такой простой и бережной оправе!
И вдруг открылся мне и поразил
Сиротский смысл семейных фотографий!

Огнём, враждой земля полным-полна,
И близких всех душа не позабудет...
— Скажи, родимый, будет ли война?
И я сказал:
— Наверное, не будет.
— Дай бог, дай бог... ведь всем не угодишь,
А от раздора пользы не прибудет... —
И вдруг опять: — Не будет, говоришь?
— Нет, — говорю, — наверное, не будет!
— Дай бог, дай бог...
И долго на меня
Она смотрела, как глухонемая,
И, головы седой не поднимая,
Опять сидела тихо у огня.
Что снилось ей? Весь этот белый свет,
Быть может, встал пред нею в то мгновенье?
Но я глухим брэнчанием монет
Прервал её старинные виденья.
— Господь с тобой! Мы денег не берём.
— Что ж, — говорю, — желаю вам здоровья!
За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...

3

Спасибо, скромный русский огонёк,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далёк,

За то, что, с доброй верою друга,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле, и нет тебе покоя...

1964

1. Опишите, каким вы представляете себе лирического героя стихотворения.
2. Как вы думаете, почему автор назвал это стихотворение «Русский огонёк»? Какой дополнительный смысл вкладывается им в каждое из слов заглавия?
3. Какие картины природы рисует поэт, чтобы усилить ощущение одиночества лирического героя?
4. Определите размер стихотворения, найдите интересные эпитеты, метафоры, повторы.
5. В каких строках, по вашему мнению, выражена основная мысль стихотворения? Найдите и прочитайте их выразительно.
6. Выполните задание «Смысл названия (Н. М. Рубцов «Русский огонёк»)».

УТРО

Когда заря, светясь по сосняку,
Горит, горит, и лес уже не дремлет,
И тени сосен падают в реку,
И свет бежит на улицы деревни,
Когда, смеясь, на дворике глухом
Встречают солнце взрослые и дети,—
Воспрянув духом, выбегу на холм
И всё увижу в самом лучшем свете.
Деревья, избы, лошадь на мосту,
Цветущий луг — везде о них тоскую.
И, разлюбив вот эту красоту,
Я не создам, наверное, другую...

1965

1. К какому жанру лирики можно отнести стихотворение «Утро»?
2. Какие картины утреннего пробуждения рисует поэт? Какие слова используются для того, чтобы запечатлеть восход солнца? Обратите внимание на последовательность их появления в тексте стихотворения.

3. В каких взаимоотношениях находятся мир природы и мир людей?
4. Как воздействует на лирического героя утреннее пробуждение природы? Почему стихотворение заканчивается многоточием?
5. Выполните задание «Настроение стихотворения (Н. М. Рубцов “Утро”)».

Юрий Павлович КАЗАКОВ

1927—1982

Юрий Казаков родился и долгое время жил в Москве, в самом центре культурной жизни столицы — на Арбате. Неизгладимое впечатление на будущего писателя произвела военная столица. С 15 лет началось увлечение музыкой: Юрий играл в джазовых и симфонических оркестрах. Но вечные вопросы веры и совести, потребность в творческом самоопределении привели Казакова на русский Север. Ещё мальчишкой он влюбился в стародавние избышки и «мужика с лукошком», а уже студентом Литературного института отправился в командировку по Беломорью. Там молодой писатель, по его словам, «родился второй раз». Дикая природа, цельные, под стать ей, люди, суровый поморский быт представлены в первых рассказах Казакова.

1. «Человек с богатой внутренней биографией может возвыситься до выражения эпохи в своём творчестве, прожив в то же время жизнь, бедную внешними событиями. Таков был, например, Блок». Что такое «внутренняя биография»? Можно ли слова писателя отнести к нему самому?

О работе над рассказом «Голубое и зелёное» Ю. П. Казаков писал: «...Я скоро сел за другой — “Голубое и зелёное” — рассказ о первой любви. <...> Начинал его раза три и чувствовал, что у меня ничего не получается, потому что там очень молоденькие, очень наивные герои, и любовь их весьма романтическая — школьная любовь. Поэтому я интуитивно понял, что <...> теперь надо писать в виде лирической исповеди...»

— Лиля, — говорит она глубоким грудным голосом и подаёт мне горячую маленькую руку.

Я осторожно беру её руку, пожимаю и отпускаю. Я бормочу при этом своё имя. Кажется, я не сразу даже сообразил, что нужно назвать своё имя. Рука, которую я только что отпустил, нежно белеет в темноте. «Какая необыкновенная, нежная рука!» — с восторгом думаю я.

Мы стоим на дне глубокого двора. Как много окон в этом квадратном тёмном дворе: есть окна голубые, и зелёные, и розовые, и просто белые. Из голубого окна на втором этаже слышна музыка. Там включили приёмник, и я слышу джаз. Я очень люблю джаз, нет, не танцевать — танцевать я не умею, — я люблю слушать хороший джаз. Некоторые не любят, но я люблю. Не знаю, может быть, это плохо. Я стою и слушаю джазовую музыку со второго этажа, из голубого окна. Видимо, там прекрасный приёмник.

После того как она назвала своё имя, наступает долгое молчание. Я знаю, что она ждёт от меня чего-то. Может быть, она думает, что я заговорю, скажу что-нибудь весёлое, она, может, ждёт моего первого слова, вопроса какого-нибудь, чтобы заговорить самой. Но я молчу, я весь во власти необыкновенного ритма и серебряного звука трубы. Как хорошо, что играет музыка и я могу молчать!

Наконец мы трогаемся. Мы выходим на светлую улицу. Нас четверо: мой приятель с девушкой, Лилия и я. Мы идём в кино. В первый раз я иду в кино с девушкой, в первый раз меня познакомили с ней, и она подала мне руку и сказала своё имя. Чудесное имя, произнесённое грудным голосом! И вот мы идём рядом, совсем чужие друг другу и в то же время странно знакомые. Музыки больше нет, и мне не за что спрятаться. Мой приятель отстаёт со своей девушкой. В страхе я замедляю шаги, но те идут ещё медленней. Я знаю, он делает это нарочно. Это очень плохо с его стороны — оставить нас наедине. Никогда не ожидал от него такого предательства!

Что бы такое сказать ей? Что она любит? Осторожно, сбоку смотрю на неё: блестящие глаза, в которых отражаются огни, тёмные, наверное, очень жёсткие волосы, сдвинутые густые брови, придающие ей самый решительный вид... Но щёки у неё почему-то напряжены, как будто она сдерживает смех. Что бы ей всё-таки сказать?

— Вы любите Москву? — вдруг спрашивает она и смотрит на меня очень строго. Я вздрагиваю от её глубокого голоса. Есть ли ещё у кого-нибудь такой голос!

Некоторое время я молчу, переводя дух. Наконец собираюсь с силами. Да, конечно, я люблю Москву. Особенно я люблю арбатские переулки и бульвары. Но и другие улицы тоже люблю... Потом я снова умолкаю.

Мы выходим на Арбатскую площадь. Я принимаюсь насвистывать и сую руки в карманы. Пусть думает, что знакомство с ней мне не так уж интересно. Подумаешь! В конце концов я могу уйти домой, я тут рядом живу, и вовсе не обязательно мне идти в кино и мучиться, видя, как дрожат её щёки.

Но мы всё-таки приходим в кино. До начала сеанса ещё минут пятнадцать. Мы стоим посреди фойе и слушаем певицу, но её плохо слышно: возле нас много народу, и все потихоньку разговаривают. Я давно заметил, что те, кто стоит в фойе, плохо слушают оркестр. Слушают и аплодируют только передние, а сзади едят мороженое и конфеты и тихо переговариваются. Решив, что певицу всё равно не услышишь как следует, я принимаюсь разглядывать картины. Я никогда раньше не обращал внимания на них, но теперь я очень заинтересован. Я думаю о художниках, которые их нарисовали. Видимо, незря повесили эти картины в фойе. Очень хорошо, что они висят тут.

Лиля смотрит на меня блестящими серыми глазами. Какая она красивая! Впрочем, она вовсе не красивая, просто у неё блестящие глаза и розовые крепкие щёки. Когда она улыбается, на щеках появляются ямочки, а брови расходятся и не кажутся уже такими строгими. У неё высокий чистый лоб. Только иногда на нём появляется морщинка. Наверное, она думает в это время.

Нет, я больше не могу стоять с ней! Почему она так меня рассматривает?

— Пойду покурю, — говорю я отрывисто и небрежно ухожу в курительную. Там я сажусь и вздыхаю с облегчением. Странно, но когда в комнате много дыма, когда воздух совсем тёмный от дыма, почему-то не хочется курить. Я осматриваюсь: стоят и сидят много людей. Некоторые спокойно разговаривают, другие молча торопливо курят, жадно затягиваются, бросают недокуренные папиросы и быстро выходят. Куда они торопятся? Я смотрю на часы: до сеанса

ещё пять минут. Нет, я, наверное, всё-таки глуп. Другие так легко знакомятся, разговаривают, смеются. Другие ужасно остроумны, говорят о футболе и о чём угодно. Спорят о кибернетике. Я бы ни за что не заговорил с девушкой о кибернетике. А Лиля жестокая, решаю я, у неё жёсткие волосы. У меня волосы мягкие. Наверное, поэтому я сижу и курю, хотя мне совсем не хочется курить. Но я всё-таки посижу ещё. Что мне делать в фойе? Опять смотреть на картины? Но ведь это плохие картины, и неизвестно, для чего их повесили. Очень хорошо, что я их раньше никогда не замечал.

Наконец звонок. Я очень медленно выхожу из курительной, разыскиваю в толпе Лилю. Не глядя друг на друга, мы идём в зрительный зал и садимся. Потом гаснет свет и начинается кинокартина.

Когда мы выходим из кино, приятель мой совсем исчезает. Это так действует на меня, что я перестаю вообще о чём-либо думать. Просто иду и молчу. На улицах нет почти никого. Быстро проносятся автомашины. Наши шаги гулко отдаются от стен и далеко слышны.

Так мы доходим до её дома. Останавливаемся опять во дворе. Поздно, уже не все окна горят, и во дворе темнее, чем было два часа назад. Много белых и розовых окон погасло, но зелёные ещё горят. Светится и голубое окно на втором этаже. Только музыки больше не слышно оттуда. Некоторое время мы стоим совершенно молча. Лилия странно ведёт себя: поднимает лицо, смотрит на окна, будто считает их; она почти отворачивается от меня, потом начинает поправлять волосы... Наконец я очень небрежно, как бы между прочим, говорю, что нам нужно ещё встретиться завтра. Я очень рад, что во дворе темно и она не видит моих пылающих ушей.

Она согласна встретиться. Я могу прийти к ней, её окна выходят на улицу. У неё каникулы, родные уехали на дачу, и ей немного скучно. Она с удовольствием погуляет.

Я размышляю, прилично ли будет пожать ей руку на прощание. Она сама протягивает мне узкую руку, белеющую в темноте, и я снова чувствую её теплоту и доверчивость.

2

На другой день я прихожу к ней засветло. Во дворе на этот раз много ребят. Двое из них с велосипедами: они собираются куда-то ехать; но, может быть, они уже приехали? Остальные стоят просто

так. Мне кажется, все они смотрят на меня и отлично знают, зачем я пришёл. И я никак не могу пройти двором, я подхожу к её окнам на улицу. Я заглядываю в окно и откашливаюсь.

— Лиля, вы дома? — громко спрашиваю я. Я спрашиваю очень громко, и голос мой не дрожит. Это прямо замечательно, что у меня не прервался голос!

Да, она дома. У неё подруга. Они спорят о чём-то интересном, и я должен разрешить этот спор.

— Идите скорей! — зовёт меня Лиля.

Но мне невыносимо идти двором, я никак не могу идти двором...

— Я к вам влезу через окно! — решительно говорю я и вспрыгиваю на окно. Я очень легко и красиво вспрыгиваю на окно, перебрасываю одну ногу через подоконник и тут только замечаю насмешливое удивление подруги и замешательство Лили. Я сразу догадываюсь, что сделал какую-то неловкость, и застываю верхом на окне: одна нога на улице, другая в комнате. Я сижу и смотрю на Лилю.

— Ну, лезьте же! — нетерпеливо говорит Лиля. Брови её сходятся, и щёки всё больше краснеют.

— Не люблю летом торчать в комнатах... — бормочу я, делая высокомерное лицо. — Лучше я подожду вас на улице.

Я спрыгиваю с окна и отхожу к воротам. Как они смеются теперь надо мной! Я знаю, девчонки все жестокие и никогда нас не понимают. Зачем я пришёл сюда? Зачем мне служить посмешищем? Лучше всего мне уйти. Если побежать сейчас, то можно добежать до конца улицы и свернуть за угол, прежде чем она выйдет. Убежать или нет? Секунду я раздумываю: будет ли это удобно? Потом я поворачиваюсь и вдруг вижу Лилю. Она с подругой выходит из ворот, смотрит на меня, в глазах её ещё не погас смех, а на щеках играют ямочки.

На подругу я не смотрю. Зачем она идёт с нами? Что я буду с ними обеими делать? Я молчу, и Лиля начинает говорить с подругой. Они разговаривают, а я молчу. Когда мы проходим мимо афиш, я внимательно читаю их. Афиши можно иногда читать с конца, тогда выходят смешные гортанные слова. Доходим до угла, и тут подруга начинает прощаться. С признательностью я смотрю на неё. Она очень красивая и умная.

Подруга уходит, а мы идём на Тверской бульвар. Сколько влюблённых ходило по Тверскому бульвару! Теперь по нему идём мы. Правда, мы ещё не влюблённые. Впрочем, может быть, мы тоже

влюблённые, я не знаю. Мы идём довольно далеко друг от друга. Примерно в метре друг от друга. Липы уже отцвели. Зато очень много цветов на клумбах. Они совсем не пахнут, и названий их никто, наверное, не знает.

Мы очень много говорим. Никак нельзя установить последовательности в нашем разговоре и в наших мыслях. Мы говорим о себе и о наших знакомых, мы перескакиваем с предмета на предмет и забываем то, о чём говорили минуту назад. Но нас это не смущает, у нас ещё много времени, впереди длинный, длинный вечер, и можно ещё вспомнить забытое. А ещё лучше вспоминать всё потом, ночью.

Вдруг я замечаю, что у неё расстегнулось платье. У неё чудное платье, я таких ни у кого не видел — от ворота до пояса мелкие кнопочки. И вот несколько кнопок теперь расстегнулось, а она этого не замечает. Но не может же она ходить по улицам в расстёгнутом платье! Как бы мне сказать ей об этом? Может быть, взять и застегнуть самому? Сказать что-нибудь смешное и застегнуть, как будто это самое обыкновенное дело. Как было бы хорошо! Но нет, этого никак нельзя сделать, это просто невозможно. Тогда я отворачиваюсь, выжидаю паузу в разговоре и говорю, чтобы она застегнулась. Она сразу замолкает. А я смотрю на большую надпись, торчащую на крыше. Написано, что каждый может выиграть сто тысяч. Очень оптимистическая надпись. Вот бы нам выиграть когда-нибудь!

Потом я закуриваю. Я очень долго закуриваю. Потом я несмело взглядываю на неё. Платье застёгнуто, щёки у неё пламенеют, глаза делаются тёмными и строгими. Она тоже смотрит на меня, смотрит так, будто я очень изменился или узнал про неё что-то важное. Теперь мы идём уже немного ближе друг к другу.

Час проходит за часом, а мы всё ходим, говорим и ходим. По Москве можно ходить без конца. Мы выходим к Пушкинской площади, от Пушкинской спускаемся к Трубной, оттуда по Неглинке идём к Большому театру, потом к Каменному мосту... Я готов ходить бесконечно. Я только спрашиваю у неё, не устала ли она. Нет, она не устала, ей очень интересно. Гаснут фонари на улицах. Небо, дождавшись темноты, опускается ниже, звёзды становятся больше. Потом начинается тихий рассвет. На бульварах, тесно прижавшись, сидят влюблённые. На каждой скамейке по одной паре. Я смотрю на них с завистью и думаю, будем ли мы с Лилей сидеть когда-нибудь так.

На улицах совсем нет людей, только милиционеры. Они все смотрят на нас. Некоторые выразительно покашливают, когда мы проходим. Наверное, им хочется что-нибудь сказать нам, но они не говорят. Лиля наклоняет голову и ускоряет шаг. А мне почему-то смешно. Теперь мы с ней идём почти рядом. Её рука иногда касается моей. Это совсем незаметные прикосновения, но я их чувствую.

Наконец мы расстаёмся в её тихом гулком дворе. Все спят, не горит ни одно окно. Мы понижаем наши голоса почти до шёпота, но слова всё равно звучат громко, и мне кажется, нас кто-то подслушивает.

Домой я прихожу в три часа. Только сейчас я чувствую, как гудят ноги. Как же тогда устала она! Я зажигаю настольную лампу и начинаю читать. Я читаю «Замок Броуди», который дала мне Лиля. Это замечательная книга, я читаю её, и всё время вижу почему-то лицо Лили. Иногда я закрываю глаза и слышу её нежный грудной голос. Между страниц мне попадаетея длинный тёмный волос. Это её волос — ведь она читала «Замок Броуди». Почему я решил, что у неё жёсткие волосы? Это очень мягкий, шелковистый волос. Я осторожно сворачиваю его и кладу в том энциклопедии. Потом я спрячу его получше.

Совсем рассвело, и я не могу больше читать. Я ложусь и смотрю в окно. Мы живём очень высоко, на седьмом этаже. Из наших окон видны крыши многих домов. А вдали, там, откуда летом встаёт солнце, видна звезда Кремлёвской башни. Одна только звезда видна. Я люблю подолгу смотреть на эту звезду. Ночью, когда в Москве тихо, я слышу бой курантов. Ночью всё очень хорошо слышно. Я лежу, смотрю на звезду и думаю о Лиле.

3

А через неделю мы с матерью уезжаем на Север. Я давно мечтал об этой поездке — с самой весны. Но теперь жизнь в деревне для меня полна особенного значения.

Я впервые попадаю в леса, в настоящие дикие леса, и весь переполнен радостью первооткрывателя. У меня есть ружьё, — мне купили его, когда я окончил девять классов, — и я охочусь. Я брожу совсем один и не скучаю. Иногда я устаю. Тогда я сажусь и смотрю на широкую реку, на низкое осеннее небо. Август. И на Севере очень часто стоит плохая погода. Но и в плохую погоду и в солнце я выхожу рано утром из дому и иду в лес. Там я охочусь и собираю грибы или просто перехожу с поляны на поляну и смотрю

на белые ромашки, которых здесь множество. Мало ли что можно делать в лесу! Можно сесть на берегу озера и сидеть неподвижно. Прилетят утки, с шипением опустятся совсем рядом. Сначала они будут сидеть, прямо вытянув шеи, потом начнут нырять, плескаться, сплываться и расплываться. Я слежу за ними одними глазами, не поворачивая головы.

Потом выйдет солнце из-за туч, прорвётся через листья над моей головой и запустит золотые дрожащие пальцы глубоко в воду. Тогда становятся видными длинные ржавые стебли кувшинок. Возле стеблей показываются большие рыбы. Они застывают в солнечном луче, не шевеля ни одним плавником, будто греются или спят. И мне очень странно следить за ними. Глядя на них, сам цепенеешь и воспринимаешь всё как сквозь сон.

Мало ли что можно делать в лесу. Можно просто лежать, слушать гул сосен и думать о Лиле. Можно даже говорить с ней. Я рассказываю ей об охоте, об озёрах и лесах, о прекрасном запахе ружейного дыма, и она понимает меня, хотя женщины вообще не любят и не понимают охоты.

Иногда я возвращаюсь домой ночью. Я иду полем, и мне немного страшно. Со мной заряженное ружьё, но всё-таки я часто оглядываюсь. Очень темно. Только в небе, если долго смотреть, можно заметить слабый свет. Но на земле очень темно. Надо мной кругами беззвучно летают совы. Я вижу их, но, сколько бы я ни прислушивался, мне не удаётся услышать взмахов их крыльев. Однажды я выстрелил. Сова глухо ударилась о межу и долго потом щёлкала во тьме клювом...

Через месяц я возвращаюсь в Москву. Прямо с вокзала, едва поставив чемоданы, я иду к Лиле. Вечер, её окна светятся — значит, она дома. Я подхожу к окну, пробираясь через леса — её дом ремонтируют — и смотрю сквозь занавеску.

Она сидит за столом одна у настольной лампы и читает. Лицо её задумчиво. Она перевёртывает страницу, облокачивается, поднимает глаза и смотрит на лампу, наматывая на палец прядь волос. Какие у неё тёмные глаза. Почему я раньше думал, что они серые? Они совсем тёмные, почти чёрные. Я стою под лесами, пахнет штукатуркой и сосной. Этот сосновый запах доносится ко мне как далёкий отзвук моих охот, как воспоминание обо всём, что я оставил на Севере. За моей спиной слышны шаги прохожих. Люди идут куда-то, спешат,

чётко шагая по асфальту, у них свои мысли и свои любви, они живут каждый своей жизнью. Москва оглушила меня своим шумом, огнями, запахом, многолюдством, от которых я отвык за месяц. И я с робкой радостью думаю, как хорошо, что в этом огромном городе у меня есть любимая.

— Лиля! — зову я негромко.

Она вздрагивает, брови её поднимаются. Потом она встаёт, подходит к окну, отодвигает занавеску, наклоняется ко мне, и я близко вижу её тёмные радостные глаза.

— Алёша! — говорит она медленно. На щеках её появляются едва заметные ямочки. — Алёша! Это ты? Это правда ты? Я сейчас выйду. Ты хочешь гулять? Я очень хочу гулять с тобой. Я сейчас выйду.

Я выбираюсь из лесов, перехожу на другую сторону и смотрю на её окна. Вот гаснет свет, проходит короткая минута, и в чёрной дыре ворот показывается фигура Лили. Она сразу замечает меня и бежит ко мне через улицу. Она хватает мои руки и долго держит их в своих руках. Мне кажется, она загорела и немного похудела. Глаза её стали ещё больше. Я слышу, как колотится её сердце и прерывается дыхание.

— Пойдём гулять! — говорит наконец она. И тут я обращаю внимание, что она говорит мне «ты». Мне очень хочется сесть или прислониться к чему-нибудь — так вдруг ослабли мои ноги. Даже после самых утомительных охот они так не дрожали.

Но мне неудобно идти с ней. Я только на минуту зашёл повидать её. Я так плохо одет. Я прямо с дороги. На мне лыжный костюм, сбитые ботинки. Костюм прожжён в нескольких местах. Это я ночевал на охоте. Когда спишь у костра, очень часто прожигает куртку и брюки. Нет, я никак не могу идти с ней.

— Какая чепуха! — беспечно говорит она и тянет меня за руку. Ей нужно со мной поговорить. Она совсем одна, подружки ещё не приехали, родители на даче, она страшно скучает и всё время ждала меня. При чём здесь костюм? И потом, почему я не писал? Мне, наверное, было приятно, что другие мучаются?

И вот мы опять идём по Москве. Очень странный, сумасшедший какой-то вечер. Начинается дождь, мы прячемся в гулкий подъезд и, задыхаясь от быстрого бега, смотрим на улицу. С шумом падает вода по водосточной трубе, тротуары блестят, автомашины проезжают совсем мокрые, и от них к нам ползут красные и белые змейки света,

отражающегося на мокром асфальте. Потом дождь перестаёт, мы выходим, смеёмся, перепрыгиваем через лужи. Но дождь начинается с новой силой, и мы снова прячемся. На её волосах блестят капли дождя. Но ещё сильнее блестят её глаза, когда она смотрит на меня.

— Ты вспоминал обо мне? — спрашивает она. — Я почти всё время о тебе думала, хоть и не хотела. Сама не знаю почему. Ведь мы знакомы так мало. Правда? Я читала книгу и вдруг думала, понравилась бы она тебе? У тебя уши не краснели? Говорят, если думаешь долго о ком-нибудь, у него начинают уши краснеть. Я даже в Большой не пошла. Мне мама дала один билет, а я не пошла. Ты любишь оперу?

— Ещё бы! Я, может, скоро стану певцом. Мне сказали, что у меня хороший бас.

— Алёша! У тебя бас? Спой, пожалуйста! Ты потихоньку спой, и никто не услышит, одна я.

Сначала я отказываюсь. Потом я всё-таки пою. Я пою романсы и арии и не замечаю, что дождь уже кончился, по тротуару идут прохожие и оглядываются на нас. Лиля тоже не замечает ничего. Она смотрит мне в лицо, и глаза её блестят.

4

Молодым быть очень плохо. Жизнь проходит быстро, тебе уже семнадцать или восемнадцать лет, а ты ещё ничего не сделал. Неизвестно даже, есть ли у тебя какие-нибудь таланты. А хочется большой, бурной жизни! Хочется писать стихи, чтобы вся страна знала их наизусть. Или сочинить героическую симфонию и выйти потом к оркестру — бледному, во фраке, с волосами, падающими на лоб... И чтобы в ложе непременно сидела Лиля! Что ж мне делать? Что сделать, чтобы жизнь не прошла даром, чтобы каждый день был днём борьбы и побед! Я живу в тоске, меня мучит мысль, что я не герой, не открыватель. Способен ли я на подвиг? Не знаю. Способен ли я на тяжёлый труд, хватит ли у меня сил на свершение великих дел? Хуже всего то, что никто не понимает моей муки. Все смотрят на меня, как на мальчишку, даже иной раз ерошат мне волосы, будто мне ещё десять лет! И только Лиля, одна Лиля понимает меня, только с ней я могу быть до конца откровенным.

Мы давно уже занимаемся в школе: она в девятом, я — в десятом. Я решил заняться плаванием и стать чемпионом СССР, а потом

и мира. Уже три месяца хожу в бассейн. Кроль — самый лучший стиль. Это самый стремительный стиль. Он мне очень нравится. Но по вечерам я люблю мечтать.

Есть зимой короткая минута, когда снег на крышах и небо делается тёмно-голубыми в сумерках, даже лиловыми. Я стою у окна, смотрю в открытую форточку на лиловый снег, дышу нежным морозным воздухом, и мне почему-то грезятся далёкие путешествия, неизвестные страны, горы... Я голодаю, обрастаю рыжей бородой, меня печёт солнце или до костей прохватывает мороз, я даже гибну, но открываю ещё одну тайну природы. Вот жизнь! Если бы мне попасть в экспедицию!

Я начинаю ходить по трестам и главкам. Их много в Москве, и все они со звучными загадочными названиями. Да, экспедиции отправляются. В Среднюю Азию, и на Урал, и на Север. Да, работники нужны. Какая у меня специальность? Ах, у меня нет специальности... Очень жаль, но мне ничем не могут помочь. Мне необходимо учиться. Рабочим? Рабочих они нанимают на месте. Всего доброго!

И снова я хожу в школу, готовлю уроки... Что ж, придётся покориться обстоятельствам. Хорошо, я окончу десять классов и даже поступлю в институт. Мне теперь всё безразлично. Я поступлю в институт и стану потом инженером или учителем. Но в моём лице люди потеряют великого путешественника.

Наступил декабрь. Всё свободное время я провожу с Лилей. Я люблю её ещё больше. Я не знал, что любовь может быть бесконечной. Но это так. С каждым месяцем Лиля делается мне всё дороже, и уже нет жертвы, на которую я бы не пошёл ради неё. Она часто звонит мне по телефону. Мы долго разговариваем, а после разговора я никак не могу взяться за учебники. Начались сильные морозы с метелями. Мать собирается ехать в деревню, но у неё нет тёплого платка. Старинная тёплая шаль есть у тёти, которая живёт за городом. Мне нужно поехать и привезти эту шаль.

В воскресенье утром я выхожу из дому. Но вместо того чтобы ехать на вокзал, я захожу к Лиле. Мы идём с ней на каток, потом — греться в Третьяковку. В Третьяковке зимой очень тепло, там есть стулья, и на стульях можно посидеть и потихоньку поговорить. Мы бродим по залам, смотрим картины. Особенно я люблю «Девочку с персиками» Серова. Эта девочка очень похожа на Лилю. Лиля краснеет и смеётся, когда я говорю ей об этом. Иногда мы совсем

забываем о картинах, разговариваем шёпотом и смотрим друг на друга. Между тем быстро темнеет. Третьяковка скоро закрывается, мы выходим на мороз, и тут я вспоминаю, что мне нужно было съездить за шалью. Я с испугом говорю об этом Лиле. Ну что ж, очень хорошо, мы сейчас же поедem за город.

И мы едем, радостные оттого, что нам не нужно расставаться. Мы сходим на платформе, засыпанной снегом, и идём дорогой через поле. Впереди и сзади темнеют фигуры людей, идущих вместе с нами с электрички. Слышны разговоры и смех, вспыхивают огоньки папирос. Иногда кто-нибудь впереди бросает окурок на дорогу. Мы подходим, он всё ещё светится. Вокруг огонька — маленькое розовое пятнышко на снегу. Мы не наступаем на него. Пусть ещё посветится во тьме. Потом мы переходим через замёрзшую реку, и под нами гулко скрипит деревянный мост. Очень сильный мороз. Мы идём тёмной просекой. По сторонам совсем чёрные ели и сосны. Тут гораздо темнее, чем в поле. Только из окон некоторых дач падают на снег жёлтые полосы света. Многие дачи стоят совсем глухие, тёмные: в них, наверное, зимой не живут. Сильно пахнет берёзовыми почками и чистым снегом, в Москве так никогда не пахнет.

Наконец мы подходим к дому моей тётки. Почему-то мне представляется невозможным заходить к ней вместе с Лилей.

— Лиля, ты подождёшь меня немного? — нерешительно прошу я. — Я очень скоро.

— Хорошо, — соглашается она. — Только недолго. Я совсем замёрзла. У меня замёрзли ноги. И лицо. Нет, ты не думай, я рада, что поехала с тобой! Только ты недолго, правда?

Я ухожу, оставляя её на тёмной просеке совсем одну. У меня очень нехорошо на сердце.

Тётя и двоюродная сестра удивлены и обрадованы. Почему я так поздно? Как я вырос! Совсем мужчина. Наверное, я останусь ночевать?

— Как здоровье мамы?

— Спасибо, очень хорошо.

— Папа работает?

— Да, папа работает.

— Всё там же? А как здоровье дяди?

Господи, тысячи вопросов! Сестра смотрит расписание поездов. Ближайший обратный поезд идёт в одиннадцать часов. Я должен

раздеться и напиться чаю. И потом я должен дать им посмотреть на себя и рассказать обо всём. Ведь я не был у них целый год. Год — это очень много.

Меня насильно раздевают. Топится печка, ярко горит лампа в розовом абажуре, стучат старинные часы. Очень тепло и очень хочется чаю. Но на тёмной просеке меня ждёт Лиля!

Наконец я говорю:

— Простите, но я очень спешу... Дело в том, что я не один. Меня на улице ждёт... один приятель.

Как меня ругают! Я совсем невоспитанный человек. Разве можно оставлять человека на улице в такой холод! Сестра выбегает в сад, я слышу под окном хруст её шагов. Немного погодя хрустит снег, и сестра вводит в комнату Лилю. Она совсем белая. Её раздевают и сажают к печке. На ноги ей надевают тёплые валенки.

Понемногу мы отогреваемся. Потом садимся пить чай. Лилия стала пунцовой от тепла и смущения. Она почти не поднимает глаз от чашки, только изредка страшно серьёзно взглядывает на меня. Но щёки её напряжены, и на них дрожат ямочки. Я уже знаю, что это значит, и очень счастлив! Я выпил уже пять стаканов чаю.

Потом мы встаём из-за стола. Пора ехать. Мы одеваемся, мне дают шаль. Но вдруг раздумывают, велят Лиле раздеться, укутывают её шалью и сверху натягивают пальто. Она очень толстая теперь, лицо её почти всё закрыто шалью, только блестят глаза.

Мы выходим на улицу и первое время ничего не видим. Лилия крепко держится за меня. Отойдя от дома, мы начинаем немного различать тропинку. Лилия вдруг начинает хохотать. Она даже падает два раза, и мне приходится поднимать её и вытряхивать снег из рукавов.

— Какой у тебя был вид! — еле выговаривает она. — Ты смотрел на меня, как страус, когда меня привели!

Я тоже хохочу во всё горло.

— Алёша! — вдруг со сладким ужасом говорит она. — А ведь нас могут остановить!

— Кто?

— Ну, мало ли кто! Бандиты... Они могут нас убить.

— Ерунда! — говорю я громко.

Кажется, я говорю это слишком громко. И почему-то вдруг начинаю чувствовать, что на улице мороз. Он даже как будто покрепчал, пока мы пили чай и разговаривали.

— Ерунда! — опять повторяю я. — Никого здесь нет!

— А вдруг есть? — быстро спрашивает Лиля и оглядывается.

Я тоже оглядываюсь.

— Ты боишься? — звонко спрашивает она.

— Нет! Хотя... А ты боишься?

— Ах, я страшно боюсь! Нас определённо разденут. У меня предчувствие.

— Ты веришь предчувствиям?

— Верю. Зачем я поехала? Впрочем, я рада всё равно, что поехала.

— Да?

— Да! Если даже нас разденут и убьют, я всё равно не пожалею. А ты? Ты согласился бы умереть ради меня?

Я молчу и только крепче сжимаю её руку. Если бы мне только представился случай, чтобы доказать ей свою любовь!

— Алёша...

— Да?

— Я у тебя хочу спросить... Только ты не смотри на меня. Не смей заглядывать мне в лицо! Да... о чём я хотела? Отвернись!

— Ну вот, я отвернулся. Только ты смотри на дорогу. А то мы споткнёмся.

— Это ничего, я в платке, мне не больно падать.

— Да?

— Алёша.... Ты целовался когда-нибудь?

— Нет. Никогда не целовался. А что?

— Совсем никогда?

— Я целовался один раз... Но это было в первом классе. Я поцеловал одну девочку. Я даже не помню, как её звать.

— Правда? Ты не помнишь её имени?

— Нет, не помню.

— Тогда это не считается. Ты был ещё мальчик.

— Да, я был мальчик.

— Алёша... Ты хочешь меня поцеловать?

Я всё-таки спотыкаюсь. Теперь я не отворачиваюсь больше, я внимательно смотрю на дорогу.

— Когда? Сейчас? — спрашиваю я.

— Нет, нет... Если мы дойдём до станции и нас не убьют, тогда на станции я тебя поцелую.

Я молчу. Мороз, кажется, послабел. Я совсем его не чувствую. Очень горят щёки. И жарко. Или мы так быстро идём?

— Алёша...

— Да?

— Я совсем ни с кем не целовалась.

Я молча взглядываю на звёзды. Потом я смотрю вперёд, на желтоватое зарево огней над Москвой. До Москвы тридцать километров, но зарево её огней видно. Как всё-таки чудесна жизнь!

— Это, наверное, стыдно — целоваться? Тебе было стыдно?

— Я не помню, это было так давно... По-моему, это не особенно стыдно.

— Да, это было давно. Но всё-таки это, наверное, стыдно.

Мы идём уже полем. На этот раз мы совсем одни в пустом поле. Ни души не видно ни впереди, ни сзади. Никто не бросает на дорогу горящих окурков. Только звонко скрипят наши шаги. Вдруг впереди вспыхивает светлячок, похожий на далёкую свечку. Он вспыхивает, качается некоторое время и гаснет. Потом опять зажигается, но уже близко. Мы смотрим на этот огонёк и наконец догадываемся: это электрический фонарик. Потом мы замечаем маленькие чёрные фигуры. Они идут нам навстречу от станции. Может быть, это приехавшие на электричке? Нет, электричка не проходила, мы не слышали никакого шума.

— Ну вот... — говорит Лиля и крепче прижимается ко мне. — Я так и знала. Сейчас нас убьют. Это бандиты.

Что я могу ей сказать? Я ничего не говорю. Мы идём навстречу чёрным фигурам, мы очень медленно идём. Я вглядываюсь, считаю: шесть человек. Нащупываю в кармане ключ и вдруг испытываю прилив горячего восторга и отваги. Как я буду драться с ними! Я задыхаюсь от волнения, сердце моё бурно колотится. Они громко говорят о чём-то, но шагах в двадцати от нас замолкают.

— Лучше бы я тебя поцеловала, — печально говорит Лиля. — Я очень жалею...

И вот мы встречаемся на дороге среди пустынного поля. Шестеро останавливаются, зажигают фонарик, его слабый красноватый луч, скользнув по снегу, падает на нас. Мы щуримся. Нас оглядывают и молчат. У двоих распахнуты пальто. Один торопливо докуривает папиросу, сплёвывает в снег. Я жду оклика или удара. Но нас не окликают. Мы проходим.

— А девочка ничего, — сожалеюще замечает кто-то сзади. — Эй, малый, не робей! А то отобьём!

— Ты испугался, да? — спрашивает Лиля немного погодя.

— Нет! Я только за тебя боялся...

— За меня? — она сбоку странно смотрит на меня и замедляет шаги. — А я ни капельки не боялась! Мне только платка жалко было.

Больше до самой станции мы не говорим. У станции Лиля, становясь на цыпочки и обсыпаясь снегом, срывает веточку сосны и суёт в карман. Потом мы поднимаемся на платформу. Никого нет. У кассы горит одна лампочка, и снег на платформе блестит, как соль. Мы начинаем топать: очень холодно. Лиля вдруг отходит от меня и прислоняется к перилам. Я стою на краю платформы, над рельсами, и вытягиваю шею, стараюсь увидеть огонёк электрички.

— Алёша... — зовёт меня Лиля. У неё странный голос. Я подхожу. Ноги мои дрожат, мне делается вдруг чего-то страшно.

— Прижмись ко мне, Алёша, — просит Лиля. — Я совсем замёрзла.

Я обнимаю её и прижимаюсь к ней, и моё лицо почти касается её лица. Я близко вижу её глаза. Я впервые так близко вижу её глаза. На ресницах у неё густой иней, волосы выбились из-под шали, и на них тоже иней. Какие у неё большие глаза и какой испуганный взгляд! Снег скрипит у нас под ногами. Мы стоим неподвижно, но он скрипит. Сзади раздаётся вдруг звонкий щелчок. Он сухо катится по доскам, как по льду на реке, и затихает где-то на краю платформы. Почему мы молчим? Впрочем, совсем не хочется говорить.

Лиля шевелит губами. Глаза её становятся совсем чёрными.

— Что же ты не целуешь меня? — слабо шепчет она. Пар от нашего дыхания смешивается. Я смотрю на её губы. Они опять шевелятся и приоткрываются. Я нагибаюсь и долго целую их, и весь мир начинает бесшумно кружиться. Они тёплые. Во время поцелуя Лиля смотрит на меня, прикрыв пушистые ресницы. Она целуется и смотрит на меня, и теперь я вижу, как она меня любит.

Так мы целуемся в первый раз. Потом она прижимается холодной щекой к моему лицу, и мы стоим не шевелясь. Я смотрю поверх её плеча, в тёмный зимний лес за платформой. Я чувствую на лице её тёплое детское дыхание и слышу торопливый стук её сердца, а она,

наверное, слышит стук моего сердца. Потом она шевелится и затаивает дыхание. Я отклоняюсь, нахожу её губы и опять целую. На этот раз она закрывает глаза.

Вдали слышен низкий гудок, сверкает ослепительная звёздочка. Подходит электричка. Через минуту мы входим в светлый и тёплый вагон, со стуком захлопываем за собой дверь и садимся на тёплую лавочку. Людей в вагоне мало. Одни читают, шуршат газетами, другие дремлют, покачиваясь вместе с вагоном. Лиля молчит и всю дорогу смотрит в окно, хоть стёкла замёрзли, на дворе ночь и решительно ничего нельзя увидеть.

5

Наверное, никогда невозможно с точностью указать минуту, когда пришла к тебе любовь. И я никак не могу решить, когда я полюбил Лилю. Может быть, тогда, когда я, одинокий, бродил по Северу? А может, во время поцелуя на платформе? Или тогда, когда она впервые подала мне руку и нежно сказала своё имя: Лилия? Я не знаю. Я только одно знаю, что теперь уж я не могу без неё. Вся моя жизнь теперь делится на две части: до неё и при ней. Как бы я жил и что значил без неё? Я даже думать об этом не хочу, как не хочу думать о возможной смерти моих близких.

Зима наша прошла чудесно. Всё было наше, всё было общее: прошлое и будущее, радость и вся жизнь до последнего дыхания. Какое счастливое время, какие дни, какое головокружение!

Но весной я начинаю кое-что замечать. Нет, я ничего не замечаю, я только чувствую с болью, что наступает что-то новое. Это даже трудно выразить. Просто у нас обнаруживается разница в характерах. Ей не нравятся мои взгляды, она смеётся над моими мечтами, смеётся жестоко, и мы несколько раз ссоримся. Потом... Потом всё катится под гору, всё быстрее, всё ужаснее. Всё чаще её не оказывается дома, всё чаще разговоры наши делаются неестественно весёлыми и пустыми. Я чувствую, как уходит она от меня с каждым разом всё дальше, всё дальше...

Сколько в мире девушек, которым по семнадцать лет! Но ты знаешь одну, только одной ты смотришь в глаза, видишь их блеск, и глубину, и влажность, только её голос трогает тебя до слёз, только её руки ты боишься даже поцеловать. Она говорит с тобой, слушает

тебя, смеётся, молчит, и ты видишь, что ты единственный ей нужен, что только тобой она живёт и для тебя, что тебя одного она любит, так же, как и ты её.

Но вот ты с ужасом замечаешь, что глаза её, прежде отдававшие тебе свою теплоту, свой блеск, свою жизнь, глаза её теперь равнодушны, ушли в себя и что вся она ушла от тебя в такую дальнюю даль, где тебе её уже не достать, откуда не вернуть её. Самые священные твои порывы, затаённые и гордые мысли — не для неё, и сам ты со своей сложностью и красотой своей души — не для неё. Ты гонишься за нею, ты напрягаешься, усиливаешься, но всё мимо, мимо, всё не то и не так. Она ускользнула, ушла, она где-то у себя, в своём чудесном неповторимом мире, а тебе нет туда доступа, ты грешник — и рай не для тебя. Какое же отчаяние, злоба, сожаление и горе охватывают тебя! Ты опустошён, обманут, уничтожен и несчастен! Всё ушло, и ты стоишь с пустыми руками, и впору тебе упасть и кричать, взывая к неведомому Богу о своей боли и бессилии. И когда ты упадёшь и закричишь, она взглянет на тебя, в глазах её появится испуг, удивление, жалость — всё, но того, что тебе надо, не появится, и единственного взгляда ты не получишь, её любовь, её жизнь не для тебя. Ты даже можешь стать героем, гением, человеком, которым будет гордиться страна, но единственного взгляда ты никогда не получишь. Как больно! Как тяжело жить!

И вот уже весна... Много солнца и света, голубое небо, липы на бульварах начинают тонко пахнуть. Все бодро оживлены, все собираются встречать май. И я, как и все, тоже собираюсь. Мне подарили к маю сто рублей — теперь я самый богатый человек! И у меня впереди целых три свободных дня. Три дня, которые я проведу с Лилей — не станет же она и в эти дни готовиться к экзаменам! Нет, я не пойду никуда, никакие компании мне не нужны, я буду эти дни вместе с ней. Мы так давно не были вместе...

Но она не может быть со мной. Ей нужно ехать на дачу к больному дяде. Её дядя болен, и ему скучно, он хочет встретить май в кругу родных, и вот они едут — её родители и она. Прекрасно! Очень хорошо встретить май на даче. Но мне так хочется побыть с ней... Может быть, второго мая?

Второго? Она раздумывает, наморщив лоб, и слегка краснеет. Да, может быть, она вырвется... Конечно, она очень хочет! Мы ведь

так давно не были вместе. Итак, второго вечером, у Телеграфа на улице Горького.

В назначенный час я стою у Телеграфа. Как много здесь народу! Над моей головой глобус. Ещё сумерки, но он уже светится — голубой, с жёлтыми материками — и тихонько крутится. Полыхает иллюминация: золотые колосья, голубые и зелёные искры. От света иллюминации лица у всех очень красивые. У меня в кармане сто рублей. Я их не истратил вчера, и они со мной — мало ли куда мы можем пойти сегодня. В парк или в кино... Я терпеливо жду. Кругом все нервничают, но я удивительно спокоен.

По улице, прямо посередине, идут толпы людей. Как много девушек и ребят, и все поют, кричат что-то, играют на аккордеонах. На всех домах флаги, лозунги, много огней. Поют песни, и мне тоже хочется запеть, ведь у меня хороший голос. У меня бас. Я когда-то мечтал стать певцом. О многом я мечтал...

Вдруг я вижу Лилю. Она пробирается ко мне. Поднимается по ступенькам, и на неё все оглядываются — так она красива. Я никогда не видел её такой красивой. Сердце моё начинает колотиться. Она быстро оглядывает всех, глаза её перебегают по лицам, ищут кого-то. Они ищут меня. Я делаю шаг ей навстречу, один только шаг, и вдруг острая боль ударяет меня в сердце, и во рту становится сухо. Она не одна! Рядом с ней стоит парень в шляпе и смотрит на меня. Он красивый, этот парень, и он держит её под руку. Да, он держит её под руку, тогда как я только на второй месяц осмелился взять её под руку.

— Здравствуй, Алёша, — говорит Лиля. Голос у неё немного дрожит, в глазах смущение. Только небольшое смущение, совсем маленькое. — Ты давно ждёшь? Мы, кажется, опоздали...

Она смотрит на большие часы под глобусом и чуть хмурится. Потом она поворачивает голову и смотрит на парня. У неё очень нежная шея, когда она смотрит на него. Смотрела ли она так на меня?

— Познакомьтесь, пожалуйста!

Мы знакомимся. Он крепко жмёт мне руку. В его пожатии уверенность.

— Ты знаешь, Алёша, сегодня у нас с тобой ничего не выйдет. Мы идём сейчас в Большой театр... Ты не обижаешься?

— Нет, я не обижаюсь.

— Ты проводишь нас немножко? Тебе ведь всё равно сейчас нечего делать.

— Провожу. Мне действительно нечего делать.

Мы вливаемся в поток и вместе с потоком движемся вниз, к Охотному ряду. Зачем я иду? Что со мной делается? Кругом поют. Играют аккордеоны. На крышах домов гремят репродукторы¹. В кармане у меня сто рублей! Совсем новая хрустящая бумажка в сто рублей. Но зачем я иду, куда я иду!

— Ну, как дядя? — спрашиваю я.

— Дядя? Какой дядя?.. Ах, ты про вчерашнее? — она закусывает губу и быстро взглядывает на парня. — Дядя поправляется... Мы очень здорово встретили май, так весело было! Танцевали... А ты? Ты хорошо встретил?

— Я? Очень хорошо.

— Ну, я рада!

Мы заворачиваем к Большому театру. Мы идём все рядом, втроём. Теперь не я держу её под руку. Её руку держит этот красивый парень. И она уже не со мной, она с ним. Она сейчас за тысячу вёрст от меня. Почему у меня першит в горле? И щиплет глаза? Заболел я, что ли? Доходим до Большого театра, остаиваемся. Молчим. Совершенно не о чём говорить. Я вижу, как парень легонько сжимает её локоть.

— Ну мы пойдём. До свидания! — говорит Лиля и улыбается мне. Какая у неё виноватая и в то же время отсутствующая улыбка!

Я пожимаю её руку. Всё-таки у неё прекрасная рука. Они поворачиваются и неторопливо идут под колонны. А я стою и смотрю ей вслед. Она очень выросла за этот год. Ей уже семнадцать лет. У неё лёгкая фигура. Где я впервые увидел её фигуру? Ах, да, в чёрной дыре ворот, когда я приехал с Севера. Тогда её фигура поразила меня. Потом я любовался ею в Колонном зале и в Консерватории. Потом на школьном балу... Изумительный зимний бал! А сейчас она уходит и не оглядывается. Раньше она всегда оглядывалась, когда уходила. Иногда она даже возвращалась, внимательно смотрела мне в лицо и спрашивала:

— Ты что-то хочешь мне сказать?

¹ Репродуктор — громкоговоритель.

— Нет, ничего, — отвечал я со смехом, счастливый оттого, что она вернулась.

Она быстро оглядывалась по сторонам и говорила:

— Поцелуй меня!

И я целовал её, пахнущую морозом, на площади или на углу улицы. Она любила эти мгновенные поцелуи на улице.

— Откуда им знать! — говорила она о людях, которые могли увидеть наш поцелуй. — Они ничего не знают! Может, мы брат и сестра. Правда?

Теперь она не оглядывается. Я стою, и мимо меня идут люди, обходят меня, как стол, как вещь. То и дело слышен смех. Идут по двое, и по трое, и целыми группами, — совсем нет одиноких. Одинокому невыносимо на праздничной улице. Одинокие, наверное, сидят дома. Я стою и смотрю... Вот они уже скрылись в освещённом подъезде. Весь вечер они будут слушать оперу, наслаждаясь своей близостью. Надо мной в фиолетовом небе летит и никак не может улететь крылатая четвёрка коней. И в кармане у меня сто рублей. Совсем новая бумажка, которую я не истратил вчера...

6

Прошёл год. Мир не разрушился, жизнь не остановилась. Я почти позабыл о Лиле. Да, я забыл о ней. Вернее, я старался не думать о ней. Зачем думать? Один раз я встретился с ней на улице. Правда, у меня похолодела спина, но я держался ровно. Я совсем потерял интерес к её жизни. Я не спрашивал, как она живёт, а она не спросила, как живу я. Хотя у меня произошло за это время много нового. Год — это ведь очень много!

Я учусь в институте. Я очень хорошо учусь, никто не отвлекает меня от учёбы, никто не зовёт меня гулять. У меня много общественной работы. Я занимаюсь плаванием и уже выполнил норму первого разряда. Наконец-то я овладел кролем. Кроль — самый стремительный стиль. Впрочем, это не важно.

Однажды я получил от неё письмо. Опять весна, снова май, лёгкий май, у меня очень легко на душе. Я люблю весну. Я сдаю экзамены и перехожу на второй курс. И вот я получаю от неё письмо. Она пишет, что вышла замуж. Ещё она пишет, что уезжает с мужем на Север и очень просит прийти проводить её. Она называет меня «милый», и она пишет в конце письма: «Твоя старая, старая знакомая».

Я долго сижу и смотрю на обои. У нас красивые обои с очень замысловатым рисунком. Я люблю смотреть на эти рисунки. Конечно, я провожу её, раз она хочет. Почему бы нет? Она не враг мой, она не сделала мне ничего плохого. Я провожу её, тем более что я давно всё забыл: мало ли чего не бывает в жизни! Разве всё запомнишь, что случилось с тобой год назад!

И я еду на вокзал в тот день и час, которые написала она мне в письме. Долго ищу я её на перроне, наконец нахожу. Я увидел её внезапно и даже вздрогнул. Она стоит в светлом платье с открытыми руками, и первый загар уже тронул её руки и лицо. У неё по-прежнему нежные руки. Но лицо изменилось, оно стало лицом женщины. Она уже не девочка, нет, не девочка... С ней стоят родные и муж — тот самый парень. Они все громко говорят и смеются, но я замечая, как Лиля нетерпеливо оглядывается: она ждёт меня.

Я подхожу. Она тотчас берёт меня под руку.

— Я на одну минуту, — говорит она мужу с нежной улыбкой.

Муж кивает и приветливо смотрит на меня. Да, он меня помнит. Он великодушно протягивает мне руку. Потом мы с Лилей отходим.

— Ну вот я и дама, и уезжаю, и прощай, Москва, — говорит Лиля и грустно смотрит на башни вокзала. — Я рада, что ты приехал. Странно как-то всё... Ты очень вырос. Как ты живёшь?

— Хорошо, — отвечаю я и пытаюсь улыбнуться. Но улыбка у меня не получается, почему-то деревенеет лицо. Лиля внимательно смотрит на меня, лоб её перерезает морщинка. Это у неё всегда, когда она думает.

— Что с тобой? — спрашивает она.

— Ничего. Я просто рад за тебя... Давно вы поженились?

— Всего неделю. Это такое счастье!

— Да, это счастье.

Лиля смеётся.

— Откуда тебе знать! Но постой, у тебя очень странное лицо!

— Это кажется. Это от солнца. Потом, я немного устал, у меня ведь экзамены. Немецкий...

— Проклятый немецкий? — смеётся она. — Помнишь, я тебе помогала?

— Да, я помню. — Я раздвигаю губы и улыбаюсь.

— Слушай, Алёша, в чём дело? — тревожно спрашивает Лиля, придвигаясь ко мне. И я опять близко вижу её прекрасное лицо, из

которого уже ушло что-то. Да, оно переменялось, оно теперь почти чужое мне. Лучше ли оно стало, я не могу решить. — Ты скрываешь что-то, — с упреком говорит она. — Раньше ты был не такой!

— Нет, нет, ты ошибаешься, — убеждённо говорю я. — Просто я не спал ночь.

Она смотрит на часы. Потом оглядывается. Муж кивает ей.

— Сейчас! — кричит она ему и снова берёт меня за руку. — Ты знаешь, как я счастлива! Порадуйся же за меня. Мы едем на Север, на работу... Помнишь, как ты рассказывал мне о Севере? Вот... Ты рад за меня?

Зачем, зачем она спрашивает у меня об этом? Вдруг она начинает смеяться.

— Ты знаешь, я вспомнила... Помнишь, зимой на платформе мы с тобой поцеловались? Я тебя поцеловала, а ты дрожал так, что платформа скрипела. Ха-ха-ха... У тебя был тогда глупый вид.

Она смеётся. Потом смотрит на меня весёлыми серыми глазами. Днём глаза у неё серые. Только вечером они кажутся тёмными. На щеках у неё дрожат ямочки.

— Какие мы дураки были! — беспечно говорит она и оглядывается на мужа. Во взгляде её нежность.

— Да, мы были дураки, — соглашаюсь я.

— Нет, дураки — не так, не то... Мы были просто глупые дети. Правда?

— Да, мы были глупые дети.

Впереди загорается зелёный огонёк светофора. Лиля идёт к вагону. Её ждут.

— Ну, прощай! — говорит она. — Нет, до свиданья! Я тебе напишу, обязательно!

— Хорошо.

Я знаю, что она не напишет. Зачем? И она знает это. Она искоса взглядывает на меня и немного краснеет.

— Я всё-таки рада, что ты пришёл проводить. И, конечно, без цветов! Ты никогда не подарил мне ни одного цветка!

— Да, я не подарил тебе ничего...

Она оставляет мою руку, берёт под руку мужа, и они поднимаются на площадку вагона. Мы остаёмся внизу на платформе. Её родные что-то спрашивают у меня, но я ничего не понимаю. Впереди

низко и долго гудит электровоз. Вагоны трогаются. Удивительно мягко трогает электровоз вагоны! Все улыбаются, машут платками, кепками, кричат, идут рядом с вагонами. Играют сразу две или три гармошки в разных местах, в одном вагоне громко поют. Наверно, студенты. Лиля уже далеко. Одной рукой она держится за плечо мужа, другой машет нам. Даже издали видно, какие нежные у неё руки. И ещё видно, какая счастливая у неё улыбка.

Поезд уходит. Я закуриваю, засовываю руки в карманы и с потоком провожающих иду к выходу на площадь. Я сжимаю папиросу в зубах и смотрю на серебристые фонарные столбы. Они очень блестят от солнца, даже глазам больно. И я опускаю глаза. Теперь можно признаться: весь год во мне всё-таки жила надежда. Теперь всё кончено. Ну что ж, я рад за неё, честное слово, рад! Только почему-то очень болит сердце.

Обычное дело, девушка вышла замуж — это ведь всегда так случается. Девушка выходит замуж, это очень хорошо. Плохо только, что я не могу плакать. Последний раз я плакал в пятнадцать лет. Теперь мне двадцатый. И сердце стоит в горле и поднимается всё выше — скоро его можно будет жевать, а я не могу плакать. Очень хорошо, что девушки выходят замуж...

Я выхожу на площадь, в глаза мне бросается циферблат часов на Казанском вокзале. Странные фигуры вместо цифр — я никогда не мог в них разобраться. Я подхожу к газировщице. Сначала я прошу с сиропом, но потом раздумываю и прошу чистой воды. Неловко пить с сиропом, когда сердце подступает к горлу. Я беру холодный стакан и набираю в рот воды, но не могу проглотить. Кое-как я глотаю, наконец, всего один глоток. Кажется, стало легче.

Потом я спускаюсь в метро. Что-то случилось с моим лицом: я замечаю, что многие пристально на меня смотрят. Дома я некоторое время думаю о Лиле. Потом я снова начинаю рассматривать узоры на обоях. Если заглядеться на них, можно увидеть много любопытного. Можно увидеть джунгли и слонов с задранными хоботами. Или фигуры странных людей в беретах и плащах. Или лица своих знакомых. Только Лилиного лица нет на обоях...

Наверное, она сейчас проезжает мимо той платформы, на которой мы поцеловались в первый раз. Только сейчас платформа вся в зелени. Посмотрит ли она на эту платформу? Подумает ли обо мне?

Впрочем, зачем ей смотреть? Она смотрит сейчас на своего мужа. Она его любит. Он очень красивый, её муж.

7

Ничто не вечно в этом мире, даже горе. А жизнь не останавливается. Нет, никогда не останавливается жизнь, властно входит в твою душу, и все твои печали развеиваются как дым, маленькие человеческие печали, совсем маленькие по сравнению с жизнью. Так прекрасно устроен мир.

Теперь я кончаю институт. Кончилась моя юность, отошла далеко-далеко, навсегда. И это хорошо: я взрослый человек и всё могу, и мне не ерошат волосы, как ребёнку. Скоро я поеду на Север. Не знаю, почему-то меня всё тянет на Север. Наверное, потому, что я там охотился когда-то и был счастлив. Лилю я совсем забыл, ведь столько лет прошло! Было бы очень трудно жить, если бы ничто не забывалось. Но, к счастью, многое забывается. Конечно, она так и не написала мне с Севера. Где она — я не знаю, да и не хочу знать. Я о ней совсем не думаю. Жизнь у меня хороша. Правда, не стал я ни поэтом, ни музыкантом... Ну что ж, не всем быть поэтами! Спортивные соревнования, конференции, практика, экзамены — всё это очень занимает меня, ни одной минуты нет свободной. Кроме того, я научился танцевать, познакомился со многими красивыми и умными девушками, встречаюсь с ними, в некоторых влюбляюсь, и они влюбляются в меня...

Но иногда мне снится Лиля. Она приходит ко мне во сне, и я вновь слышу её голос, её нежный смех, трогаю её руки, говорю с ней — о чём, я не помню. Иногда она печальна и темна, иногда радостна, на щеках её дрожат ямочки, очень маленькие, совсем незаметные для чужого взгляда. И я тогда вновь оживаю, и тоже смеюсь, и чувствую себя юным и застенчивым, будто мне по-прежнему семнадцать лет и я люблю впервые в жизни.

Я просыпаюсь утром, еду в институт на лекции, дежурю в профкоме или выступаю на комсомольском собрании. Но мне почему-то тяжело в этот день и хочется побыть одному, посидеть где-нибудь с закрытыми глазами.

Но это бывает редко: раза четыре в год. И потом, это всё сны. Сны, сны... Непрошенные сны!

Я не хочу снов. Я люблю, когда мне снится музыка. Говорят, если спать на правом боку, сны перестанут сниться. Я стану спать теперь на правом боку. Я буду спать крепко и утром просыпаться весёлым. Жизнь ведь так прекрасна!

Ах, господи, как я не хочу снов!

1956

1. Какое впечатление произвёл на вас рассказ Ю. П. Казакова «Голубое и зелёное»? Как бы вы определили, о чём это произведение?
2. Как держатся молодые люди в вечер знакомства? Чем можно объяснить неразговорчивость Алексея в первый вечер? Какое впечатление произвела на вас Лилия?
3. У влюблённых обычно есть любимые места для встреч. Было ли такое место и у Алёши с Лилей? Почему именно там им нравилось встречаться?
4. Почему автор подробно раскрывает переживания Алёши, а чувства и настроение Лили видны лишь в её поступках? Как писатель оценивает юную героиню?
5. Как оценить поступки Лили, когда она на свидание с Алёшей приходит с другим молодым человеком, а потом, уезжая, приглашает его, Алёшу, на вокзал?
6. Выпишите из рассказа (главы 1—5) детали, поясняющие цветовую гамму произведения. Обобщите значение каждого цвета. Почему рассказ назван «Голубое и зелёное»?
7. Определите настроение каждой главы рассказа. Объясните, когда и почему оно изменяется.

8. Обязательным условием художественного творчества Казаков считал автобиографизм. Найдите автобиографические черты в рассказе «Голубое и зелёное».
9. Подберите эпиграф к рассказу Ю. П. Казакова. Какую мысль, высказанную автором в рассказе, вы хотите подчеркнуть выбранным эпиграфом?
10. Казакова считают мастером городского пейзажа. Выберите одно из описаний природы и проанализируйте, какие средства художественной выразительности использует в выбранном пейзаже писатель.
11. Выполните задания «Расположите по порядку (по рассказу «Голубое и зелёное»)» и/или «Ю. Казаков. Алёша и Лилия. Ситуация».
12. По рассказу Ю. П. Казакова был снят фильм. Выполните задание «Ю. П. Казаков. «Голубое и зелёное». Кино и литература».

Из зарубежной литературы

Клиффорд САЙМАК

1904—1988

Добрый волшебник с Запада.

Б. Невский

Клиффорд Саймак считается одним из «отцов» американской научной фантастики. Свой первый фантастический рассказ он опубликовал в 1931 году. Действие многих его произведений происходит в американском штате Висконсин, где родился будущий писатель. Автор часто повествует о пришельцах, с которыми люди смогли установить контакт и мирно сосуществовать, о Вселенной, построенной на разуме и гармонии, о космических приключениях и путешествиях во времени. Бестселлерами стали романы «Город», «Заповедник гоблинов», «Пересадочная станция» и др. Всего Саймаком написано 28 романов и более 120 рассказов и повестей. В 1959 году был опубликован рассказ «Когда в доме одиноко» («A Death in the House»).

1. Найдите и прочитайте интервью с К. Саймаком. Почему обычных людей он делает чаще всего героями своих фантастических произведений? Какие законы, по мнению писателя, самые важные во Вселенной?

КОГДА В ДОМЕ ОДИНОКО

Однажды, когда Старый Моуз Эбрамс бродил по лесу, разыскивая невесту куда запропастившихся коров, он нашёл пришельца. Моуз не знал, что это пришелец, однако он понял, что перед ним живое страдающее существо, а Старый Моуз, как бы его за глаза ни осуждали соседи, был не из тех, кто может равнодушно пройти в лесу мимо больного или раненого.

На вид это было ужасное создание — зелёное, блестящее, с фиолетовыми пятнами. Оно внушало отвращение даже на расстоянии в двадцать футов. И оно воняло.

Оно заползло, вернее, попыталось заползти в заросли орешника, но так с этим до конца и не справилось: верхняя часть его туловища скрывалась в кустах, а нижняя лежала на поляне. Его конечности — видимо, руки — время от времени слегка скребли по земле, стараясь подтянуть тело поглубже в кусты, но существо слишком ослабело, оно больше не продвинулось ни на дюйм. И оно стонало, но не очень громко — точь-в-точь ветер тоскливо выл под широким карнизом дома. Однако в его стоне слышалось нечто большее, чем вой зимнего ветра, — в нём звучало такое отчаяние и страх, что у Старого Моуза волосы на голове стали дыбом.

Моуз довольно долго размышлял над тем, что ему делать с этим существом, а потом ещё какое-то время набирался храбрости, хотя большинство его знакомых, не задумываясь, признали бы, что храбрости у него хоть отбавляй. Впрочем, при таких обстоятельствах одной только заурядной храбрости недостаточно. Тут нужна храбрость безрассудная.

Но перед ним лежало неведомое страдающее существо, и он не мог его оставить без помощи. Поэтому Моуз приблизился к нему, опустился рядом на колени; на это создание было тяжело смотреть, однако в его уродстве таилось что-то притягательное — оно точно завораживало своей отталкивающей внешностью. И от него исходило ужасное, ни с чем не сравнимое зловоние.

Моуз не был брезглив. В округе он отнюдь не славился чистоплотностью. С тех пор как около десяти лет назад умерла его жена, он жил в полном одиночестве на своей запущенной ферме, и его методы ведения хозяйства служили пищей для злословия окрестных кумушек. Этак раз в год, когда у него доходили руки, он выгребал из дома груды мусора, а остальное время ни к чему не притрагивался.

Поэтому исходивший от существа запах смутил его меньше, чем того можно было ожидать, будь на его месте кто-либо другой. Зато Моуз смутил его вид, и он не сразу решился прикоснуться к существу, а когда, собравшись с духом, наконец сделал это, очень удивился. Он ожидал, что существо окажется либо холодным, либо скользким и липким, а может, и таким и этаким одновременно. Но ошибся. Оно было на ощупь тёплым, твёрдым и чистым — Моуз словно прикоснулся к зелёному стеблю кукурузы.

Просунув под страдальца руку, он осторожно вытащил его из зарослей орешника и перевернул на спину, чтобы взглянуть на его лицо. Лица у него не было. Верхняя часть туловища кончалась утолщением, как стебель цветком, хотя тело существа вовсе не было стеблем. А вокруг этого утолщения росла бахрома щупалец, которые извивались, точно черви в консервной банке. И тут-то Моуз чуть было не вскочил и не бросился наутёк.

Но он выдержал.

Моуз сидел на корточках, уставившись на эту безликость с бахромой из червей; он похолодел, страх сковал его и вызвал приступ тошноты, а когда ему почудилось, что жалобный вой издают черви, на душе у него стало ещё муторнее.

Моуз был упрям. Упрям и ко многому равнодушен. Но только не к страдающему живому существу.

Наконец пересилив себя, он поднял существо на руки и удивился, как мало оно весит. Меньше, чем трёхмесячный поросёнок, прикинул Моуз.

С существом на руках он стал взбираться по лесной тропинке на холм к дому, и ему показалось, что дурной запах стал слабее. Моузу уже не было так страшно, как поначалу, и холод больше не сковывал его тела.

Потому что существо немного успокоилось и выло теперь потише. И хотя Моуз не был в этом уверен, иногда ему казалось, будто оно прижимается к нему, как прижимается к взрослому испуганный и голодный ребёнок, когда тот берёт его на руки.

Старый Моуз вышел к постройкам и немного постоял во дворе, соображая, куда ему отнести существо — в дом или сарай. Ясно, что сарай — самое подходящее для него место, ведь существо — не человек; даже в собаке, или кошке, или больном ягнёнке больше человеческого, чем в нём.

Однако колебался Моуз недолго. Он внёс существо в дом и положил в кухне около плиты на то подобие ложа, которое называл кроватью. Он аккуратно и бережно распрямил его, накрыл грязным одеялом и, подойдя к плите, принялся раздувать огонь.

Потом он придвинул к кровати стул и начал внимательно, с глубоким интересом разглядывать свою находку. Существо уже почти утихло и с виду казалось много спокойнее, чем в лесу. Моуз с такой нежностью укутал его одеялом, что и сам удивился. Он призадумался над тем, какие из его припасов могут сгодиться существу в пищу; впрочем, даже если бы он и знал это, неизвестно, как бы ему удалось покормить существо, ведь у того, судя по всему, не было рта.

— Тебе не о чем беспокоиться, — вслух сказал он. — Раз уж я принёс тебя в дом, всё обойдётся. Хотя я и не больно смыслю, как тебе помочь, но всё, что мне по силам, я для тебя сделаю.

День уже клонился к вечеру, и, выглянув в окно, он увидел, что коровы, которых он недавно искал, вернулись домой сами.

— Пора мне коров доить, да ещё кое-что поделатъ по хозяйству, — сказал он существу, лежавшему на кровати. — Но я отлучусь ненадолго.

Чтобы в кухне стало теплее, Старый Моуз подбросил в плиту дров, ещё раз заботливо поправил одеяло, взял вёдра для молока и пошёл в сарай.

Он покормил овец, свиней и лошадь и подоил коров. Собрал яйца и запер курятник. Накачал бак воды.

После этого он вернулся в дом.

Уже стемнело, и Моуз зажёл стоявшую на столе керосиновую лампу, потому как был против электричества. Он даже отказался подписать контракт, когда периферийная электрическая компания проводила здесь линию, и многие соседи за это обиделись на него. Но он плевал на их обиды.

Моуз взглянул на лежавшее в постели существо. С виду оно вроде бы находилось в прежнем состоянии. Будь это больной ягнёнок или телёнок, Моуз сразу смекнул бы, хуже ему или лучше. Но тут он был бессилен.

Он приготовил себе немудрёный ужин, поел и снова задумался над тем, как покормить существо и как ему помочь. Он принёс его в дом, согрел его, но пошло ли это ему на пользу? Может, следовало сделать для него что-то другое? Этого он не знал.

Моуз было подумал, не обратиться ли к кому за помощью, но от одной мысли, что придётся просить о помощи, даже не зная, в чём она должна заключаться, ему стало тошно. Потом он представил себе, каково было бы ему самому, если б, измученный и больной, он очутился в неведомом далёком краю и никто не сумел бы ему помочь из-за того, что там не знали бы, что он такое.

Это заставило его наконец решиться; и он направился к телефону. Но кого ему вызывать, доктора или ветеринара? Он остановился на докторе, потому что существо находилось в доме. Если б оно лежало в сарае, он позвонил бы ветеринару.

Это была местная телефонная линия, слышимость — хуже некуда, и, поскольку Моуз был туговат на ухо, он пользовался телефоном довольно редко. Временами он говорил себе, что телефон ничуть не лучше других новшеств, которые только портят людям жизнь, и не раз грозился выбросить его. Но сейчас он был доволен, что этого не сделал.

Телефонистка соединила его с доктором Бенсоном, и оба они не очень-то хорошо слышали друг друга, но Моуз всё-таки ухитрился объяснить доктору, кто звонит и что ему нужна его помощь, и доктор обещал приехать.

Облегчённо вздохнув, Моуз повесил трубку и немного постоял, ничего не делая. Но вдруг его поразила мысль, что в лесу могли остаться другие такие же существа. Он понятия не имел, кто они, что здесь делают, куда держат путь, но не вызывало сомнений, что этот, на кровати, — чужестранец, прибывший из далёких мест. И разум подсказывал, что таких, как он, может быть несколько, ведь в дальней дороге одиноко, и любой человек — или любое другое живое существо — предпочтёт путешествовать в компании.

Он снял с крючка фонарь и, тяжело ступая, вышел за дверь.

Ночь была темна, как тысяча чёрных кошек, и фонарь светил очень слабо, но для Моуза это не имело значения: он знал свою ферму как собственные пять пальцев.

Он спустился по тропинке к лесу. В этот час здесь было жутко, но Старый Моуз был не из тех, кто боится ночного леса. Продираясь сквозь кустарник и высоко подняв фонарь, чтобы осветить площадь побольше, он осмотрел поляну, где нашёл существо, но там никого больше не оказалось.

Однако он нашёл кое-что другое — нечто, похожее на огромную птичью клетку, сплетённую из металлических прутьев, которая застряла в густом кусте орешника. Он попытался вытащить её, но она так прочно засела в ветках кустарника, что не сдвинулась с места.

Он огляделся, чтобы понять, откуда она попала сюда. Вверху над собой он увидел сломанные ветви деревьев, через которые она пробила себе дорогу, а ещё выше холодно сияли звёзды, казавшиеся очень далёкими.

Моуз ни на миг не усомнился в том, что существо, лежавшее сейчас на его постели около плиты, явилось сюда в этом невиданном плетёном сооружении. Он немного подивился, но не стал особенно вдумываться, ведь вся эта история казалась настолько сверхъестественной, что он сознавал, как мало у него шансов найти ей какое-нибудь разумное объяснение.

Моуз вернулся к дому, и едва он успел задуть фонарь и повесить его на крюк, как послышался шум подъезжающей машины.

Подойдя к двери дома, доктор несколько рассердился, увидев стоявшего на пороге Старого Моуза.

— Что-то вы не похожи на больного, — сварливо произнёс он. — Должно быть, не так уж вам худо, чтобы тащить меня сюда посреди ночи.

— А я и не болен, — сказал Моуз.

— Тогда зачем вы мне звонили? — рассердившись ещё больше, спросил доктор.

— У меня в доме кое-кто заболел, — ответил Моуз. — Может, вы сумеете помочь ему. Я бы сам попробовал, да не знаю как.

Доктор вошёл в дом, и Моуз закрыл дверь.

— У вас тут что-нибудь протухло? — спросил доктор.

— Нет, это он так воняет. Сперва было совсем немоготу, но теперь я уже попривык.

Доктор заметил на кровати существо и направился к нему.

Старый Моуз услышал, как доктор словно бы захлебнулся, и увидел, что он, напряжённо вытянувшись, застыл на месте.

Потом доктор нагнулся и стал внимательно разглядывать лежавшее перед ним существо.

Когда он выпрямился и повернулся лицом к Моузу, только безграничное изумление помешало ему окончательно выйти из себя.

— Моуз! — взвизгнул он. — Что это такое?

— Сам не знаю, — ответил Моуз. — Я нашёл его в лесу, ему было плохо, оно стонало, и я не мог его там бросить одного.

— Вы считаете, что оно заболело?

— Я знаю это, — сказал Моуз. — Ему немедленно нужно помочь. Боюсь, что оно умирает.

Доктор снова повернулся к кровати, откинул одеяло и пошёл за лампой, чтобы получше рассмотреть существо. Он оглядел его со всех сторон, боязливо потыкал в него пальцем и многозначительно прищёлкнул языком, как это умеют делать одни лишь врачи.

Потом он снова прикрыл существо одеялом и отнёс на стол лампу.

— Моуз, — проговорил он, — я ничем не могу помочь ему.

— Но вы же врач!

— Я лечу людей, Моуз. Мне не известно, что это за существо, одно ясно — это не человек. Я даже приблизительно не могу определить, что с ним, если вообще в его организме что-то разладилось. А если б мне всё-таки удалось поставить диагноз, я не знал бы, как его лечить, не причиняя вреда. К тому же я не уверен, что это животное. Многие в нём говорят за то, что это растение.

Потом доктор спросил Моуза, где он нашёл существо, и Моуз рассказал, как всё произошло. Но он ни словом не обмолвился про клетку — сама мысль о ней казалась настолько фантастичной, что у него язык не повернулся рассказать.

Достаточно того, что он нашёл это существо и принёс его в дом, и незачем упоминать о клетке.

— Вот что я вам скажу, — произнёс доктор. — Это ваше существо не известно ни одной из земных наук. Сомневаюсь, видели ли когда-нибудь на Земле что-либо подобное. Лично я не знаю, что оно из себя представляет, и не собираюсь ломать над этим голову. На вашем месте я связался бы с Мэдисонским университетом. Может, там кто-нибудь и сообразит, что это такое. В любом случае им будет интересно ознакомиться с вашей находкой. Они непременно захотят обследовать его.

Моуз подошёл к буфету, достал коробку из-под сигар, почти доверху наполненную серебряными долларами, и расплатился с доктором. Добродушно пошутив над этим его чудачеством, доктор опустил монеты в карман.

Моуз с редким упрямством держался за свои серебряные доллары.

— В бумажных деньгах есть что-то незаконное, — не раз говорил он. — Мне нравится трогать серебро и слушать, как оно позвякивает. В нём чувствуется сила.

Вопреки опасениям Моуза доктор уехал не в таком уж плохом настроении. После его ухода Моуз пододвинул к кровати стул и сел.

До чего же несправедливо, подумал он, что нет никого, кто мог бы помочь такому больному существу, никого, кто знает хоть какое-нибудь средство, чтобы облегчить его страдания.

Сидя между плитой и кроватью, Моуз слушал, как в тишине кухни громко тикают часы и потрескивают дрова.

Он смотрел на лежавшее перед ним существо, и в нём вдруг вспыхнула почти безумная надежда на то, что оно выздоровеет и будет жить с ним. Теперь, когда его клетка покорёжена, ему волей-неволей придётся остаться. И Моуз надеялся, что так оно и будет, ведь даже теперь в доме уже не чувствовалось прежнего одиночества.

И тут до Моуза внезапно дошло, как здесь раньше было одиноко. Пока не умер Тоузер, было ещё терпимо. Он пробовал заставить себя взять другую собаку, но не смог. Потому что не было на свете собаки, которая могла бы заменить Тоузера, и даже сама попытка найти другого пса казалась ему предательством. Разумеется, можно было взять кошку, но тогда он стал бы слишком часто вспоминать Молли. Она очень любила этих животных, и до самой её смерти в доме всегда путались под ногами две-три кошки.

А теперь он остался один. Один на один со своей фермой, своим упрямством и серебряными долларами. Доктор, как и все остальные, считал, что, кроме как в стоявшей в буфете коробке из-под сигар, у Моуза больше серебра не было. Ни одна живая душа не знала о существовании старого, доверху наполненного монетами чугунного котелка, который он спрятал под досками пола в гостиной. При мысли о том, как он их всех провёл, Моуз хихикнул. Он много бы отдал, чтобы посмотреть на лица соседей, если бы им удалось об этом пронюхать. Сам-то он никогда не проговорится. Если уж им суждено узнать, обойдутся без него.

Он сидел, клюя носом, и в конце концов так и заснул на стуле с опущенным на грудь подбородком, обхватив себя руками, словно хотел подольше сохранить тепло.

Когда он проснулся, в предрассветном мраке слабо мерцала на столе лампа, догорали в плите дрова, а прищелец был мёртв.

То, что существо умерло, не вызывало сомнений. Оно похолодело и вытянулось, а поверхность его тела стала жёсткой, и оно уже начало засыхать — так с концом роста засыхает в поле под ветром стебель кукурузы.

Моуз прикрыл его одеялом и, хотя ещё рано было начинать обычную работу на ферме, вышел и сделал всё, что требовалось, при свете фонаря.

После завтрака он согрел воды, умылся и побрился — и это впервые за много лет он брился не в воскресенье. Потом он надел свой единственный приличный костюм, пригладил волосы, вывел из гаража старый, полуразвалившийся автомобиль и поехал в город.

Он отыскал Эба Деннисона, чиновника муниципалитета, который одновременно был секретарём Правления кладбища.

— Эб, — сказал Моуз, — я хочу купить участок земли на кладбище.

— Но у вас уже есть участок! — запротестовал Эб.

— Так то семейный, — возразил Моуз. — Там хватит места только для меня и Молли.

— А зачем же вам ещё один? — спросил Эб.

— Я нашёл кое-кого в лесу, — сказал Моуз. — Я принёс его домой, и прошлой ночью он умер. Я хочу похоронить его.

— Если вы нашли в лесу покойника, вам надо сообщить об этом следователю или шерифу, — предостерёг Эб.

— Всё в своё время, — сказал Моуз, и не думая этого делать. — Так как же насчёт участка?

И сняв с себя ответственность за эту сомнительную сделку, Эб продал ему место на кладбище. Купив участок, Моуз отправился в похоронное бюро Алберта Джонса.

— Ал, — сказал он, — мой дом посетила смерть. Покойник не из здешних мест, я нашёл его в лесу. Не похоже, что у него есть родственники, и я должен позаботиться о похоронах.

— А у вас есть свидетельство о смерти? — спросил Ал, который не утруждал себя лицемерной деликатностью, свойственной большинству служащих похоронных бюро.

— Нет.

— Вы обращались к врачу?

— Пройшей ночью заезжал док Бенсон.

— Он должен был выдать вам свидетельство. Придётся ему позвонить.

Он соединился по телефону с доктором Бенсоном и, потолковав с ним немного, стал красным как рак. Наконец он раздражённо хлопнул трубкой и повернулся к Моузу.

— Не знаю, с какой целью вы всё это затеяли, — злобно набросился он на Моуза, — но док говорит, что ваш покойник вовсе не человек. Я не занимаюсь погребением кошек, собак или...

— Это не кошка и не собака.

— Плевать я хотел на то, что это такое. Чтобы я взялся за устройство похорон, мне нужен покойник — человек. Кстати, не вздумайте сами зарыть его на кладбище. Это незаконно.

Сильно упав духом, Моуз вышел из похоронного бюро и медленно заковылял на холм, на котором стояла единственная в городке церковь.

Он нашёл пастора в кабинете, где тот трудился над проповедью. Моуз присел на краешек стула, беспокойно вертя в искалеченных работой руках свою изрядно поношенную шляпу.

— Отец мой, — произнёс он, — я хочу рассказать вам всё как было, с начала до конца. — И он рассказал. — Я не знаю, что это за существо, — добавил он. — Сдаётся мне, что этого никто не знает. Но оно скончалось, и его нужно похоронить честь по чести, а у меня с этим ничего не получается. Мне нельзя похоронить его на кладбище. И, видно, придётся подыскать для него местечко на ферме. Не согласились бы вы приехать и сказать пару слов над могилой?

Пастор погрузился в глубокое раздумье.

— Мне очень жаль, Моуз, — произнёс он наконец. — Полагаю, что это невозможно. Я далеко не уверен в том, что церковь одобрит такой поступок.

— Пусть это не человеческое существо, — сказал Старый Моуз, — но ведь оно тоже тварь божья.

Пастор подумал ещё немного и даже высказал кое-какие соображения вслух, но в результате всё-таки пришёл к выводу, что сделать этого не может.

Моуз спустился с холма к своей машине и поехал домой, по дороге размышляя о том, какие же попадают среди людей скоты.

Вернувшись на ферму, он взял кирку и лопату, вышел в сад и там, в углу, вырыл могилу. Потом он отправился в гараж за доска-

ми, чтобы сколотить для существа гроб, но оказалось, что последние доски ушли на починку свинарника.

Моуз вернулся в дом и в поисках простыни, которую за неимением гроба решил использовать вместо савана¹, перерыл комод, стоявший в одной из задних, уже много лет пустующих комнат. Простыни он не нашёл, но зато среди тряпья ему попалась старая льняная скатерть. Он подумал, что сойдёт и это, и отнёс скатерть на кухню.

Моуз откинул одеяло, взглянул на мёртвое существо, и у него словно комок подкатил к горлу — он представил, в каком тот умер одиночестве и в какой дали от родины, и в его последний час не было рядом с ним ни одного его соплеменника. И оно было совершенно голым: ни клочка одежды, ни вещей, ничего, что он, Моуз, мог бы оставить себе на память.

Он расстелил скатерть на полу возле кровати, поднял существо на руки и положил его на неё. И в этот миг он заметил на его теле карман — если, конечно, это было карманом, — нечто вроде щели с клапаном в самом центре той части тела, которая могла быть грудью. Моуз провёл сверху рукой по карману. В нём прощупывалось что-то твёрдое. Он долго сидел на корточках около трупа, не зная, как ему быть.

Наконец, решившись, он просунул в щель пальцы и вытащил находившийся в кармане предмет. Это был шарик, чуть больше теннисного мяча, сделанный из дымчатого стекла или какого-то похожего на стекло материала. Всё ещё сидя на корточках, он долго глядел на этот шарик, потом встал и пошёл к окну, чтобы лучше рассмотреть его.

В шарике не было ничего особенного. Это был обыкновенный шарик из дымчатого стекла, на ощупь такой же шершавый и мёртвый, как тело существа.

Моуз покачал головой, отнёс шарик обратно и, положив туда, откуда его вынул, осторожно завернул труп в скатерть.

Он вынес его в сад и опустил в яму. Став в голове могилы, он торжественно произнёс несколько приличествующих случаю слов и закидал могилу землёй.

Сперва он собирался насыпать над могилой холмик и поставить крест, но в последнюю минуту передумал. Ведь теперь нахлынут

¹ *Саван* — погребальное одеяние из белой ткани.

любопытные. Молва облетит всю округу, и эти типы будут приезжать сюда и глазеть на могилу, в которой он похоронил найденное им в лесу существо. И чтобы никто не догадался, где он зарыл его, придётся обойтись без холмика и без креста. А может, это к лучшему, сказал он себе. Он ведь не знал, что написать или вырезать на кресте.

Уже перевалило за полдень, и Моуз проголодался, но не стал прерывать работу, чтобы поест, потому как ещё не всё сделал. Он отправился на луг, поймал Бесс, запряг её в телегу и спустился в лес.

Он привязал Бесс к застрявшей в кустах клетке, и лошадь без труда вытащила её оттуда. Потом он погрузил клетку на телегу, привёз на холм, внёс в гараж и спрятал в самом дальнем его углу около горна¹.

Покончив с этим, он впряг Бесс в плуг и перепахал весь сад, хотя в этом не было никакой необходимости. Но зато теперь везде была свежевспаханная земля, и никому не удалось бы обнаружить место, где он вырыл могилу.

И как раз в ту минуту, когда он уже кончал пахать, подкатила машина, и из неё вылез шериф Дойли. Шериф был человеком весьма обходительным, но не из тех, кто любит тянуть волынку. Он сразу приступил к делу.

— Я слышал, — сказал он, — ты нашёл кое-что в лесу.

— Точно, — согласился Моуз.

— Говорят, будто бы это существо умерло в твоём доме.

— Вы не ослышались, шериф.

— Моуз, я желал бы взглянуть на него.

— Ничего не выйдет. Я похоронил его. И не скажу где.

— Моуз, — произнёс шериф, — мне не хочется причинять тебе неприятности, но ты нарушил закон. Нельзя же подбирать в лесу людей и безо всякого закапывать их, если им вдруг вздумается умереть в твоём доме.

— Вы говорили с доком Бенсоном?

Шериф кивнул:

— Док сказал, что никогда ничего подобного не видел. Что это был не человек.

— В таком случае, — произнёс Моуз, — вам тут делать нечего. Раз это был не человек, значит, не совершено никакого преступле-

¹ Горн — печь.

ния против личности. А если существо никому не принадлежало, здесь нет и преступления против собственности. Ведь пока что никто не заявлял на него свои права, верно?

Шериф поскрёб подбородок.

— Никто. Пожалуй, ты прав. А где это ты изучал законы?

— Я никогда не изучал никаких законов. И вообще я в жизни ничего не изучал. Просто-напросто я здраво рассуждаю.

— Док что-то толковал про учёных из университета — будто у них может возникнуть желание взглянуть на твою находку.

— Вот что, шериф, — сказал Моуз. — Это существо откуда-то явилось сюда и умерло. Не знаю, откуда оно пришло и что это было такое, да и знать не желаю. Для меня это было просто живое существо, которое очень нуждалось в помощи. Живое, оно держалось с достоинством, а умерев, потребовало к себе уважительного отношения. Когда отказались похоронить его как положено, я сам сделал всё, что в моих силах. Больше мне сказать нечего.

— Ладно, Моуз, — произнёс шериф, — будь по-твоему.

Он повернулся и прошествовал к своей машине. Стоя около запряжённой в плуг старой Бесс, Моуз смотрел ему вслед. Пренебрегая правилами, шериф рванул с места на большой скорости, и было похоже, что он не на шутку обозлился.

Когда Моуз убрал в сарай плуг и отвёл лошадь на пастбище, подоспело время вечерних работ.

Управившись с хозяйством, он приготовил себе ужин, поел и уселся около плиты, слушая, как в тишине дома громко тикают часы и потрескивает огонь.

Всю долгую ночь Моуз чувствовал себя очень одиноким.

На следующий день после полудня, когда он пахал поле под кукурузу, приехал репортёр и, дойдя рядом с Моузом до конца борозды, завёл разговор. Старому Моузу этот репортёр не очень-то понравился. Слишком уж нахально он вёл себя и задавал какие-то дурацкие вопросы. Поэтому Моуз прикусил язык и мало что сказал ему.

Через несколько дней явился какой-то человек из университета и показал Моузу статью, которую написал репортёр, вернувшись с фермы. В этой статье он Моуза ядовито высмеял.

— Очень сожалею, что так получилось, — сказал профессор. — Эти газетчики — народ безответственный. Я бы не стал слишком принимать к сердцу их писанину.

— А мне всё равно, — буркнул Моуз.

Человек из университета забросал его вопросами и особо подчеркнул, как для него важно взглянуть на труп существа.

Но Моуз только покачал головой.

— Оно почиет в мире, — сказал он. — Я не потревожу его.

И учёный, негодуя, впрочем стараясь сохранить достоинство, удалился.

В течение последующих дней мимо фермы то и дело приезжали какие-то люди, бездельники любопытнее даже бродили между постройками, появился и кое-кто из соседей, которых Моуз не видел уже несколько месяцев. Но разговор у него был со всеми короткий, поэтому они вскоре оставили его в покое, и он продолжал обрабатывать свою землю, а в доме по-прежнему было одиноко.

Он снова начал подумывать о том, не взять ли ему собаку, но всё вспоминал Тоузера и так на это и не решился.

Однажды, работая в саду, он обнаружил, что из земли над могилой показалось какое-то растение. Оно выглядело очень необычно, и первым побуждением Моуза было вырвать его.

Однако он передумал — растение заинтересовало его. Моуз никогда ничего похожего не видел и потому решил дать ему немного подрасти и посмотреть, что это такое. То было плотное мясистое растение с толстыми тёмно-зелёными закрученными листьями, и оно чем-то напомнило ему заячью капусту, которая появлялась в лесу с наступлением весны.

Как-то раз приехал ещё один посетитель — пожалуй, самый чудной. Это был темноволосый энергичный мужчина, который заявил, что является президентом Клуба летающих тарелок. Он поинтересовался, разговаривал ли Моуз с найденным в лесу существом, и, судя по всему, был ужасно разочарован, когда Моуз ответил отрицательно. Затем он спросил, не нашёл ли часом Моуз аппарат, в котором существо прибыло сюда, и в ответ на это Моуз солгал. Видя, как незнакомец горячится, Моуз испугался, что ему, чего доброго, может прийти в голову обыскать ферму, а тогда он наверняка найдёт клетку, спрятанную в дальнем углу гаража. Но вместо этого незванный гость пустился в пространные рассуждения о вреде утаивания жизненно важных сведений.

Почерпнув из этой лекции всё, что можно, Моуз вошёл в дом и достал из-за двери дробовик. Президент Клуба летающих тарелок поспешно распрощался и отбыл восвояси.

Жизнь на ферме шла своим чередом, приостановилась работа на кукурузном поле, и начался покос, а в саду тем временем продолжало расти неведомое растение, которое теперь стало принимать определённую форму. Старый Моуз не поверил своим глазам, разглядев однажды, на что оно похоже, и простаивал долгие вечерние часы в саду, рассматривая растение и спрашивая себя, не выживает ли он из ума от одиночества.

В одно прекрасное утро он увидел, что растение ждёт его у двери. Ему, конечно, полагалось бы удивиться, на самом же деле этого не произошло, потому что он жил рядом с растением, вечерами смотрел на него, и, хотя он даже самому себе не осмеливался признаться, в глубине души он сознавал, что это такое.

Ведь перед ним стояло существо, которое он нашёл в лесу, но не больное и жалобно стонущее, не умирающее, а молодое и полное жизни.

Но всё же оно было не совсем таким, как прежде. Моуз всмотрелся в существо и увидел те едва уловимые новые черты, которые можно было бы объяснить разницей между стариком и юношей либо между отцом и сыном, либо отнести за счёт изменения эволюционной модели.

— Доброе утро, — сказал Моуз, ничуть не удивившись, что заговорил с существом, словно в этом не было ничего необычного. — Я рад, что ты вернулся.

Существо, стоявшее во дворе, не ответило ему. Но это не имело значения: Моуз и не ждал, что оно отзовётся. Для него было важно только то, что теперь ему есть с кем поговорить.

— Я ухожу. Мне нужно сделать кое-что по хозяйству, — сказал Моуз. — Если хочешь, пойдём вместе.

Оно брело за ним по пятам, наблюдая, как он хозяйничает, и Моуз беседовал с ним, что было несравненно приятнее, чем беседовать с самим собой.

За завтраком он поставил ему отдельную тарелку и пододвинул к столу ещё один стул, но оказалось, что существо не может им воспользоваться, так как тело его не сгибалось.

И оно не ело. Сперва это огорчило Моуза, ибо он был гостеприимным хозяином, но потом он смекнул, что такой рослый и сильный юнец соображает достаточно, чтобы самому позаботиться о себе, и что ему, Моузу, видимо, не стоит беспокоиться об удовлетворении

его жизненных потребностей. После завтрака они с существом вышли в сад, и, как того и следовало ожидать, растения там уже не было. На земле лежала лишь опавшая сморщенная оболочка, тот покров, что служил стоявшему рядом с ним существу колыбелью.

Из сада Моуз отправился в гараж, и существо, увидев клетку, стремительно бросилось к ней и принялось её ощупывать.

Потом оно повернулось к Моузу и словно бы сделало умоляющий жест.

Моуз подошёл к клетке, взялся руками за один из погнутых прутьев, а существо, стоявшее рядом, схватило конечностями тот же прут, и они вместе начали распрямлять его. Но безуспешно. Им, правда, удалось чуточку разогнуть его, но этого было недостаточно, чтобы вернуть пруту первоначальную форму.

Они стояли и смотрели друг на друга, хотя слово «смотрели» едва ли подходило для этого случая, поскольку у существа не было глаз и смотреть ему было нечем. Оно как-то непонятно двигало конечностями, и Моуз никак не мог взять в толк, что оно пыталось объяснить ему. Потом существо легло на пол и показало, как прутья клетки открепляются от её основания.

Хотя Моуз спустя немного сообразил, как действует механизм крепления, он так до конца и не понял его принцип. И в самом деле невозможно было уразуметь, почему он действовал именно таким образом.

Вначале нужно было нажать на прут с определённой силой, прикладывая её под определённым углом, и прут слегка поддавался. Затем следовало снова нажать на него, прикладывая силу уже под другим углом, и прут поддавался ещё немного. Это делалось трижды, и в результате прут отсоединялся от клетки, хотя, видит бог, Моуз не мог бы объяснить, почему так получается.

Моуз развёл в горне огонь, подбросил угля и принялся раздувать пламя мехами, а существо неотрывно следило за его действиями. Но когда он взял прут, собираясь сунуть его в огонь, существо стало между ним и горном. Тут Моуз понял, что, перед тем как распрямлять прут, нагревать его не следует, и он принял это как должное. Ведь существо наверняка лучше знает, как это делается, сказал он себе.

И, обойдясь без огня, он отнёс холодный прут на наковальню и принялся выпрямлять его ударами молота, а существо в это время пыталось жестами показать ему, какую нужно придать пруту фор-

му. Эта работа заняла довольно много времени, но зато прут был распрямлён именно так, как того желало существо.

Моуз думал, что им придётся немало повозиться, пока они вставят прут обратно, но тот мгновенно скользнул в паз.

Потом они вытащили другой прут, и теперь дело пошло быстрее, потому что у Моуза уже появилась сноровка.

Но это был тяжёлый, изнурительный труд. Они работали до вечера и распрямили только пять прутьев.

Потребовалось полных четыре дня, чтобы распрямить молотом прутья клетки, и всё это время трава оставалась некошенной.

Однако Моуза это несколько не тревожило. У него теперь было с кем поговорить, и его дом покинуло одиночество.

Когда они выпрямили все прутья и вставили их в пазы, существо проскользнуло в клетку и занялось какой-то диковинной штукой, прикреплённой к потолку, которая с виду напоминала корзинку сложного плетения. Наблюдая за ним, Моуз решил, что эта корзинка была чем-то вроде автомобильного мотора.

Вдруг существо забеспокоилось. Разыскивая что-то, оно обошло весь гараж, но, видно, его поиски не увенчались успехом. Оно вернулось к Моузу, и в его жестах старик уловил отчаяние и мольбу. Моуз показал ему железо и сталь; порывшись в картонке, где он держал гвозди, зажимы, втулки, кусочки металла и прочий хлам, он извлёк из неё латунь, медь и даже кусок алюминия, но существу нужно было не это.

И Моуз обрадовался — ему было немного стыдно, но он обрадовался.

Ведь он понимал, что, когда клетка будет починена, существо покинет его. По складу своей натуры он не мог помешать существу чинить клетку или отказать ему в помощи. Но сейчас, когда выяснилось, что починить клетку, видимо, невозможно, он почувствовал, что очень этому рад. Теперь существу придётся остаться с ним, и ему будет с кем разговаривать, а из его дома уйдёт одиночество. Как было бы чудесно, подумал он, снова иметь рядом с собой живое существо. А это создание было почти таким же хорошим товарищем, как Тоузер.

На следующее утро, когда Моуз готовил завтрак, он потянулся к верхней полке буфета за овсянкой, задел рукой коробку из-под сигар, и она полетела на пол. Она упала набок, крышка откинулась, и доллары раскатились по всей кухне.

Уголком глаза Моуз заметил, как существо бросилось в погоню за одной из монет. Схватив её, оно повернулось к Моузу, и из клубка червей на его макушке послышалось какое-то дребезжание.

Оно нагнулось, сгребло ещё несколько монет и, прижав их к себе, исполнило нечто вроде джиги, и сердце Моуза упало, до него вдруг взошло, что существо так настойчиво искало не что иное, как серебро.

Моуз опустил на четвереньки и помог существу собрать остальные доллары. Они сложили их обратно в коробку из-под сигар, и Моуз отдал её существу.

Оно приняло коробку, взвесило на щупальце и явно огорчилось. Оно высыпало доллары на стол и разложило их аккуратными столбиками, и Моуз видел, что оно глубоко разочаровано.

А вдруг существо искало вовсе не серебро? — подумал Моуз. Может, оно ошиблось, приняв серебро за какой-то другой металл.

Моуз достал овсянку, насыпал её в кастрюлю с водой и поставил на плиту. Когда каша и кофе были готовы, он отнёс еду на стол и приступил к завтраку.

Существо всё ещё стояло по другую сторону стола, то так, то сяк перестраивая столбики из серебряных долларов, И теперь, подняв над этими столбиками конечность, оно дало понять, что ему нужны ещё монеты. Вот столько столбиков, показало оно, и каждый столбик должен быть вот такой высоты.

Моуза словно громом ударило, и его рука с ложкой овсянки замерла на полпути ко рту. Он подумал об остальных долларах, которыми был набит чугунный котелок, спрятанный под полом в гостиной. Он никак не мог решиться отдать их: это единственное, что у него оставалось, если не считать существа. И он не в силах был с ними расстаться, ведь тогда существо сможет починить клетку и тоже покинет его.

Не ощущая никакого вкуса, он съел миску овсянки и выпил две чашки кофе. И всё это время существо стояло перед ним и показывало, сколько ещё ему нужно монет.

— Я не могу их тебе отдать, — сказал Старый Моуз. — Ведь я сделал всё, чего только может ожидать одно живое существо от другого, кем бы оно ни было. Я нашёл тебя в лесу, согрел и дал тебе кров. Я старался помочь тебе, а когда у меня с этим ничего не получилось, я защитил тебя от этих назойливых людей. И я не вырвал тебя из земли, когда ты вновь начал расти. Неужто ты ждёшь, что я буду делать тебе добро вечно?

Но его слова лишь сотрясли воздух. Существо не слышало его, а себя он так ни в чём и не убедил. Он встал из-за стола и пошёл в гостиную, а существо двинулось следом. Он поднял доски пола, вытащил котелок, и существо, увидев его содержимое, в великой радости крепко обхватило себя конечностями.

Они отнесли монеты в гараж, и Моуз, раздув в горне огонь, поставил на него котелок и начал плавить с таким трудом накопленные деньги.

Временами ему казалось, что он не в состоянии довести эту работу до конца, но всё-таки он справился с ней.

Существо вынуло из клетки корзинку, поставило её рядом с горном, зачерпнуло железным ковшиком расплавленное серебро и стало лить его в определённые ячейки корзинки, осторожно придавая ему молоточком нужную форму.

Это длилось долго, потому что работа требовала большой точности, но наступило время, когда она подошла к концу, а серебра почти не осталось. Существо внесло корзинку в клетку и укрепило её на место.

Уже вечерело, и Моузу пришлось уйти, чтобы заняться кое-какими хозяйственными делами. Он был почти уверен, что существо вытащит из гаража клетку и, вернувшись домой, он его уже там не застанет. И он старался разжечь в себе чувство обиды — ведь существо только брало, не думая ничем отплатить ему, и, насколько он мог судить, даже не пыталось поблагодарить его. Но, несмотря на все старания, он так и не обиделся.

Выйдя из сарая с двумя ведрами молока, Моуз увидел, что существо ждёт его. Оно последовало за ним в дом и всё время держалось поблизости, и он пытался беседовать с ним. Но душа его не лежала к разговору. Он ни на минуту не мог забыть, что существо покинет его, и радость общения с ним была отравлена ужасом перед грядущим одиночеством.

Ведь для того, чтобы как-то скрасить одиночество, у него даже не осталось денег.

В эту ночь, когда он лежал в постели, на него нахлынули удивительные мысли. Он представил себе другое одиночество, ещё более страшное, чем то, которое он когда-либо знал на этой заброшенной ферме, — ужасное, беспощадное одиночество межзвёздных пустынь, мятущееся одиночество того, кто ищет какое-то место или живое

существо, и, хотя туманный образ искомого едва вырисовывается в сознании, он обязательно найдёт то, к чему стремиться, и это самое важное.

Никогда ему не приходили в голову такие странные мысли, и внезапно он понял, что это вовсе не его мысли, а того, другого, что находится рядом с ним в комнате.

Напрягая всю свою волю, он попытался встать, но не смог.

На миг он приподнял голову, но тут же уронил её обратно на подушку и крепко заснул.

На следующее утро, когда Моуз позавтракал, оба они пошли в гараж и вытащили во двор клетку. И это таинственное, неземное сооружение стояло там в холодном и ярком свете зари.

Существо подошло к клетке и начало было протискиваться между двумя прутьями, но, вдруг остановившись, вылезло обратно и подошло к Старому Моузу.

— Прощай, друг, — сказал Моуз. — Я буду скучать по тебе.

У него как-то странно защипало глаза.

Тот протянул ему на прощание конечность, и, взяв её, Моуз почувствовал, что в ней зажат какой-то предмет, нечто круглое и гладкое, и тут предмет оказался уже в руке Моуза.

Существо отняло свою конечность и, быстро подойдя к клетке, протиснулось в неё между прутьями. Оно потянулось к корзинке, что-то вспыхнуло, и клетка исчезла. Моуз одиноко стоял на заднем дворе, уставившись на то место, где уже не было клетки, и вспоминая, что он чувствовал или думал или слышал? — прошлой ночью, лёжа в постели.

Должно быть, существо уже там, в чёрном безысходном одиночестве межзвёздных далей, где оно снова ищет какой-то уголок, или предмет, или другое живое существо, но смысл этого поиска не дано постичь человеческому разуму.

Моуз медленно повернулся к дому — надо взять вёдра и идти доить коров.

Тут он вспомнил о предмете, который держал в руке, и поднял к лицу всё ещё крепко стиснутый кулак. Он разомкнул пальцы — на его ладони лежал маленький хрустальный шарик, точно такой же, как тот, который он нашёл в складке-кармане похороненного им в саду трупа. С одной только разницей — первый шарик был мёртвым и матовым, а в этом мерцал живой отблеск далёкого огня.

Глядя на него, Моуз ощутил в душе такое необыкновенное счастье и покой, какие ему редко случалось испытывать раньше. Словно его окружало множество людей и все они были друзьями.

Он прикрыл шарик рукой, а счастье не уходило — и это было непонятно: ведь ничем нельзя было объяснить, почему он счастлив. Существо покинуло его, он остался без денег, и у него не было друзей, но ему почему-то было хорошо и радостно.

Он положил шарик в карман и проворно зашагал к дому. Сложив трубочкой обветренные губы, он принялся насвистывать, а надо сказать, что давным-давно у него даже в мыслях не было посвистеть.

Может, я счастлив потому, мелькнуло у него, что, прежде чем исчезнуть, существо всё-таки пожало мне на прощание руку?

А что до подарка, то, каким бы он ни был пустяковым, как ни дешева была безделушка, ценность его заключалась в том простом и светлом чувстве, которое он в нём пробудил. Прошло много лет с тех пор, как кто-либо удосужился сделать Моузу подарок.

В бездонных глубинах Вселенной одиноко и тоскливо без Друга. Кто знает, когда удастся обрести другого.

Быть может, он поступил неразумно, но старый дикарь был таким трогательно-добрым, таким неловким, жалким и так хотел помочь. А тот, чей путь далёк и стремителен, должен путешествовать налегке. Ему больше нечего было подарить старику на память.

1. Определите элементы сюжета в рассказе, составив таблицу, где в первом столбце находятся названия сюжетных элементов, а во втором указано соответствующее событие из рассказа.
2. Соберите на Моуза досье: возраст, семейное положение, род занятий, черты характера, привычки. Почему именно ему суждено было встретить инопланетное существо и установить с ним контакт? Как относятся к пришельцу другие люди: доктор, шериф, пастор?
3. Найдите в рассказе и сравните описания умирающего и молодого пришельцев. Что вас удивило в них?
4. Перечитайте финал рассказа. Как вы понимаете слова Саймака об одиночестве, дружбе и счастье?
5. Выполните задание «"Когда в доме одиноко". Тест на знание текста» и «Название рассказа» или «Саундтрек».

Повторение

1. Литература, которая изучалась в 8-м классе, очень разнообразна по времени написания, жанрам, художественным особенностям, тематике. Предлагаем вам подвести итог прочитанному с помощью «ленты времени», хорошо знакомой из уроков истории. Распределитесь на 6 групп (по числу изученных разделов). Каждая группа определит временные рамки периода, авторов, чьё творчество представлено в них, жанры и тематику (проблематику) изученных произведений. Всё это нужно изобразить на бумаге. Соедините вместе фрагменты, получившиеся в каждой группе. Выполните следующие задания:
 - отметьте (на материале изученного), в какой последовательности в литературе появились разные художественные направления;
 - найдите, творчество каких писателей и поэтов принадлежит к одному художественному направлению;
 - установите, кто из известных авторов работал в одном жанре, какие жанры имеют более длительную историю существования в литературе;
 - определите, какие произведения имеют общие темы, попытайтесь объяснить, почему так произошло.
2. Какое из изученных в 8-м классе произведений запомнилось/понравилось больше всего? Найдите материалы, которые остались за рамками работы над ним в классе. Подготовьте презентацию об этом произведении (его герое, авторе, экранизации, театральной постановке и т. п.) и ознакомьте одноклассников с результатами самостоятельного поиска.
3. Прочитайте высказывания известных людей. С каким из высказываний вы согласны или хотите поспорить? Подтвердите своё мнение, опираясь на изученные в 8-м классе произведения.

1. Литература — это когда читатель столь же талантлив, как и писатель. *М. Светлов*
2. Все жанры хороши, кроме скучного. *Вольтер*
3. Литература — это совесть общества, его душа. *Д. С. Лихачёв*
4. Время проходит, но сказанное слово остаётся. *Л. Н. Толстой*
5. Эпитеты — одежда слов. *В. А. Солоухин*

4. Составьте «картинную» викторину по курсу литературы 8-го класса: предложите одноклассникам вопросы-портреты, вопросы-иллюстрации. Например, предложите по иллюстрации узнать героя произведения, указать автора и название произведения, определить, к какому роду и жанру литературы оно принадлежит.
5. Представьте, что вам необходимо составить сборник афоризмов из произведений, изученных в 8-м классе. Какие афоризмы вы предложите? Почему? В какие тематические группы их можно объединить?
6. Какие нравственные понятия (законы) вы научились ценить, прочитав рекомендованные для 8-го класса произведения? Вспомните не только авторов и названия произведений, но и самые важные или поучительные эпизоды из них.
7. Составьте для семиклассников список для летнего чтения с краткой характеристикой (рекламой) произведений, прочитанных вами в 8-м классе.
8. Самостоятельно выберите и выполните несколько заданий из раздела «Повторение и обобщение».

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Анти́чная литерату́ра (от лат. *antiquus* — древний) — литература Древней Греции и Древнего Рима, создававшаяся в период с IX века до нашей эры до V века нашей эры.

Вёчные о́бразы — художественные образы, которые, возникнув в конкретных исторических условиях, приобретают общечеловеческую значимость и впоследствии вновь и вновь возникают в творчестве писателей разных эпох, например: Прометей, Дон Жуан, Дон Кихот, Фауст.

Дра́ма — род литературы, основу которого составляет действие, развёртывающееся в настоящее время, с острыми конфликтными ситуациями. Средством обрисовки действующих лиц в драме являются их собственная речь (диалоги, монологи, реплики) и поступки; авторские комментарии к пьесе ограничиваются ремарками. Драма предназначена, как правило, для сценического воплощения. Драматические произведения делятся на *трагедии, комедии, драмы* (в узком смысле слова).

Жа́нр — внутри определённого рода литературы вид произведения, который характеризуется рядом отличительных черт (объём произведения, особенности построения сюжета и композиции, своеобразие героя и т. п.).

Коме́дия — драматический жанр, изображающий такие жизненные положения и характеры, которые вызывают смех. В комедии используются все способы создания комического: юмор, ирония, сатира, сарказм. Различают *комедии положений* и *комедии характеров*.

Конфли́кт худо́жественный — противоборство, столкновение идей, настроений, характеров, которое воплощается в сюжете художественного произведения.

Ли́рика — род художественной литературы, передающий эмоциональное состояние человека в определённый момент жизни. Лирический образ — это образ-переживание, выражение чувств и мыслей автора, которые имеют общечеловеческое значение. Каждое слово в лирическом произведении несёт особую смысловую и эмоциональную нагрузку. Лирика тяготеет к стихотворной речи: в ней отсутствует развёрнутый сюжет, нет законченных характеров,

поступков, описаний. Жанры лирики: *лирическая песня, послание, эпиграмма, элегия* и пр.

Лирический герой — образ героя, чьи мысли, чувства, состояния переданы в лирическом произведении. Он не совпадает с автором, хотя и отражает его переживания, связанные с теми или иными событиями его жизни, отношением к природе, обществу, людям.

Лиро-эпический жанр — вид стихотворного произведения, в котором сливаются лирическое и эпическое начала: повествование о событиях, переживаниях героев сочетается с выражением чувств, мыслей, оценок автора. К лиро-эпическому жанру относятся *поэма, баллада* и др.

Образ повествователя — образ особого типа в эпическом произведении, от лица которого ведётся повествование; он проявляет себя только в речи через отношение к тому, о чём рассказывает. Образ повествователя не всегда совпадает с позицией автора, его язык не тождествен писательскому.

Образ художественный — форма воспроизведения действительности в искусстве, конкретная, индивидуализированная и вместе с тем обобщённая картина жизни, результат творческого освоения художником реальной действительности.

Параллелизм — тождественное или сходное расположение элементов речи в смежных частях текста, создающих единый поэтический образ. Параллелизм может быть *словесно-образный, ритмический, композиционный*.

Пафос — эмоциональное содержание художественного произведения, чувства и эмоции, ожидаемый автором эмоциональный отклик читателя. Выделяют виды пафоса: *героический, трагический, драматический, романтический* и т. п.

Поэма — значительное по объёму стихотворное произведение. Существует ряд жанровых разновидностей: *поэма-путешествие, лиро-эпическая поэма* и др.

Символ — предмет или слово, условно выражающее сущность какого-то явления (утро — символ молодости; хлеб-соль — символ гостеприимства). В литературе в некоторой мере всякий образ символичен, поскольку в единичном воплощает общее.

Сонет — стихотворение из четырнадцати строк, написанных, как правило, пятистопным ямбом, имеющее строго определённую рифмовку и строфику.

Строфа́ — сочетание стихов (строк), образующее единство. Чаще всего стихи в строфе связаны определённым расположением рифм, отделены от смежных сочетаний стихов большой паузой, завершением рифменного ряда и другими признаками.

Сюже́т — в художественном произведении система событий, раскрывающая характеры действующих лиц и отношение писателя к изображаемым явлениям.

Трагедия́ — драматический жанр, в котором изображаются исключительно острые, непримиримые жизненные конфликты, которые грозят катастрофическими последствиями и часто — гибелью героя.

Троп — употребление слова в переносном (не прямом) его значении, что помогает индивидуализировать речь, подчёркивает в ней оценочный элемент. К тропу относят: *метафору, эпитет, сравнение, гиперболу* и др.

Филосо́фская ли́рика — разновидность лирических произведений, в которых поднимаются вечные вопросы: смысл и предназначение человеческой жизни, выбор жизненной позиции человека, добро и зло, истина и ложь и т. д.

Хара́ктер литерату́рный — художественное изображение человека в его индивидуально неповторимом отношении к миру; в нём отражено познание и оценка писателем жизни, образное представление о её возможностях, его эстетический идеал.

Эле́гия — лирическое стихотворение, проникнутое грустью, наполненное скорбными размышлениями.

Эпо́с — род литературы, в котором воспроизводится внешняя по отношению к автору действительность. Повествование ведётся от имени реального или условного рассказчика, свидетеля, участника или героя события. Для эпоса характерно многостороннее изображение жизни, обрисовка человека в развитии его характера, мотивировка его поведения. Способы изложения разнообразны: повествование, описание, рассуждение, диалог, монолог, авторское отступление. Жанры эпоса: *рассказ, новелла, повесть, роман* и др.

Юмор — наиболее жизнеутверждающая форма комического; весёлая, доброжелательная усмешка, в основе которой не отрицание жизненного явления, а признание его несовершенства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Айвазовский, И. К. Прощание Пушкина с морем / И. К. Айвазовский, И. Е. Репин [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://artelio.ru>.
2. Ахматова, А. А. Сочинения в двух томах / А. А. Ахматова. — М. : Цитадель, 1996.
3. Безбородов, К. В. Легенда о Данко / К. В. Безбородов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://diafilm.net/diafilm/3875-legenda-o-danko>.
4. Библиотека современной фантастики / сост. Ю. Кривцов. — М. : Молодая гвардия, 1970.
5. Богдеско, И. Т. Земфира идёт на свидание / И. Т. Богдеско [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://bse.sci-lib.com/article002663.html>.
6. Боровский, Д. Л. Чехов А. П., портрет / Д. Л. Боровский [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://infourok.ru/Чехов>.
7. Браз, И. Э. Чехов А. П., портрет / И. Э. Браз [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://tretiakovgallery.ru/collection/?category=all&period=all&author=braz&page=1&place=all>.
8. Буонарроти, М. Пьета / М. Буонарроти [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://900igr.net/>.
9. Буканова, Н. А. Иллюстрации к произведению «Ася» / Н. А. Буканова [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.labirint.ru>.
10. Верейнов, А. Л. Александр Пушкин — Поэт и Автор / А. Л. Верейнов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://bg.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:AlexanderPushkin_portrait.jpg.
11. Гальдяев, В. Л. Иллюстрации к произведению «Княгиня Трубецкая» / В. Л. Гальдяев [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://book-graphics.blogspot.com.by/2015/03/russian-women-by-n-nekrasov.html>.
12. Гент, Ю. Петрарка / Ю. Гент [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org>.
13. Гуффенс, Г. Эверта, муза лирической поэзии / Г. Гуффенс [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://acropolis.org.ru/Novosibirsk/arrangements/?id=5255>.
14. Евтушенко, Е. А. Стихотворения / Е. А. Евтушенко. — М. : Слово, 1999. — (Самые мои стихи).
15. Заболотский, П. Е. Лермонтов М. Ю., портрет / П. Е. Заболотский [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://mylitta.ru>.
16. Заблоцкий, Н. А. Меркнут знаки Зодиака / Н. А. Заблоцкий. — М. : Эксмо-пресс, 1998.
17. Казаков Ю. П. Избранное : рассказы : северный дневник / сост. и подгот. текста Т. Судник ; предисл. Вл. Гусева ; худож. Л. Дурасов. — М. : Художественная литература, 1985. — 559 с.
18. Келин, П. Маяковский В. В., портрет / П. Келин [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://hrono.ru/biograf/bio_m/majakovski_vv.php.
19. Кипренский, О. А. Пушкин А. С., портрет / О. А. Кипренский [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.tretiakovgalleryshop.ru/reproductions/kiprenskii/005234.html>.
20. Клементьева, К. А. Иллюстрации к произведению «Цыганы» / К. А. Клементьева [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ru.bidspirit.com/portal/#!/lotPage/source/catalog/auction/2537/lot/72778/>.

21. *Короленко, В. Г.* Собрание сочинений в 10 т. / В. Г. Короленко. — М. : Гослитиздат, 1954.
22. *Крамской, И. Н.* Некрасов Н. А., портрет / И. Н. Крамской [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ote4estvo.ru/kartiny-russkix-xudozhnikov/portrety/2009-portrety-nekrasova-nikolaya.html> ; design-kmv.ru.
23. *Кукрыниксы.* Иллюстрация к произведению «Переполох» / Кукрыниксы [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://arckehhov.ru/books/Переполох>.
24. *Кулло-Валера, Л.* Памятник Сервантесу и его героям в Мадриде / Л. Кулло-Валера, Ф. Кулло-Валера [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://photo.qip.ru>.
25. *Маковский, В. Е.* Приезд учительницы в деревню / В. Е. Маковский [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://n1.by/news/680411-avgustovskii-pedsovet-1913-goda-ili-razbor-zhiznennoi-kartiny-%C2%ABpriezd-uchitelnitsy-v-der>.
26. *Малевич, К. С.* Точильщик : принцип мелькания / К. С. Малевич [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://papyrus-net.livejournal.com>.
27. *Мартен, Э.* Лопухина В. А., миниатюра / Э. Мартен [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.staroradio.ru>.
28. *Микелино, Д.* Данте, держащий в руках «Божественную комедию»: фреска / Д. Микелино [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Dante_Domenico_di_Michelino_Duomo_Florence.jpg.
29. *Набиулин, А.* Шолохов М. А., портрет / А. Набиулин [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://illustrators.ru>.
30. *Никольский, Г. Е.* Иллюстрация к произведению «Узник» / Г. Е. Никольский [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://skaz-pushkina.ru>.
31. *Пиков, М. И.* Прощание Гектора с Андромахой : песнь шестая / М. И. Пиков [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://storinka.click/565-gomer-legendarnyy-prorok-ellady-iliada-i-odisseya.html>.
32. *Пименов, Ю. И.* Фронтальная дорога / Ю. И. Пименов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://automoto-journal.ru/tag/zhivopis/>.
33. Поэтические тексты из школьной программы по русской литературе для заучивания наизусть, обязательного и дополнительного чтения : хрестоматия / сост. О. И. Царёва. — Минск : Белорусская ассоциация «Конкурс», 2014. — 256 с.
34. *Сантти, Р.* Автопортрет / Р. Сантти [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://wanderingsonline>.
35. *Сантти, Р.* Дама в покрывале / Р. Сантти [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://smallbay.ru>.
36. *Репин, И. Е.* Короленко В. Г., портрет / И. Е. Репин [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://ilya-repin.ru/artists2/repin6.php>.
37. *Рубцов, Н. М.* Стихотворения : поэзия XX века / Н. М. Рубцов. — М. : Профиздат, 1998.
38. Русская и советская поэзия для студентов-иностранцев / А. К. Демидова, И. А. Рудакова. — М. : Высшая школа, 1969.
39. Русские поэты : антология в четырёх томах. — М. : Детская литература, 1968.
40. *Рылов, А. А.* Прозрачное осеннее утро / А. А. Рылов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://artchive.ru/artists/220-Arkadij_Aleksandrovich_Rylov/works/500612-Prozrachnoe_osennee_utro.
41. Священная война : стихи о Великой Отечественной войне. — М. : Художественная литература, 1966.

42. *Соколов, И. Ф.* Воронцова Е. К., миниатюра / И. Ф. Соколов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://hudozhnikam.ru/brullov/40.html>.
43. *Сорин, С. А.* Горький Максим, портрет / С. А. Сорин [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.kultpro.ru>.
44. *Сорин, С. А.* Иллюстрация к произведению «Старуха Изергиль» / С. А. Сорин [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://artforspb.ru/>.
45. *Строфы века : антология русской поэзии / сост. Е. А. Евтушенко.* — Минск ; М. : Полифакт, 1995.
46. *Тоидзе, И. М.* Легенда о Данко / И. М. Тоидзе [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.literaturus.ru>.
47. *Толстой, Ф. П.* Вид в Парголово-мском саду / Ф. П. Толстой [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.viart-tm.ru/large_print/canvas_print/fotobank_kartin_hudozhnikov/tolstoy/.
48. *Трофимов, С.* Иллюстрация к произведению «Судьба человека» / С. Трофимов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.myshared.ru>.
49. *Тропинин, В. И.* Пушкин А. С., портрет / В. И. Тропинин [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://uslide.ru/russkiy-yazik/18605-sochinenie-po-kartina-m-oakiprenskogo-i-vitropinina.html>.
50. *Тургенев, И. С.* Избранное / И. С. Тургенев. — М. : Современник, 1979. — (Классическая библиотека «Современника»).
51. *Тышлер, А. Г.* Иллюстрация к произведению «Хорошее отношение к лошадям» / А. Г. Тышлер. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://close-up.narod.ru>.
52. *Устинов, Н. А.* Выхожу один я на дорогу / Н. А. Устинов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://pro100-mica.livejournal.com>.
53. *Харламов, А. А.* Тургенев И. С., портрет / А. А. Харламов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://artpoisk.info>.
54. *Чехов, А. П.* Полное собрание сочинений и писем / АН СССР, Ин-т мировой литературы им. Максима Горького. — М. : Наука, 1974—1986.
55. *Чехов, А. П.* Полное собрание сочинений и писем в 30 т. / А. П. Чехов. — М. : Наука, 1984.
56. *Шагал, М. З.* Прогулка / М. З. Шагал [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://arttrue.ru>.
57. *Шевандронова, И. В.* На террасе / И. В. Шевандронова [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://otkritka-reprodukcija.blogspot.com.by>.
58. *Шекспир, У.* Сонеты / У. Шекспир ; пер. С. Я. Маршака. — М. : Полиграфия, 1988.
59. *Шолохов, М. А.* Судьба человека / М. А. Шолохов. — М. : Гос. изд-во худож. лит-ры, 1956.
60. *Шолохов, М. А.* Судьба человека / М. А. Шолохов ; худож. : М. В. Куприянов, П. Н. Крылов, Н. А. Соколов. — М. : Речь, 2016.
61. *Шухвостов, О. М.* Плач детей / О. М. Шухвостов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://900igr.net>.
62. *Щербаков, Б. В.* Лермонтов М. Ю., портрет / Б. В. Щербаков [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.artlib.ru/index.php?id=11&idp=135&fp=2&uid=1637&iid=19832&idg=0&user_serie=0.
63. *Юон, К. Ф.* Новая планета / К. Ф. Юон [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://sdam-na5.ru/sochineniya-po-kartina-m/449-sochinenie-po-kartine-yuona-novaya-planeta>.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
ОТ ДРЕВНИХ ВРЕМЁН ДО НАЧАЛА XIX ВЕКА	
Античная литература	6
Литература эпохи Возрождения	9
У. Шекспир	11
<i>Сонет как жанр лирики</i>	12
Сонеты (<i>В переводе С. Я. Маршака</i>)	14
ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА	
А. С. Пушкин	20
Узник	21
<i>Лирический герой</i>	22
Сожжённое письмо	24
<i>Элегия как жанр лирики</i>	25
К морю	26
Цыганы	29
<i>Лиро-эпическая поэма</i>	50
М. Ю. Лермонтов. Ангел	52
«Выхожу один я на дорогу...»	54
«Она не гордой красотой...»	56
Молитва	57
<i>Строфика стихотворения</i>	57
<i>Понятие о лирическом мотиве</i>	58
ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА	
Н. А. Некрасов	60
Плач детей	62
«Внимая ужасам войны...»	64
Русские женщины. Княгиня Трубецкая (<i>В сокращении</i>)	66
<i>Поэма-путешествие</i>	91
И. С. Тургенев	92
Ася	93
<i>«Тайный психологизм» И. С. Тургенева</i>	139
<i>Стихотворения в прозе</i>	141
Мы ещё повоюем	142
Воробей	142
Русский язык	144
А. П. Чехов	145
Переполюх	147
<i>Понятие о подтексте</i>	154
В. Г. Короленко	155
Парадокс (<i>В сокращении</i>)	156

<i>Роль композиции в раскрытии авторской концепции</i>	174
Максим Горький	175
Старуха Изергиль (<i>В сокращении</i>)	176
<i>Ритм в прозе</i>	188

ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В. В. Маяковский	191
Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче	192
Хорошее отношение к лошадям	195
<i>Средства выразительности и интонационно-ритмические особенности стихотворений В. В. Маяковского</i>	198

ТЕМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А. А. Ахматова	200
Клятва	201
Мужество	202
К. М. Симонов	203
«Жди меня...»	204
М. В. Исаковский. «Враги сожгли родную хату...»	205
<i>Выражение патриотического пафоса в лирическом стихотворении</i>	207
М. А. Шолохов. Судьба человека	208

ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Поэзия и проза 1950—1990-х годов	240
Н. А. Заболоцкий	241
О красоте человеческих лиц	242
Некрасивая девочка	243
Не позволяй душе лениться	244
<i>Особенности философской лирики</i>	245
Р. И. Рождественский. За того парня	246
«Всё начинается с любви...»	248
Е. А. Евтушенко. «Людей неинтересных в мире нет...»	249
«Я не сдаюсь, но всё-таки сдаю...»	251
Н. М. Рубцов. Русский огонёк	252
Утро	254
Ю. П. Казаков	255
Голубое и зелёное	256

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К. Саймак	281
Когда в доме одиноко	282
Повторение	302
Литературоведческий словарь	304
Список использованных источников	307

(Название и номер учреждения общего среднего образования)

Учебный год	Имя и фамилия учащегося	Состояние учебного пособия при получении	Оценка учащемуся за пользование учебным пособием
20 /			
20 /			
20 /			
20 /			
20 /			
20 /			

Учебное издание

Захарова Светлана Николаевна

Морозова Татьяна Анатольевна

Чепелева Галина Михайловна

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебное пособие для 8 класса
учреждений общего среднего образования
с белорусским и русским языками обучения

Нач. редакционно-издательского отдела *Г. И. Бондаренко*

Редактор *Т. В. Примачёнок*

Обложка художника *З. П. Болтиковой*

Художественный редактор *Е. П. Протасеня*

Художник *В. А. Протасеня*

Компьютерная вёрстка *О. М. Брикет*

Корректоры *Е. В. Шобик, Д. Р. Лосик, В. П. Шкредова*

Подписано в печать 11.06.2018. Формат 70×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

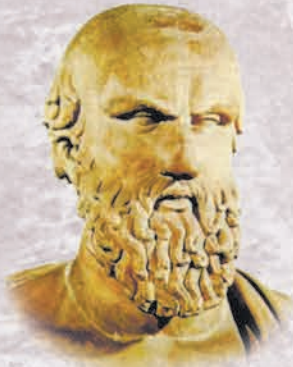
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,82. Уч.-изд. л. 17,0. Тираж 130 830 экз. Заказ

Научно-методическое учреждение «Национальный институт образования» Министерства образования Республики Беларусь. Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/263 от 02.04.2014. Ул. Короля, 16, 220004, г. Минск

ОАО «Полиграфкомбинат им. Я. Коласа». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 2/3 от 04.10.2013.

Ул. Корженевского, 20, 220024, г. Минск

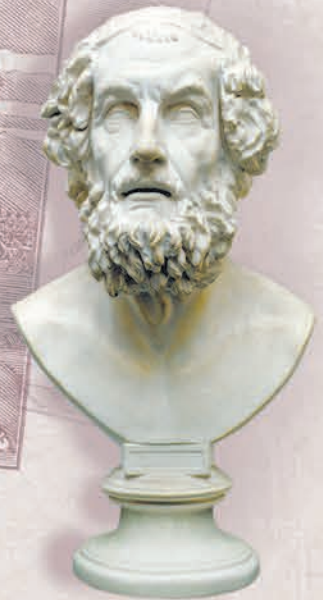
Правообладатель Национальный институт образования

Эсхил

М. И. Пиков.
Прощание Гектора с Андромахой

Гомер

Древнегреческие
театральные
маски из глины

Аристофан

Парфенон

Колизей

Акрополь в Афинах. Реконструкция

Миниатюра XV века.
Лаура

Юстус ван Гент.
Петрарка

Доменико ди Микелино.
Данте Алигьери

Микеланджело Буонарроти.
Пьета

Беатриче

Лоренцо и Федерико Кулло-Валера.
Памятник Сервантесу и его героям в Мадриде

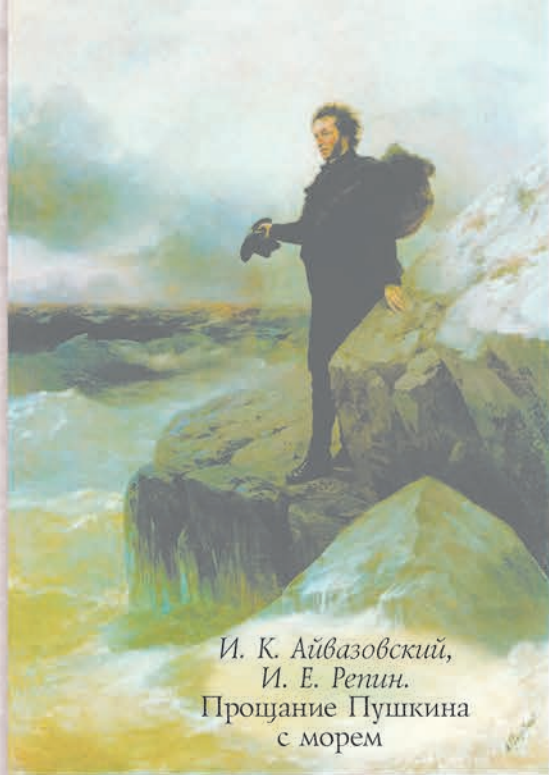
Рафаэль Санти.
Автопортрет

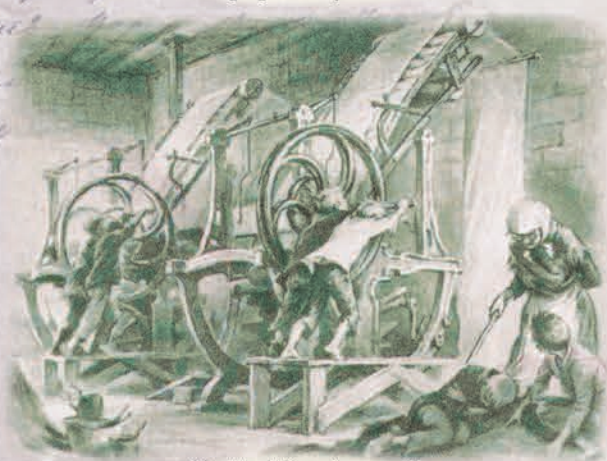
Рафаэль Санти.
Дама в покрывале

О. А. Кипренский.
Портрет Пушкина

И. К. Айвазовский,
И. Е. Репин.
Прощание Пушкина
с морем

О. М. Шухвостов.
Плач детей

К. В. Безбородов.
Легенда Данко

Н. А. Устинов.
Выхожу один на дорогу...

М. З. Шагал.
Прогулка

К. С. Малевич.
Точильщик (Принцип мелькания)

1. РАЗРУХА

2. ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ?

3. ЭТО ЗНАЧИТ И ТЫ О
РАЗРУХЕ НЕ ВОЙ.

4. СИЛЫ СВОИ В РАБОТЕ
УДВОИ

ГОСТАН № 920

СЕСТРА

Нет! Не давай свободу бое,
Не давай свободы танцам,
Умел, ты видел как бойком
Родной шаг от боев,
—
Нет! Не давай свободу бое,
Не давай свободы танцам,
Умел, ты видел как бойком
Родной шаг от боев,
—
Нет! Не давай свободу бое,
Не давай свободы танцам,
Умел, ты видел как бойком
Родной шаг от боев,
—
Нет! Не давай свободу бое,
Не давай свободы танцам,
Умел, ты видел как бойком
Родной шаг от боев,
—